

Ю. А. ЕРМАКОВ

МАНИПУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТЬЮ:

Смысл, приемы, последствия

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
1995

**ББК Ю616
Е 234**

Научный редактор доктор философских наук, профессор,
академик РАН Л. Н. Коган

Рецензенты: доктор философских наук, профессор Г. В. Мокроносов;
Институт философии и права Уральского отделения РАН

Редактор Н. В. Чапаева

Ермаков Ю. А.

Е 234 Манипуляция личностью: Смысл, приемы, последствия. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. – 208 с.
ISBN 5-7525-0533-X

В монографии впервые излагается целостная концепция социальных манипуляций человеком. Автор показывает, что этот феномен – тайная власть над людьми, скрытое управление их сознанием и поведением – носит универсальный и общечеловеческий характер, приводит к формированию манипуляторского типа личности. Раскрывается технология подавления человеческой индивидуальности в тоталитарном обществе, а также методы невидимой регуляции сознания индивидов с помощью средств массовой коммуникации.

Рассчитана на философов, политологов, психологов, социологов, журналистов, педагогов, всех тех, кто интересуется проблемами полноценности индивидуальной жизни, гуманизацией развития личности.

0303020000-13
Е **182(02)-95** **Заказное**

ББК Ю616

ISBN 5-7525-0533-X

© Ю. А. Ермаков, 1995

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава I. ФЕНОМЕН МАНИПУЛЯЦИЙ ЧЕЛОВЕКОМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА	4
Глава II. РЕДУКЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ	26
Глава III. ЗАМЕЩЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ИНДИВИДЕ	60
Глава IV. СПОСОБЫ ТАЙНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ	101
Глава V. ТЕНЕВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ МАСС-КОММУНИКАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ	136
Глава VI. МАНИПУЛЯТОРСКИЙ ТИП ЛИЧНОСТИ	169
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	192
ПРИМЕЧАНИЯ	199

Глава I

ФЕНОМЕН МАНИПУЛЯЦИЙ ЧЕЛОВЕКОМ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРАКТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Словосочетание “манипуляция личностью” (идеологическая, политическая, психологическая, педагогическая, религиозная, социальная и т. п.) имеет довольно широкое хождение в мировой, в том числе российской, публицистической и научно-философской литературе, а также в политической практике. И хотя употребляется оно, как правило, в метафорическом смысле, нарастающая частота его использования симптоматична. За ней стоит, на мой взгляд, еще мало изученное явление, некая скрытая тенденция человеческих отношений, которая все чаще прорывается на поверхность общественной жизни, не получая вместе с тем всесторонней философской интерпретации.

Между тем, если вдуматься в это выражение, оно может показаться весьма противоречивым, даже абсурдным, напоминающим нечто вроде словосочетаний “круглый квадрат” или “треугольное колесо”. В самом деле, ведь глагол “манипулировать”, если исключить его ценностную нагруженность, обозначает прежде всего нейтральные операции и действия с какими-либо вещами или предметами. Так, мы говорим, что хирург манипулирует инструментами во время операции, т. е. меняет, чередует их с целью воздействия на пораженное место больного. В технике термин “манипуляция” обозначает функциональное действие различных механизмов, например, робот-манипулятор, осуществляет, подобно человеческой руке, действия и операции нередко в трудных, опасных для человека условиях – в космосе, во вредной для здоровья среде.

В этологии, антропологии и зоопсихологии термин “манипуляция” обозначает такую двигательную активность животных, которая охватывает все формы активного перемещения ими в пространстве предметов и компонентов окружающей среды. При этом он употребляется как противоположный термину

“локомоция”, обозначающему перемещение самих животных в пространстве. Манипуляционный способ решения жизненных задач позволяет животным получать наиболее глубокую, разнообразную и существенную для психического развития информацию. В ходе эволюции совершенствование манипуляционных действий играло решающую роль в развитии познавательных способностей животных и легло в основу формирования их интеллекта. Кроме того, у ископаемых приматов – предков человека манипулирование “биологически нейтральными” предметами явилось основой зарождения трудовой деятельности¹.

Сходное значение имеет данный термин и в возрастной психологии. Предметно-манипулятивная деятельность ребенка (например, с игрушками), доминирующая в первые годы его жизни, также способствует развитию его познавательных способностей, установлению через предметы связей с близкими ему людьми, является формой общения ребенка с окружающей средой. Здесь манипуляции обретают уже характер смыслообразующих действий, реализующих через предметы специфические потребности, интересы, ценностные установки ребенка в его контактах с внешним миром.

Таким образом, если характеризовать манипулятивную деятельность в целом, то она, очевидно, является позитивным фактором в эволюции животного мира, в истории становления человека и человечества, играя и по сей день прогрессивную роль в совершенствовании его технических возможностей, в освоении различных природных сфер Земли и Космоса.

Однако когда мы говорим о манипуляции живой человеческой личностью, то невольно ассоциируем эту личность с предметом, с вещью, которые являются чем-то завершенным, законченным. Иными словами, это выражение, хотя и не явно, но отрицает личностный потенциал человека – его изначальную способность быть субъектом общественной жизни и индивидуального бытия, деятельности, общения, автором собственной биографии и в известном смысле судьбы. А именно этот признак личности, несмотря на частные различия в точках

зрения, считает инвариантным абсолютное большинство философов, культурологов и психологов.

Так, например, Гегель рассматривал личность как существо саморазвивающееся и создающее свободу, как безусловное, а не условное начало в индивидуе². М. Шелер писал о личности как о “деятельном центре” духовных актов человека, превращающих его в самозаконного, независимого и “отрешенного” от разнообразного принуждения и давления индивидуума³. Широко известна точка зрения М. Бахтина на личность как на “субъект поступания”. А. Лосев рассматривал личность прежде всего как субстанциональное и уникально-неповторимое начало в индивидах, как “диалектическое тождество субъекта и объекта”⁴. Многочисленные работы Э. Фромма дают основание полагать, что и в его понимании понятие “личность” обозначает, в первую очередь, индивидуальную духовную способность к саморождению, саморазвитию и самореализации: “Рождение человека в обычном смысле слова, – пишет он об осознании индивидом себя в качестве личности, – есть только рождение его в дальнейшем смысле. Вся жизнь индивидуума есть не что иное, как процесс саморождения”⁵.

Разные авторы акцентируют внимание на индивидуальности, культуре, социальности личности, свободе ее волеизъявления, умении развивать свои природные задатки, на самостоятельности личности, целостности, проективности, ответственности и вменяемости, способности к “самостоянию” (А. Пушкин) и “упрямству духа” (В. Франкл). Однако во всех определениях ее инвариантный признак – субъектность, на который указывает приставка “само-”, так или иначе сохраняется. Момент саморожденности, саморазвития, самореализации своей индивидуальности, обретения личностью всеобщих и полноценных форм бытия символическим образом выражен и религией в истории жизни Будды, Христа, Магомета, Заратустры, других великих учителей человечества.

Следовательно, когда говорится о манипуляциях личностью, то исподволь предлагается рассматривать ее сквозь призму “вещи”, как некий “мертвый” объект приложения внешнего

воздействия, что, естественно, отрицает изначальную природу личности и напоминает скорее взгляд на нее глазами некрофила. Словом, при такой интерпретации понятий “манипуляция” и “личность” само манипулирование личностью оказывается в принципе невозможным.

Поэтому возникает вопрос: не порождена ли эта проблема лишь противоречием терминов, вызванным их произвольным истолкованием? Если да, то проблема вообще снимается – и как научная, и как проблема соответствующего модуса бытия индивидов. Однако интуиция подсказывает, что в кажущемся терминологическом недоразумении находят отзвук какие-то экзистенциальные противоречия, с которыми приходится сталкиваться индивидам в своей повседневной жизни и на свой страх и риск решать их, развивая или утрачивая свой индивидуально-личностный потенциал. Конечно, эти противоречия следует искать, очевидно, в первую очередь в связях индивидов с социальными формами их существования, которые на протяжении всей общественной истории – и это можно утверждать вполне определенно – не соответствовали потребностям большинства людей в полноценной жизни. Формулировались эти противоречия в экзистенциализме, марксизме, персонализме, фрейдизме, философии жизни и т. д. как антагонизмы сущности и существования человека, как противоречия индивида и рода, жизни и судьбы, Бога и тварной человеческой природы, физической природы и культуры индивида, его древних инстинктов и требований цивилизованного человеческого существования, наконец, как извечный антагонизм социального и индивидуального в человеке.

Некоторые из названных противоречий можно было бы интерпретировать более конкретно в плане конфликта статус-кво определенного общества, сложившихся форм человеческого общежития и полноценного личностного развития индивидов, предполагающего их целостность, свободу, выявление индивидуальности и уникальности. Правда, может показаться, что речь в этом случае пойдет о конфликте идеала и действительности, совпадение которых в истории, как известно, является ред-

костью, ибо большинству людей приходится не столько в полную меру жить, сколько бороться за свое выживание. Однако, например, Э. Фромм считает это противоречие вполне реальным: "Разные общества отличаются степенью, до которой они способствуют развитию индивида, но в каждом из них существует разрыв (разрядка моя. – Ю. Е.) между задачами нормального функционирования общества и полного развития каждой личности"⁶.

Не будет преувеличением сказать, что свидетельством этого разрыва может быть, в частности, масса душевнобольных людей в современном индустриальном и постиндустриальном обществах. В частности, в России их сегодня по разным оценкам от пяти до семи и даже до десяти процентов населения. Одной из причин умственно-душевных расстройств является хорошо известный психологии феномен раздвоения личности⁷. Однако в истолковании его значения мнения ученых подчас существенно расходятся. Одни считают его чуть ли не нормой цивилизации, другие – проклятием современного человека, к которому он вынужден притерпеться, как и к иным своим недомоганиям. Третьи такое раздвоение оценивают как чрезвычайно опасный, болезненный синдром, устранить который способны только психопатологи.

Уместно вспомнить в этой связи, что во французском и английском языках термин *alienation* означает наряду с умопомешательством и отчуждение. Следуя этой семантике, например, философ А. Шафф характеризует отчуждение и как психопатологическое состояние: раздвоение личности, утеря личностного тождества, ступор и т. д.⁸ Является ли подобная трактовка диссоциации личности как и ее отчуждения лишь вербальной или за ней стоят подлинные факты человеческого бытия?

Хорошо известно, что за внешне благополучной адаптацией к тому или иному обществу, за добросовестным исполнением общественных обязанностей может скрываться человек, отвергнувший свою индивидуальность и уникальность или не нашедший себя, ставший в обществе марионеткой, отказавшийся от своей независимости и свободы, как это происходило с боль-

шинством людей при тоталитарных режимах, в так называемом социалистическом коллективе. Является ли такой человек здоровым и полноценно развитым в сравнении, например, с мятежным диссидентом, который отчаянно доказывал свое право на индивидуальные убеждения и взгляды перед могущественным государством? Если иметь в виду универсальные человеческие ценности – независимость, свободу, индивидуальность личности, то очевидно, что инакомыслящий был более нормальным, духовно развитым человеком, нежели отчужденный от себя индивидуум, пускай имеющий все признаки социального благополучия и безусловно “пригнанный” к существующим социальным структурам, ибо эта адаптированность достигалась, как правило, ценой отказа от своей индивидуальной свободы, в ущерб целостности личности, за счет превращения в конформиста.

Следует особо подчеркнуть, что указанный Э. Фроммом разрыв и, соответственно, относительность и двусмысленность критериев оценки развития личности подтверждаются различными философскими, социологическими и психологическими теориями, которые можно объединить в две большие группы. Первая из них, включающая экзистенциализм, персонализм, гуманистическую психологию, логотерапию, неомарксизм Франкфуртской школы и т. д., руководствуется преимущественно потребностями индивида и на нормальность его личности смотрит с позиций защиты ее психического здоровья, полноценного развития, ее целостности, свободы, счастья. Вторая группа, к которой относятся догматический марксизм, в известном смысле структурализм, позитивизм, прагматизм, советская теоретическая социология, руководствуется прежде всего потребностями функционирования общества и развитость личности определяет с позиций ее социальной эффективности: способностей к выполнению социальных ролей, к труду, к участию в воспроизводстве общественной жизни и к адаптации в ней. Так, психиатрическая наука в СССР, следуя этим установкам, рассматривала диссидентов как душевнобольных людей и пыталась медицинскими средствами адаптировать их к тоталитарному обществу.

Таким образом, разрыв между нормальным функционированием общества и полным развитием личности с теоретической и практической сторон является проблемой полноценной социализации и адаптации человека в конкретных общественных отношениях. На остроту и масштабность данной проблемы указывает Ф. А. Хайек: “Человечество разрывается между двумя состояниями бытия. С одной стороны, бытуют установки и эмоции, характерные для поведения в малых группах... С другой стороны, есть новая, сравнительно недавняя ступень культурной эволюции, взобравшись на которую люди перестают служить прежде всего своим знакомым или преследовать совместные цели. <...> Следовательно, мы должны научиться жить в двух мирах одновременно”⁹. Стало быть, если умение “жить в двух мирах” не исключает развития индивидуальности конкретных людей, их специфических сил и способностей, то в этом случае можно говорить и о нормальном развитии их личности, о полноценной социализации человека. Однако если адаптация индивидов в социуме достигается за счет нивелирования их индивидуальности, в ущерб целостности их личности, ценой отказа от личной свободы и превращения в социальных функционеров – в этом случае, очевидно, можно говорить о манипуляции человеческой личностью.

Следует, однако, сразу уточнить, что эта проблема содержит не только отрицательный аспект. Иными словами, социальные, политические и другие манипуляции являются, на взгляд Ф. А. Хайека, объективным и необходимым, хотя, разумеется, не очень приятным моментом человеческого существования. Ведь человеку часто легче сдвигать горы, менять русла рек, осваивать пустыни, нежели подвинуть на изменение самого себя. Поэтому не всегда манипуляции обладают для людей только отрицательным значением, связанным исключительно с нанесением ущерба их сознанию и личной жизни. В конечном счете оценка манипуляций должна исходить, на мой взгляд, из их характера, направленности и результатов.

Однако социальные манипуляции исследуются как в российской, так и в подавляющем числе случаев в зарубежной

литературе только с негативной стороны. Общие причины их рассмотрения только как деструктивного и аморального явления, по-видимому, связаны с психологией человека: человеку вообще и особенно интеллектуалу всегда трудно смириться с тем, что его жизнью, деятельностью и развитием подчас управляет чья-то невидимая рука.

Другой причиной, предопределяющей негативный статус данной проблемы, являются те мировоззренческие предрассудки, которые навязывались общественному сознанию десятилетиями идеологической борьбы и психологической войны между капиталистическими и социалистическими странами Запада и Востока. Глобальная схватка за умы и души людей не только не способствовала адекватной научной постановке данной проблемы, но подчас вообще принуждала ученых закрывать глаза на ее реальность и, главное, на необходимость поиска того подлинного смысла и значения манипуляций, которые имеют место в человеческой жизни и истории.

Так, на исследование процессов манипулирования личностью в бывшем Советском Союзе, так же как и в других странах социалистического лагеря, было вообще наложено идеологическое вето. Поэтому авторы, которые касались этой проблемы, были вынуждены почти всегда рассматривать ее на материале жизни капиталистических стран (за исключением описания культа личности Сталина) и сквозь призму тех понятий и категорий, которые санкционировались безраздельно господствовавшей идеологией. Поэтому манипуляция определялась как характерная для буржуазного общества "система способов идеологического и духовно-психологического воздействия с помощью средств массовой коммуникации на массы с целью их подчинения буржуазным ценностям и образу жизни, насаждения конформизма, потребительской психологии, антикоммунистической идеологии"¹⁰. Как видим, во-первых, в понимании этого явления резко доминировал классово-партийный подход, связывающий социально-политические манипуляции только с определенным типом общества, конкретнее – с деятельностью в нем средств массовой коммуникации. Внимание

исследователей, научной общественности жестко направлялось на вполне определенные объекты, на которые отчасти сознательно, отчасти бессознательно переносились тщательно скрываемые пороки тоталитарного общества – агрессивный конформизм, так называемый “вещизм”, подавленность собственного мышления людей монополией коммунистической идеологии. Словом, в официальной интерпретации манипуляций имелся скрытый манипуляторский подтекст.

Во-вторых, манипуляция сводилась к технико-технологической стороне – приемам, способам воздействия с целью “навязывания”, “подчинения”, “насаждения” и т. п. Объективные основания, продуцирующие манипулятивные процессы в обществе, фактически не исследовались. И, в-третьих, эти приемы и способы рассматривались в основном применительно к массам, их психологии, ценностям и образу жизни. Личностный аспект данной проблемы весьма редко затрагивался в исследованиях. Хотя с упоминанием о нем мы все-таки сталкиваемся в философской, социологической и психологической литературе. Однако и в ней постоянно подчеркивалось, что “в условиях нашего общества, где целью является не манипулирование личностью, но ее воспитание”¹¹, нет необходимости изучать данное явление.

Гипнозу этой идеологизированной логики, подменяющей собой широкий интерес к проблеме, поддавались даже крупные философы и ученые. Так, например, М. Мамардашвили писал о ней лишь в связи с развитием “индустрии” сознания в условиях государственно-монополистического капитализма. Он отмечал, что “функционирование современного общества, экономические интересы господствующего в нем класса обеспечиваются сейчас в большей мере через ориентацию сознания общественных атомов, через “кодирование”, “программирование”, если выражаться языком кибернетики, этого сознания, в котором все больше места занимают обобществленные, стандартно-коллективные формы мышления. Это – манипулирование индивидами посредством их идей, мыслей, сознательных навыков и т. п., а не просто через “естественные”,

“слепые” экономические механизмы”¹². Разумеется, такое понимание социальных манипуляций отражало реалии функционирования социалистического общества, однако о нем нет ни слова. Или, может быть, это философский эзопов язык, на котором был вынужден писать автор?

Также и известный ученый Г. М. Андреева, рассматривая, к примеру, проблему внушения, показывала, что в западной пропаганде и рекламе внушение рассматривается “как метод своеобразного *психопрограммирования аудитории*, т. е. относится к методам манипулятивного воздействия на личность”¹³. Она оспаривала право западной психологии, разрабатывающей на основе бихевиористской методологии так называемую “рациональную поведенческую технологию”, вмешиваться в святая святых каждого человека – интимный мир его личности. Г. М. Андреева утверждала, что идея манипуляций человеческой личностью, даже отстаиваемая из лучших побуждений освободить индивида от тяжести собственных решений и мучительной необходимости бесконечного выбора, доведенная до логического конца, “отдает фашизмом”¹⁴. Таким образом, подчеркнем это еще раз, советские авторы касались данной проблемы или в связи с анализом культа личности Сталина, или, в подавляющем большинстве случаев, при освещении жизни людей в капиталистических странах. Последнее неизбежно означало вторичность ее исследования, так как приходилось опираться на положения и выводы, которые делались зарубежными учеными. Тем не менее все-таки были попытки понять общую сущность манипулирования в политике, пропаганде, рекламе, бизнесе и сам механизм манипулятивного воздействия¹⁵. Если попытаться свести их воедино, то получится следующее.

Манипулирование является весьма своеобразным способом социальной регуляции, управления, контроля и детерминации индивидуальной жизни людей. В тоталитарном обществе оно служит необходимым дополнением к открытому насилию и террору, выполняя прежде всего функции идеологического “наркоза” и духовного “обезболивания” их разрушительной

практики, маскируя ее под “партийную линию”, “высшие государственные интересы” или “революционную целесообразность”. В условиях цивилизованного общества, где насильственное подавление человека морально порицается и в большинстве случаев запрещено законом, манипуляция служит его своеобразным заменителем. При этом сила и эффективность этого заменителя подчас гораздо выше, чем открытого насилия, ибо манипулирование совершается скрыто и анонимно в духовно-психологическом мире человека, охватывая как сознательные, так и бессознательные слои его личности.

Кроме того, манипулирование – достаточно универсальное явление, его можно обнаружить во всех социально значимых сферах жизнедеятельности человеческих индивидов в западном обществе. Так, в сфере производства и экономики оно представляет собой иррациональное подчинение личности (в качестве потребителя, рабочей силы или, например, функционера бюрократической организации) объективным экономическим функциям.

С помощью суттєвистических методов рекламы, маркетинга, формирующего спрос, индивидам навязываются такие сценарии потребительского поведения, которые превращают их естественное стремление к удовлетворению своих витальных влечений едва ли не в смысл индивидуальной жизни, в высшую общественную ценность. Престижными становятся не только покупка и обладание определенными вещами, но и их быстрая сменяемость, новизна, дефицитность. Таким образом, на все лады в современной индустриальной системе раздувается одна из объективных экономических функций людей, уравнивающая личность с навязываемым стандартом *Homo konsumens* – человека, стремящегося потреблять все больше и больше.

Однако для того чтобы достичь этой цели, нужно больше зарабатывать. Отношения между нанимателем и наемным работником также нередко принимают характер взаимных манипуляций. Предприниматель объективно заинтересован в том, чтобы выжать из рабочей силы больше продукции лучшего качества. Однако сегодня это становится возможным, особенно

при высокотехнологическом производстве, лишь с учетом индивидуальных склонностей людей. Поэтому владелец или руководитель предприятия вынужден применять на практике “доктрину человеческих отношений”, создающую у работников иллюзию самооценности их личности, хотя в действительности он нацелен на чисто инструментальное использование рабочей силы.

Точно так же использует работодателя и наемный работник, реализуя свои экономические цели, одна из которых – получить больше денег с меньшими личными затратами. Но он вынужден ее скрывать, всячески демонстрируя руководителям свою лояльность и приверженность интересам предприятия, на котором работает.

Эта способность к манипулятивным действиям, предполагающая развитую технику “продажи” другим нужного образа самого себя, особенно необходима служащим бюрократических институтов. Если такой служащий хочет сделать карьеру, то он должен утратить индивидуальную “фигуру” и стать “протеиновым человеком”, который приобретает разные формы в соответствии с меняющимися обстоятельствами. «Человек ощущает себя в этом случае простым придатком машины, создаваемой бюрократией, – писал Ю. Замошкин об американском чиновнике. – По требованию этой машины он снимает и надевает, как одежду, различные маски, демонстрируя те или иные чувства, взгляды, черты характера. Он подобен актеру, автоматически играющему навязанные ему роли и постепенно утрачивающему внутреннюю целостность и определенность своего индивидуального “я”»¹⁶. Иными словами, манипулируя в борьбе за личный успех отношением к себе других людей, человек с необходимостью манипулирует и собой – своим сознанием, чувствами и потребностями. А это неизбежно ведет к утрате им собственной идентичности.

Не менее разрушительны последствия манипулирования людьми в политике и с помощью средств массовой информации. Здесь отечественные авторы в поисках специфической сущности манипулирования также обращались в основном к

западным исследованиям. Одни, опираясь на теорию стереотипов У. Липпмана, раскрывающую предвзятость индивидуального восприятия реальности, связывали социально-политические манипуляции с целенаправленной игрой на человеческих предубеждениях и предрассудках. Усиливая с помощью специальных приемов их влияние на поведение людей либо внушая благодаря авторитету и оперативности средств массовой информации новые эмоционально-мыслительные и поведенческие стереотипы, можно добиться формирования таких форм жизнедеятельности индивидов, которые целенаправленно регулируются извне. Другие авторы, опираясь на понимание сущности манипуляций как “производства индивида, управляемого извне”¹⁷, указывали и на развитие современных технологий – генной инженерии, психохирургии, нейродинамического программирования, психотронных генераторов, имплантации микроэлектронных приборов в мозг и т. п., которые могут в политических и иных целях использоваться для модификаций человеческой психики и поведения¹⁸. Зомбирование людей как современный, основанный на достижениях науки вид манипуляций человеческой личностью, ее жизнью стало сегодня весьма частой темой в российских газетах и научно-популярной литературе.

Эта интерпретация манипулирования, данная российскими авторами, созвучна пониманию его сущности и содержания, отраженному в немецкой и англоязычной литературе. Так, германский ученый Г. Фарбер в результате своего исследования приходит к выводу, что манипуляция – “самая изощренная форма диктатуры”¹⁹. Аналогична и позиция американца П. Фрейре, который считает, что манипуляция разумом человека “есть средство его порабощения”²⁰. Другой американский исследователь Г. Шиллер, рассматривая данный феномен в личностном плане, показывает, как программируется сознание контролируемой властями социальной информацией с помощью мировоззренческих мифов – о неизменности природы человека и отсутствии социальных конфликтов, об индивидуализме, личном выборе и т. д. С раннего детства американец

через разные каналы впитывает эту информацию, которая формирует у него надежную внутреннюю систему отсчета, делающую его “относительно неуязвимым для противоречащих сообщений, насколько бы правдивыми они ни были”²¹. Эта ставшая индивидуальной ментальностью система отсчета, вне зависимости от своей истинности или ложности, тайно отнимает у индивидов способность критически мыслить и право на самостоятельный мировоззренческий и жизненный выбор. Иллюзии существования такого выбора и свободы, создаваемые многообразными каналами общественной информации и сочетаемые с жестко предопределяющими индивидуальную жизнь рыночным порядком и корпоративной социальной системой представляют, считает Г. Шиллер, суть манипулирования людьми²².

Позиция американского ученого Р. Гудина в этом плане еще более определена. В книге “Политика манипулирования” он утверждает, что манипулирование является инструментом духовной власти и, в сущности, есть “хорошо организованный обман людей”²³. Российский исследователь Н. Иванчук, опираясь на американских авторов, верно подмечает, что, несмотря на синонимичность, понятия “обман” и “ложь” имеют отличия: “Обман – это ложь, цель которой убедить других в том, что она истинна, хотя таковой не является. В этом смысле манипулирование – это вид обмана, а не просто лжи”²⁴. Пожалуй, сущностную особенность такого обмана наиболее отчетливо описал Г. Фарбер. “Манипуляция, – заключает он, – это более утонченные, менее броские, менее прямые, а потому более опасные действия. Объект манипуляции считает, что действует на основе свободного решения. Но это “свободное решение” – иллюзия. На самом деле им управляют, а его мнением манипулируют”²⁵.

Именно эта противоречивая особенность – кажимость свободы решения, воли, мнения, поведения индивида при их скрытой и жесткой предопределенности чуждыми ему целями и интересами – составляет, по мнению абсолютного большинства зарубежных и российских исследователей, специфическую суть

манипуляции как социально-политического феномена. Словом, это духовное господство над личностью, которое она не ощущает или воспринимает как проявление собственной воли, интересов, желаний, это насилие над ней, использование ее и принуждение к чему-либо, выраженное ненасильственным образом, более того – как акт ее мнимой самостоятельности и свободы. “Оно не только побуждает человека, находящегося под таким воздействием, делать то, чего желают другие, – пишет германский ученый Г. Франке, – оно заставляет его хотеть это сделать”²⁶.

Замечу, что варианты этой специфики манипулирования могут быть самыми разнообразными: тебя скрыто лишают подлинного выбора, но выбираешь якобы ты сам; тебя принуждают, но ты искренне считаешь это собственным благом; тебя используют как вещь, но ты убежден при этом в самоценности своей личности; тебя унижают, а ты ощущаешь самовозвышение; наконец, у тебя отнимают способность жить собственной, индивидуальной жизнью, однако это отчуждение становится актом проявления твоего “я” и т. д.

Все эти варианты подталкивают к лежащему на поверхности выводу: термин “манипулирование” здесь можно употреблять лишь в переносном смысле. Но это, по-видимому, не должно смущать, ибо из истории науки и философии хорошо известно описание реальных процессов с помощью метафор: так, анализ А. Смитом функционирования безличного рыночного порядка с помощью метафоры “невидимая рука” актуален и по сей день.

Во-вторых, термин “манипулирование”, будучи метафорическим, отражает какие-то другие, скрытые от самосознания личности действия и процессы, часть которых можно, как я полагаю, обобщенно обозначить термином “имитация”. Под ней подразумевается такая сложная, подчас анонимная и неочевидная для личности “технология” воздействия на нее, благодаря которой внешнее влияние осознается личностью как ее собственные, спонтанные, исходящие из глубины ее существа решения, мнения и поступки. Разумеется, что непременным усло-

вием эффективности такого воздействия становится неспособность индивидов отдать себе полный отчет о подлинных причинах и мотивах своих поступков. В этом случае и оказывается возможным подобный обман. Иными словами, это имитация субъектности индивидов, сознательности, свободы, индивидуальности желаний, чувств, мыслей и действий; имитация, являющаяся одновременно и самообманом, ибо фактически личность является здесь объектом внешнего воздействия.

В свою очередь, то обстоятельство, что человек в акте манипуляции принимает внешнюю власть над ним за зависимость лишь от себя самого, что он неадекватно понимает и оценивает мотивы, стимулы своей деятельности, указывает в определенных случаях и на самоотчужденный характер его индивидуальной личности, т. е. на то, что его духовная связь с самим собой, со своей индивидуальной самостью выходит из-под его контроля, понимания и становится господствующей над ним силой. Более того, эта связь “в руках” другого обретает скрытый, иррациональный характер и является средством, благодаря которому личность “самостоятельно” командует собой так, как этого хочет некий другой.

Кроме того, в актах манипулирования, по-видимому, часто действует обратно пропорциональная зависимость: чем более человек ощущает себя субъектом, тем менее он им является, становясь лишь объектом скрытой власти над ним. Стало быть, закон “другого” становится собственным, хотя подчас и чуждым подлинной индивидуальности личности, законом ее действий, мыслей и чувств. В этой парадоксальности манипулирования как особого вида человеческого взаимодействия усматривается инобытие высшей ценности человеческой жизни – свободы личности, утонченное подобие которой, дающее лишь призрачную ее иллюзию, и составляет важнейшую отличительную особенность манипулирования как социального феномена.

С утилитарной точки зрения вполне понятна необходимость конституирования этого феномена в обществе (группе, социальном институте, коллективе): чтобы наиболее эффективно использовать, принуждать человека и властвовать над ним, надо дать ему иллюзию свободы и самостоятельности. Тогда его

силы и способности принесут другим (организации, обществу в целом) наиболее весомые результаты. Слово “использовать” отражает специфику духа индустриальной экспансии человеческого общества в XX веке, в котором идет изнурительная борьба человека с природой и между людьми за высокое качество жизни и неизбежно развиваются наиболее изощренные формы использования личности индивидов, способных повысить это качество. Очевидно поэтому манипулирование применяется в экономической и политической конкуренции, в битве индивидов за успех, богатство, власть и привилегии.

Заметим, что на практике манипулирование составляет скрытый, иррациональный аспект других видов деятельности – предпринимательской, пропагандистской, воспитательной, политической, религиозной и т. д., свидетельствуя о существовании в них отношений власти и подчинения ей, господства и порабощения, а также об использовании авторитарных отношений в корыстных целях. В межличностных контактах оно может быть обнаружено в отношениях главы семейства с его членами, владельца предприятия и рабочего, священника и прихожанина, продавца и покупателя. Однако здесь “удельный вес” манипулирования не может подняться выше определенной критической величины, в противном случае оно подорвет отношения взаимной заинтересованности, если обман выйдет наружу и люди убедятся, что их используют. Поэтому оно ограничивается здесь, как правило, отдельными духовно-психологическими уловками, активизирующими нерациональные слои личности партнера с целью добиться определенных целей и выгод. Рекомендуемые популярным американским писателем Д. Карнеги приемы манипуляторской психологической “техники” влияния на людей могут служить в этом плане показательным примером. Однако когда в обществе подобная “техника” в области политики, идеологии, экономики становится доминирующим фактором регуляции индивидуальной жизни людей, оно может в конце концов расколоться и распасться. Собственно говоря, это и произошло с тоталитаризмом в нашей стране после того, как люди обнаружили, что на про-

тяжении нескольких поколений их жестоко обманывали, а они верой в “коммунистическое завтра” невольно обманывали себя и своих детей.

Поэтому, говоря о сущности манипулирования как имитации с помощью определенных средств субъектности, самореализации индивидов, мы вправе, думаю, сделать еще один вывод. Социальные манипуляции личностью можно в их деструктивном аспекте отнести к способам человеческого отчуждения. Они включаются в такие виды деятельности и отношений, которые в результате скрывают отчужденность людей от себя, от других, от общества и выдают ее за подлинность их индивидуального бытия, а утонченный обман и самообман – за истинное самоопределение личности. Так, идеологизация сознания индивидов, крайние формы которой мы отчетливо наблюдаем в тоталитарных или теократических обществах, является в индивидуально-личностном плане имитацией собственного мышления у людей, лишенных в действительности возможности сознательно выбрать или выработать систему своих мировоззренческих ориентаций. Через посредство социальных институтов входя, как говорится, в плоть и кровь индивидов с детства, идеологические имитации – мировоззренческие мифы, идеологемы, социальные грезы и иллюзии – становятся индивидуальной ментальностью людей, таким последовательным отчуждением их собственных интеллектуальных усилий, которое они в конечном итоге принимают за естественное состояние своего сознания. То же можно сказать и о фетишизации экономических, политических, религиозных и т. д. ценностей, которая в структуре индивидуального сознания, психики становится имитацией их объективности и безусловности, ибо строится на отождествлении и подмене общественных свойств этих ценностей мнимоприродными и внеисторическими характеристиками.

Большими способностями насаждать скрытую отчужденность людей обладают и современные средства массовой информации. Фальсифицируя подчас отражаемую действительность, они тем самым под видом приобщения к ней скрыто

отторгают сознание своих реципиентов от нее, хотя и стремятся в целях завоевания аудитории всеми средствами имитировать всесторонность и объективность отражения реальности. Распространяемая по их каналам массовая культура также, по словам философа Д. Дьюи, обладает таким существенным свойством, как “симуляция жизни”²⁷. А та важная часть этой культуры, которая обозначается понятием “китч” (от немецкого глагола *verkitschen* – удешевлять, превращать в дешевку), по мнению другого исследователя – Г. Броха, есть в сущности система имитации, как бы добротна она ни была²⁸.

Термины “идеологизация”, “массовизация”, “индоктринация”, “фетишизация”, “мистификация” и т. п. содержат, кроме прочего, указание на развитие в обществе, в том числе с помощью технических средств, духовные способы принудительного замещения и подмены уникальности и целостности индивидуального мышления, чувств, потребностей, ценностных ориентаций людей. С помощью этих способов в личность индивидов часто инкорпорируется то, что можно назвать поддельными, фальшивыми образцами, ценностями и идеалами, которые объединяет одна общая черта: вреда объективно полноценному развитию их индивидуальности, они субъективно могут быть весьма привлекательными. И достижение целей, вытекающих из фетишистских символов, политических мифов и идеологем, может приносить индивидам, вследствие их иррациональной тяги к страданию, разрушению и повиновению, субъективное удовлетворение. Так существующее как факт истории отчуждение облекается в привлекательную оболочку из определенных ценностей, смыслов и идеалов, подобно тому как в современных хосписах неотвратимое умирание пациентов превращают в субъективно удовлетворительный и даже приятный процесс. Мир видимостей, культивирующий человеческую ущербность, препятствует, однако, осознанию человеком своей отчужденности, более того, он легитимизирует ее подчас как позитивную форму человеческого самоутверждения. Естественно, в такой культуре, где не развито уважение к уникальности жизни, правам и подлинной свободе личности, крайне облегчена и

возможность манипулирования ею. Готовность индивидов служить внешним целям ценой утраты собственной индивидуальности становится благоприятной культурно-личностной предпосылкой манипулирования.

Подведем некоторые итоги. Мы выяснили, что российская и зарубежная литература трактует феномен манипуляции личностью как в основном деструктивное явление в индивидуальной жизни человека. По-видимому, это единодушие связано, во-первых, с тем обстоятельством, что социально-репрессивный характер манипуляций чаще обнаруживает себя (и потому сильнее бросается в глаза), в то время как социально-адаптивный их результат глубоко зашифрован в политических, образовательных и воспитательных процессах и, вероятно, скрыт в них под другими именами.

Во-вторых, негативное отношение к манипуляции, очевидно, спровоцировано самой ее спецификой как способа тайного вторжения в субъективный мир индивида, нарушающего его право на индивидуальную автономию, поскольку осуществляется оно часто без согласия личности, через навязанную извне организацию ее духовно-психических процессов и поведенческих актов. Фактически это отрицательное отношение строится на внешне убедительном силлогизме: 1) воздействие на личность человека вопреки его воле и сознанию неконструктивно и аморально; 2) манипуляция скрыто действует на человека и часто вопреки его сознательным и волевым установкам; 3) следовательно, манипуляция личностью неконструктивна и аморальна.

Но всегда ли можно обойтись без элементов манипулирования в политике, рекламе, образовании и воспитании или в ситуациях, когда человек охвачен паникой, фрустрирован, утратил индивидуальную целостность и находится под диктатом своих бессознательных сил? Могут ли вообще функционировать социальные структуры без манипуляций в условиях имущественного, культурного и половозрастного неравенства людей, их разобщенности, взаимного непонимания, неумения в критических ситуациях приходить к согласию и т. п. — этот

принципиальный вопрос остается открытым. Ведь даже яд, если пользоваться им в умеренных дозах, обретает лечебные свойства. Поэтому считаю, что оценку различных манипуляций можно сделать более тонкой и дифференцированной, если удастся обнаружить весьма трудноуловимую меру в соотношении привнесенного извне и саморазвития индивидов и рассматривать сохранение или нарушение этой меры в качестве критерия подлинного содержания и результатов самих манипуляций.

В-третьих, специфика манипуляций личностью, в отличие от воспитания, обучения, принуждения или открытого насилия над нею, заключается, как следует из нашего анализа, в том, что это влияние не только является латентным, но и сливается в ее сознании и самосознании с властью собственных влечений, чувств, мыслей и диктует ей определенные формы мышления и деятельности. Эта ключевая особенность, которую я обозначил “имитация субъектности индивидов”, и превращает любые внешние влияния в манипуляцию ими. Понятая таким образом манипуляция может быть в определенных случаях истолкована и как “хорошо организованный обман”. Его основой является, по моему мнению, прежде всего свойство человеческой личности быть открытой миру, т. е. принципиальная возможность влияния на такую гипотетическую часть ее структуры, которая, будучи периферийной, не подвержена со стороны самой личности всеобъемлющему и адекватному пониманию и контролю. Другими словами, чтобы уверенно обозначать способы, приемы, а также процессы, происходящие в обществе, в качестве манипуляторских, следует прежде всего найти такие элементы в структуре личности, которые создают возможность для нее быть подвластной манипулированию. Однако об этом индивидуально-личностном основании для манипуляций в литературе нет никаких упоминаний. Поэтому и конкретное действие механизма имитации субъектности индивидов остается нераскрытым и неописанным.

Отсюда ясно, что цель наших поисков – обнаружить также и такие социально-политические процессы, которые обуславливают актуализацию и соответствующее оформление этой

гипотетической части (элементов) в структуре личности. Я уже упоминал об этих процессах, когда говорил об иррационально-авторитарном господстве общества над индивидами посредством их омассовления, идеологизации, фетишизации, индоктринации их сознания и т. д. Эти процессы можно было бы обозначить как издержки или извращения в социализации и адаптации индивидов, односторонность, частичность такой социализации, полагающей одновременно их деиндивидуализацию и т. п. Однако эта терминология в методологическом отношении, как мне кажется, малоэффективна, ибо, во-первых, излишне ценностно нагружена и, стало быть, предписывает некоторую предубежденность в отношении тех тенденций социального бытия индивидов, которые существуют объективно. И, во-вторых, она вряд ли будет способствовать приращению нового знания об этих процессах и тенденциях, ибо не отражает их относительной самостоятельности, что, в свою очередь, требует для них и собственного имени. Об этом далее и пойдет речь.

Глава II

РЕДУКЦИЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Итак, установлено, что в обществе существуют процессы, которые вряд ли можно назвать, не прибегая к существенной натяжке, социализацией индивидов, так как социализация предполагает выявление и реализацию их человеческой индивидуальности. Взаимосвязь социализации и индивидуализации, опосредованная, с одной стороны, общественным опытом и культурой, а с другой – избирательным овладением этими ценностями, и составляет, очевидно, суть нормальной адаптации индивидов в обществе. В нашем случае имеется нечто другое, хотя, может быть, и напоминающее эти процессы. Но по существу это такое явление, которое объективно полагает внешнюю и часто отрицательную форму включенности индивидов в социально-историческую практику, в межличностные человеческие связи, оно как бы разрывает нормальные процессы социализации и индивидуализации и таким образом делает их частичными и односторонними. При этом данный разрыв становится подчас антиличностной экспансией социальности, он создает, как говорят психологи, “ситуацию фрустрации” для подлинной жизни и развития индивидов, чтобы заместить их индивидуальную личность личностью социальной. Мне кажется, что эту форму интеграции индивидов в конкретное общество можно назвать “редукцией индивидуальности” (или социальной редукцией).

Известно, что термин “редукция” обозначает классическую познавательную процедуру – “методологический прием преобразования данных, связанных с решением той или иной научной задачи с целью ее упрощения и представления средствами некоторого формализованного языка”¹. Наряду с идеализацией, абстрагированием, моделированием и т. д. редукция является неотъемлемой частью научного

познания, позволяет сводить сложные объекты к более простым, исходным началам.

Особое значение это понятие приобрело в феноменологии Э. Гуссерля. Исследуя идеальные единства чистого сознания, его структуры и значения вне эмпирических проявлений, он предлагал прибегать к феноменологической редукции, позволяющей, по его мнению, исследователю, как, впрочем, и человеку вообще, созерцать самую сущность сознания собственного “я” и, в частности, свои простейшие интуиции, переживания, восприятия. Объяснение и анализ многообразных отношений мира и человека сквозь призму сущностных смыслов его сознания, через беспредпосылочное и безыскусное их видение делали феноменологическую редукцию Гуссерля не только чисто гносеологической процедурой, но и вместе с тем необходимым моментом подлинного индивидуального бытия. Впоследствии эта идея связи феноменологической редукции с сущностями духовного бытия индивидов была развита в экзистенциализме, персонализме, неотомизме и т. д.²

Неожиданную интерпретацию связь редукционизма с повседневной жизнью получила, например, в экзистенциальной психологии В. Франкла. Он прямо пишет о том, что “редукционизм – это нигилизм наших дней”³, за которым стоит, в частности, так называемый “экзистенциальный вакуум” – ощущение внутренней пустоты, чувство глубочайшей самоутраты, характерные для современного человека. Редукционизм обнаруживается как тенденции “реификации, овеществления и деперсонализации человека”⁴, которые прогрессируют в современной жизни. Однако, цитирует он американского социолога У. Томпсона, “люди не являются предметами, подобно столам или стульям, и, если они обнаруживают, что их жизнь редуцируется к простому существованию столов или стульев, они совершают самоубийство”⁵. В. Франкл считает, что научный редукционизм, элиминирующий “специфически человеческое измерение” человека, является аналогом отрицательных процессов, которые происходят в повседневной духовной жизни людей и сказываются на ней самым разрушительным образом.

Эти процессы покушаются, в частности, на свободу и уникальность жизни человеческой личности⁶.

Следует сказать, что и в российской социально-философской литературе неоднократно высказывалось мнение, что редукция является прежде всего процессом самой реальности, который, как писал Г. Батищев, “ведет по пути десубъективизации и деперсонификации”⁷. С другой стороны, подчеркивалось, что редукция – это “сведение конкретного бытия человеческих индивидов... к неким общим свойствам, абстракциям”, которые, будучи реальными, являются результатом стихийного практического обобщения схем человеческой деятельности и выражаются в предметной или знаково-символической формах⁸.

Обе стороны редукции – подавление индивидуального начала и одновременное сведение его к неким общим практическим абстракциям – хорошо иллюстрирует функционирование тоталитарного общества, в котором чрезвычайно выпукло проявляются крайний редукционизм и схематизм. Так, К. Гаджиев пишет, что для данного общества характерна “редукция всей сложности многообразия и полноты реальной действительности к единому знаменателю, ликвидировавшая все неудобные институты, организации, ценности, идейно-политические течения, религии, классы и т. д.”⁹ Редукция при этом порождена властью “социальной идеи”, компонентом которой является целенаправленная переделка человеческой природы в соответствии с определенными идеологическими схемами. В результате возникает новый тип личности человеческих индивидов – Homo totalitaricus – с особым психическим складом, присущей ему ментальностью, мыслительными и поведенческими реакциями, весьма напоминающий “нового советского человека”.

Тема особого типа личности, возникающего под влиянием редукционизма в тоталитарном обществе, развита в работе В. Скоробогачко “По ту сторону марксизма”. Он считает, что определяющей чертой личности данного типа является самоотчуждение: “...подчинение индивидуального социальному, выступающее как снятие первого вторым, задает логику осознания

человеком своего места в мире, логику познания себя самого, которая резюмируется в требовании сведения индивидуального к социальному”¹⁰. При этом мера самоотчуждения индивидов прямо пропорциональна степени их активности, сознательности и энтузиазма, доходящих в своих предельных выражениях до самопожертвования: “...чем выше творческий потенциал деятельности индивида, тем выше степень его отчуждения – конечная точка предполагаемого совпадения личного и общественного, подобно линии горизонта, удаляется от него пропорционально интенсивности усилий ее достичь”¹¹. Таким образом, индивидуальная сторона человеческого существования растворяется в движении социальной субстанции, поэтому для личности данного типа характерен отказ от индивидуального выбора, возведенный в принцип, в ранг жизненной позиции. Она осуществляет над собой операцию феноменологической редукции со знаком минус, отринув от себя все субъективное, частное, индивидуальное, за исключением одного, всепоглощающего стремления – стремления к власти, которая переживается ею как самоценность. В. Скоробагацкий считает, что тоталитарный тип редуцированной личности – “явление самопорожденное”¹². Стало быть, редукция в тоталитарном обществе является механизмом сведения индивидуальных начал к нормативным социальным стандартам, институционально овеществленным общественным связям, механизмом, в котором едва ли не главную роль играет процесс самоотчуждения личности от своей индивидуальной формы бытия.

Надо заметить, что подобное понимание социального редукционизма перекликается с идеями об отчуждении и самоотчуждении, высказанными К. Марксом в “Экономическо-философских рукописях 1844 года”. Более того, и само понятие редукции как процесса сведения конкретного бытия индивидов к практическим абстракциям он вводит здесь же, если читать не русские переводы, а немецкий оригинал этой работы¹³. Рассматривая, например, растущую власть денег в капиталистическом обществе как средства, опосредующего всеобщий товарный обмен, Маркс делает вывод, что эта власть зиждется

на объективно возрастающей нуждаемости индивидов в большем количестве денег. Однако сила возрастающего у конкретных индивидов количества денег падает обратно пропорционально росту массы товаров в обществе, потребление которых деньги и опосредуют. Это объективно и стихийно складывающееся противоречие между падением силы денег конкретных индивидов и одновременным ростом нуждаемости в них снимается утверждением в общественных отношениях практической абстракции их количества, влияющей на расширяющиеся потребности, сознание индивидов. “Количество денег становится все в большей и большей мере их единственным могущественным свойством; подобно тому, как они редуцируют всякую сущность к ее абстракции, так они редуцируют и самих себя в своем собственном движении к количественной сущности. Безмерность и неумеренность становятся их истинной мерой”¹⁴. Так у Маркса редукция предстает как социальный процесс сведения конкретного бытия индивидов к реальным абстракциям, которые становятся для них как участников общественного воспроизводства общественными императивами, определяющими качество и способы удовлетворения их потребностей. Последние под влиянием количественной сущности данной абстракции экстенсивно расширяются, их функционирование приобретает характер дурной бесконечности. Это расширение, по мнению К. Маркса, является также не столько развитием действительных индивидуальных потребностей людей, сколько своеобразной имитацией этого развития – формированием “нечеловеческих, рафинированных, неестественных и надуманных вожделений”¹⁵. Власть денег как реальной абстракции богатства (в том смысле, что они способны имитировать индивидуальную жизнь людей, т. е. создавать иллюзию ее подлинности) Маркс описывает так: “...все то, чего не можешь ты, могут твои деньги: они могут есть, пить, ходить на балы, в театр, могут путешествовать, умеют приобрести себе искусство, ученость, исторические редкости, политическую власть – все это они *могут* себе присвоить; все это они могут купить; они – настоящая *сила*”¹⁶. Далее,

эти имитации индивидуальной жизни людей могут оборачиваться и “всеобщим извращением индивидуальностей”, которым они придают свойства, противоречащие их действительным свойствам: “Они превращают верность в измену, любовь в ненависть, ненависть в любовь, добродетель в порок, порок в добродетель, раба в господина, господина в раба, глупость в ум, ум в глупость”¹⁷.

Следует отметить, что Маркс и в других работах неоднократно говорил о редуccionистском влиянии денег на человеческую индивидуальность. Так, в “Немецкой идеологии” есть мысль о том, что деньги являются практически обособившимся масштабом сравнимости и соизмерения для всех разнородных вещей. Сила этого сравнения и соизмеримости становится для индивидов общественным императивом. Однако “индивиды не должны более соизмеряться каким-то независимым от них *tertium comparationis*, а сравнение должно превратиться в их *саморазличение*, т. е. в свободное развитие их индивидуальности...”¹⁸. В другой работе в главе о деньгах, овеществляющих стихийно складывающиеся связи индивидов на мировом рынке, есть весьма характерное замечание: “Сравнивание вместо действительной общности и всеобщности”¹⁹.

Конечно, представления К. Маркса о влиянии денег на человека в капиталистическом обществе были односторонними, поэтому подчиненность индивидов абстрактной и стихийной логике их функционирования оценивалась им отрицательно. Но вместе с тем Маркс, хотя и в упрощенном виде, обозначил все-таки ту дилемму, с которой столкнулись люди в современном товарно-денежном обществе. Особенно остро она стоит в странах, которые переживают мучительный переход от планово-распределительной экономики тоталитаризма к саморегулируемому рыночному порядку существования, в частности в России. Здесь деньги, бывшие ирреальными и прикрывавшие ранее неэквивалентный обмен, начинают играть выработанную историей традиционную роль. Они открывают для индивидов новые возможности повышения качества своей жизни – свободу предпринимательской деятельности, улучшение материаль-

ного положения семьи, приобретение вещей и средств производства, увеличение доходов. Однако соотносительность индивидов с этими новыми возможностями может быть, как минимум, двоякой: либо проявление, развитие своих индивидуальных сил и способностей, либо редукция своей индивидуальности.

В первом случае новая роль денег требует овладения искусством пользоваться ими как инструментом для удовлетворения собственных нужд и желаний. Это искусство предполагает и умение управлять своими потребностями, разбираться в их приоритетности и формах удовлетворения, т. е. духовно-психологическую зрелость личности. Такая личность может “делать деньги” и тратить их, но, как говорится, “с умом”, не в ущерб себе. Умеющему подобным образом пользоваться деньгами жизнь обходится намного дешевле, нежели тому, кто обожествляет деньги и в погоне за ними утрачивает независимость и целостность своей личности, что приводит к маниакальной озабоченности добыванием денег, к превращению данного процесса в смыслообразующую доминанту активности личности. Объективная логика движения денег в обществе вполне может вытеснить индивидуальную логику бытия конкретного человека, подменить ее таким образом, что все другие его стремления – к счастью, к эстетическим удовольствиям, к единству с близкими людьми, к творчеству и благополучию – получают количественно-денежное измерение, которое будет определять их ценность. В образах Гобсека, Чичикова, Скупого рыцаря, папаши Гранде и т. п. мировая художественная литература дает достаточно убедительных примеров подобной одномерности человеческого существования.

Что же в этом случае происходит? Почему логика деятельности “денежного человека” постепенно стирает безотносительные к ней качества – те его индивидуальные потенции, возможности, силы, которые никак не связаны с данной страстью? Мы можем предположить, что здесь происходит диссоциация, или, точнее, квантификация личности – распад ее целостности, основанной в норме на индивидуальной логике

ее бытия и специфических его особенностях. Одна страсть (к деньгам) стремится поглотить собой все иные помыслы, часть хочет господствовать над целым, но не может из-за своей односторонности удовлетворить целостное человеческое “я” – всю качественно многообразную структуру личности. Это противоречие может привести к отчуждению подлинной индивидуальности в ничто, в тень, в небытие.

Кроме того, в процессе самоотчуждения личности играет определенную роль подмеченный психологами процесс “сдвига мотива, средства – на цель”²⁰. Он происходит и тогда, когда реальные абстракции, имеющие общее практическое значение – политическая власть, деньги, социальное время, общественный статус, мода и т. д., но являющиеся лишь средствами ориентации человека в социальном мире, условиями его индивидуальной жизни и развития, становятся для него идолами, которым он приносит в жертву собственную уникальность. В его духовном мире в этом случае средства и цели как бы срастаются, образуют синкретическое единство, и происходит ценностная, смысложизненная дезориентация человека. Иными словами, в результате наложения внешних императивов и требований, идущих от общества, на смысложизненные структуры, потребности и самосознание личности она частично или полностью утрачивает способность к саморазличению – разделению социальных средств и личных целей своей жизни, общественного положения и обусловленного им индивидуального содержания, наконец, своих уникальных жизненных смыслов и тех функций и ролей, которые ей предписывает исполнять общество. А. Швейцер писал об этом так: “Современный человек всю жизнь испытывает воздействие сил, стремящихся отнять у него доверие к собственному мышлению. Сковывающая его духовная несамостоятельность царит во всем, что он слышит и читает; она – в людях, которые его окружают, она – в партиях и союзах, к которым он принадлежит... Со всех сторон и разнообразнейшими способами его побуждают брать истины и убеждения, необходимые для жизни, у организаций, которые предъявляют на него права”²¹.

Надо сказать, что духовная несамостоятельность, незнание и непонимание себя, отмеченные Швейцером, могут быть не столь безобидны, как это может показаться. Так, например, американские психологи, обследовавшие молодых преступников, обнаружили удивительный факт: поведение этих подростков не могло быть предсказано на основе изучения внешних условий их жизни – обстановки в семье, школе, наследственных или культурных влияний, медицинской карты и т. п., “гораздо лучшие предсказания давала степень самопонимания...”²². Как видим, девиантность поведения преступников также нередко уходит корнями в их неспособность к индивидуальной рефлексии.

Итак, можно предположить, что редукционистское влияние общества на личность, подменяя собой ее истинную социализованность, прежде всего разрушительно воздействует на связь личности со своей индивидуальностью – с тем, что мы имеем в виду, когда говорим о “самости” человека. (Выражение “я сам” как раз и обнаруживает воплощенную в самости связь личности и индивидуальности индивида.) Однако прежде чем анализировать характер этого влияния нам следует, очевидно, выделить такие основания связей личности и общества, которые бы служили воспроизводству самих редукционистских процессов, конституировали их в общественной жизни.

Этих оснований, на мой взгляд, как минимум, два. Во-первых, как уже говорилось, это несовпадение, разрыв актуально функционирующей структуры отношений, социальных связей конкретного общества и всего многообразия индивидуальной жизни совокупности составляющих его индивидов. Это несоответствие, разрыв подтверждаются тем очевидным фактом, что индивидуальное в людях сплошь и рядом не в состоянии адекватно воплотиться в том обобщенном концентрате, который представляют из себя актуальные социальные отношения, культура и коллективное сознание. Индивидуальное не покрывается им, вырывается из-под его контроля, люди конфликтуют, постоянно оказываются неспособными соединить свои деяния в общих интересах. Кроме того, живые индивиды

обладают уникальным опытом, гораздо более богатой гаммой потребностей, внутренних отношений к природе, к Богу, к космосу, таким динамизмом мотивов, действий и решений, который явно не совпадает с ритмами воспроизводства единства и целостности групповой общественной жизни.

Показательно в этом плане современное индустриальное производство, которое представляет собой в определенном смысле глобальную редукционистскую систему, сводящую все разнообразие человеческих индивидуальностей к общей технологии воспроизводства их жизни. Эта система принуждает индивидов подавляющую часть жизни трудиться лишь затем, чтобы выжить, иметь кров и деньги, чтобы прокормить семью. Кроме того, физический труд, работа на конвейере, станке являются подчас принуждением к использованию индивидом таких методов и средств деятельности, которые не свойственны ему как индивидуальности. А само конкретное производство и его продукт воплощают чуждые ему как личности цели, далекие от него интересы и ориентации. Однако различие индивидами того, что составляет потребность их как индивидуальностей и что является для них чуждым в повседневном труде, ограничено, заглушено массовым, всеобщим характером индустриального производства. Причем такое различие может лишить их необходимой в данных условиях жизнеспособности, снизить эффективность их труда, чревато психическими заболеваниями. Поэтому индивиды склонны маскировать в самосознании разрыв между тем, что для них естественно и действительно необходимо, и тем, что является в их жизни навязанным, искусственным, чуждым им как индивидуальным существам. Так редукционизм, являясь носителем указанного разрыва, превращает его в достояние и проблему индивидуального бытия и обнаруживает себя в конечном итоге в феномене нецелостности, расщепленности человеческой личности. И вместе с тем редукционизм, по-видимому, обеспечивает таким образом параллелизм, структурное сходство и совпадение движения и функционирования социальной системы и изменений индивидуальных качеств и духовного мира индивидов.

Второе объективное основание для воспроизводства социального редукционизма можно сформулировать как “молчаливый характер” индивидуального бытия личности. Дело в том, что данное бытие не “говорит” само по себе, самостоятельно, оно усваивает тот язык, те готовые понятия, значения, символы, которые уже циркулируют в культуре данного общества. Разумеется, они помогают личности осознать свой индивидуальный опыт, но вместе с тем каждое конкретное общество способами своего понимания и чувствования навязывает индивиду определенную интерпретацию этого опыта, его индивидуальное осмысление в заданных схемах. Более того, опыт самого общества включает большое количество заблуждений, предрасудков, иллюзий, которые становятся подчас непреодолимым барьером для познания действительности и понимания индивидом своего места в мире. Говоря словами Э. Фромма, “благодаря специфике отношений, чувств и восприятий каждое общество развивает систему категорий, детерминирующих формы осознания. Эта система работает как социально обусловленный фильтр: переживание не может стать осознанным, пока не пройдет через этот фильтр”²³. Стало быть, переживание остается бессознательным; исчезает ли оно совсем или обретает в конце концов некие превращенные формы жизни – это нам еще предстоит выяснить.

Итак, мы видим, что социальные редукции в определенных случаях являются выражением иррационального господства общества над личностью, авторитарной и антиличностной экспансией социальности в индивидуальность, уникальность человека. Они порождаются отчасти потребностями конкретного общества (института, группы) в сохранении своего статус-кво, в нормальном его функционировании и воспроизводстве. Надличностный характер этих процессов выражается прежде всего в действии практических, реальных абстракций – тех стихийно обобщенных в предметной или знаковой формах типовых схемах человеческой деятельности, которые, будучи отвлеченными от конкретных жизненных ситуаций, обеспечивают организацию общественной жизни, служат новым поколениям средст-

вами ориентации в социальном мире. Редукции, как бы заполняя собой указанный разрыв между жесткой необходимостью воспроизводства общественной жизни, с одной стороны, и потребностью индивидов прожить полноценно свою собственную, а не навязанную кем-либо жизнь – с другой, снижают остроту несоответствия между актуально действующими социальными структурами и потенциальным многообразием индивидуальной духовной и практической жизни. Они становятся стихийным иррациональным слагаемым сети предметных взаимодействий людей, таким их ингредиентом, который чреват отрицательной включенностью индивидов в социально-историческую практику, в межличностные связи. В последнем случае редукционизм превращает конкретных людей из цели в средство осуществления социальных процессов. На поверхности общественной жизни его действие выльдится как сравнивание, унификация и стандартизация качественно разнородных индивидов, принудительное сведение их к социальному инварианту – “общему знаменателю”. По-видимому, именно это имел в виду Г. Гадамер, когда писал о “нивелирующей силе, исходящей из социума”²⁴.

Однако механизм редукций имеет субъективную сторону, так как охватывает духовно-психологическую жизнь личности как в ее сознательной, так и в бессознательной части. При этом бессознательное как совокупность инстинктов, интенций, неосознаваемых потребностей и т. п. под влиянием редукции становится иррациональным мотивом и регулятором деятельности и поведения личности. В этом плане редукции выступают как специфический и стихийный механизм “привязывания” чувств, потребностей, сознания индивидов к социуму таким образом, что, по сути дела, исключается их саморазличение, т. е. основанное на личном выборе и индивидуальной свободе самобытное развитие. Иллюстрацией к сказанному могут быть такие тенденции общественной жизни, как овеществление (реификация), омассовление (см. “Восстание масс” Ортеги-и-Гассета) и характерное для тоталитаризма коллективное закрепощение личности – превращение личности типа “я” в тип “мы”.

В этих процессах чрезвычайно выпукло обнаруживается редукционистский потенциал нивелирования людей как агентов системы всеобщего обмена, массовой культуры либо тоталитарной идеологии. Он проявляется в утверждении для социальных индивидов масштабов сравнения и соизмеримости, которые продиктованы либо общими условиями материального воспроизводства их жизни, либо потребностями господствующих политико-идеологических, культурных групп в расширении основ своего доминирования в обществе. Поэтому редукции несут в себе и потенциал отчуждения индивидуальной жизни, которое проявляется через определенный язык, конкретную культуру и политические идеологии, обнаруживается в групповой ментальности и действует наподобие социального сита, “сортирующего” проявления конкретной индивидуальной реальности. Все, что не проходит сквозь это сито, может остаться бессознательным либо воплотиться в жизнь каким-либо превращенным и иррациональным образом.

Вместе с тем действие редукций на индивидов не является фатальным, однозначно результирующим в их непременном уподоблении “мыслящей вещи” – в явлениях деиндивидуализации и деперсонализации. Вообще говоря, их влияние может быть мягким и анонимным, как это происходит в демократически организованном обществе, или жестким, сопряженным с открытым насилием и институционализированным, как это было в обществе тоталитарном. Однако возможности жизненного выбора у людей хоть и сужаются, но никогда не исчезают совсем. Тех людей, мировоззрение и духовно-нравственное развитие которых выходят за пределы своей социальной среды, конкретного общества и соответствующей ему культуры, ситуация фрустрации, создаваемая редукцией, будет провоцировать на адекватное ее силе противодействие, на отрицание полагаемого ею отчужденного состояния личности. В этом случае, например, в общественно-политической жизни, мы будем иметь личность бунтаря и героя, бесстрашно бросившегося в пучину социальных коллизий и катаклизмов. В экономической области такая личность будет противостоять, к примеру, давлению по-

ребительских ориентаций, навязываемых индивидам современной индустрией товаров, услуг и развлечений. Еще на заре рождения индустриальной цивилизации в России Д. И. Писарев иронично выразил весь трагикомизм этих экстенсивных ориентаций в диалоге со своим оппонентом, скрывавшимся под псевдонимом Инкогнито и выражавшим дух потребительского общества. “Расширяйте ваши потребности”, – говорит мне г. Инкогнито. – Я спрашиваю: “Зачем?” – “Затем, чтобы поглощать как можно более продуктов народного труда”. – Я опять спрашиваю: “Зачем?” – “Затем, чтобы у вас были очень широкие потребности”²⁵. В религиозной области противостояние авторитарным амбициям институтов церкви, претендующих подчас на монопольную интерпретацию связи индивида с Богом, может привести личность к отрицанию официальных установлений церкви и следованию принципам подвижничества и аскетизма, как это произошло, например, с протопопом Авакумом.

Даже в Освенциме или Гулаге, ставших символами тотального овеществления людей, были те, кто оказался способен не только сохранить, но и усилить свою духовно-нравственную аутентичность. Так, в “Архипелаге Гулаг” А. Солженицын описывает тщедушного инженера-химика Е., который, чтобы не только выжить, но и достойно жить в лагере, разрабатывает собственную теорию образа жизни так называемого “доходяги”, включающую всевозможные средства, способствующие противостоянию внешнему насилию. Этот интеллигент благодаря уму и знаниям в бесчеловечных лагерных условиях утверждает свою человеческую индивидуальность. Ему “кажется вполне посильным и разумным избранный образ жизни – к тому же не требующий запятнания совести. Он никому не делает зла”, – подчеркивает автор²⁶. Следует сказать о том, что в редких случаях и самоубийство может служить последним, крайним средством отстоять, не потерять себя, подняться ценою жизни над попытками раздавить, стереть, уничтожить человеческую индивидуальность. В трагическом рассказе В. Астафьева “Людочка” главная героиня предпочитает добровольно умереть, чем жить с

поруганной женской честью. Уйдя из жизни, она остается верной самой себе, нравственно не погибшим человеком²⁷.

Эти крайние случаи борьбы за свою личностную аутентичность перед лицом бесчеловечных условий жизни, насилия, редукций, принудительно приспособляющих многообразие индивидуальных человеческих проявлений к господствующим нравам и социальным стандартам, говорят о том, что возможность выбора – интеллектуального, нравственного, мировоззренческого – за человеком остается всегда, что он, говоря словами Ж.-П. Сартра, “приговорен к свободе”. Следовательно, отказ от выбора, влекущий за собой утрату каких-то свойств и качеств личности, а то и индивидуальной личности в целом, может быть истолкован как момент сознательного или бессознательного выбора. Поэтому, говоря о самоотчуждении личности в условиях воздействия на нее социальных редукций, следует подчеркнуть, что человек отчуждает какую-то часть своего существа сам, что он сам является в известной мере субъектом собственного отчуждения, результат которого – редуцированная личность, т. е. личность, утратившая свою индивидуальную целостность.

Однако здесь естественен вопрос, который, несколько упрощая суть дела, можно сформулировать так: куда исчезает отчужденная часть личности, те ее специфические свойства, черты, качества, которые были или не развиты, или не проявились в достаточной мере, не воплотились в ее сознательной социальной деятельности и отношениях? Ведь хорошо известно, что ничто не исчезает бесследно. Тем более, когда речь идет о человеческой индивидуальности и ее уникальности. А. Шопенгауэр, размышляя о жизненном пути человека и его счастье, совершенно справедливо заметил: “Никто не может выйти из своей индивидуальности”²⁸. В самом деле, не может при жизни исчезнуть уникальность формы нашего носа, мочки уха, состава крови, отпечатков пальцев... Это относится и к нашей телесной конституции, природным задаткам, темпераменту, характеру, духовно-психологическим чертам и жизненному опыту, специфическим способностям и, наконец, к на-

шим личностным смыслам и мировоззренческим ориентациям, т. е. к совокупности тех собственных и особенных качеств жизнедеятельности, психики, мышления и самосознания, которые и охватываются понятием индивидуальности личности и которые, как мы выяснили, подвергаются репрессиям, вытеснению и унификации в процессе редукции личности к конкретному социуму с его нравами и культурой. Вероятно, человеческие индивидуальности в процессе такой социализации и адаптации испытывают некие превращения. Но какие? Конечно, можно предположить, что индивидуально-инвариантные качества людей под влиянием давления на них просто оборачиваются своей негативной и разрушительной стороной: так, потребность в развитии может превратиться в алчное желание власти и господства над другими людьми; потребность в познании – трансформироваться в желание жить иллюзиями, воображением, фантазиями; естественное стремление к аутентичности и целостности своей личности – переродиться в склонность растворять себя в авторитете вождя, государства, партии; общение – превратиться в агрессию и конфронтацию, творчество – в разрушительность, а поиск любви – в эгоцентричность и нарциссизм. Однако этот ответ, во-первых, не раскрывает сам механизм подобных превращений, а во-вторых, он явно упрощает дело и не указывает на то “пространство” в структуре личности, которое вбирает в себя “превращенности” ее индивидуальной жизни.

Более определенный ответ, думаю, можно найти, если использовать результаты совместных исследований психологов и философов. Так, В. П. Зинченко и М. К. Мамардашвили, размышляя об открытых З. Фрейдом процессах вытеснения из сознательной жизни индивидов определенных психических явлений, настаивают на том, что “категория бессознательного представляет собой непреодолимую преграду для любых форм редукции психического”²⁹. При этом речь идет не только о защитных функциях бессознательного перед лицом какой-либо угрозы душевной жизни индивидов. Дело в том, что в процессе вытеснения “сознание просто переозначивает явление так, что

не узнает его действительного содержания”³⁰. Ключ к нему может быть найден, в частности, в процедуре психоанализа, исследующего те или иные рационализации на предмет их истинности.

Аналогичная мысль была высказана А. Н. Леонтьевым. Изучая процесс образования личностных смыслов, создающих пристрастность индивидуального сознания, он отметил, что социальные коллизии – классовые конфликты, борьба идеологий – отрицательным образом влияют на адекватность индивидуального самосознания и мышления. “В этих условиях личностные смыслы, отражающие мотивы, порождаемые действительными жизненными отношениями человека, могут не найти адекватно воплощающих их объективных значений, и тогда они начинают жить как бы в чужих одеждах”³¹.

Как видим, философски размышляющие психологи настаивают на том, что в результате отрицательных влияний социальных условий на личность, полагающих лишь частичную ее адаптацию с одновременным отчуждением какой-либо ее части, эта часть может становиться “бессознательной”, “переозначиваться”, “жить в чужих одеждах”. Но она – и это очень важно – никуда не исчезает, остается скрытым динамическим фактором сознательной жизнедеятельности личности.

Поясним это положение на примере превращения коммунистической номенклатуры, работников партаппарата в предпринимателей и капиталистов. Если объяснять эту удивительную способность адаптации к новым условиям только меркантильными соображениями, то это объяснение будет весьма односторонним и поверхностным. В самом деле, переход в другую систему ценностей, идейных символов и мировоззренческих ориентаций не мог пройти бесследно. С одной стороны, он должен был сопровождаться глубокими сомнениями в идентичности своей личности, бессознательным страхом утратить целостность своего “я” и в то же время стремлением укрепить шаткость своего “я” за счет большего подчинения новым экономическим и политическим структурам, а с другой – сочетаться со скрытой враждебностью к людям и социальным институ-

там, олицетворяющим собой перемены к новому. Эта враждебность может выливаться в бессознательный процесс, в беспределный бунт, в поиск средств, разряжающих психологическое напряжение, и т. п.

Иными словами, такой способ социализации, как редукция, полагающая одностороннюю и частичную сведенность индивидов к социуму, чреват диссоциацией их личности, утратой полноты, силы и целостности индивидуальной формы бытия. Более того, навязываемые обществом принудительные “правила игры”, ставкой в которых является удовлетворение экзистенциальных физических и духовных потребностей индивидов, актуализируют в их личности особый феномен. Он воплощает в себе отчужденность индивидуальных качеств людей и может быть, на мой взгляд, назван “теневой частью личности” (тенью).

Вспомним, что расщепление человеческой личности, утрата индивидуальной цельности и полноты служат вечным сюжетом мировой художественной, философской и психологической литературы. Причины этого не всегда носят социальный характер, хотя любое общество и ставит индивидуальные проявления в границы, за пределы которых нормальный индивид выйти, казалось бы, не может. Однако литература свидетельствует об обратном – “лишние люди” М. Лермонтова и И. Тургенева, “двойник” Ф. Достоевского, “черный человек” С. Есенина, “двоемыслие” личности у Дж. Оруэлла, “другой” в человеке Э. Фромма, “альтер эго” индивидуального “я” Э. Гуссерля, раздвоенность человека на “я” и “ты” М. Бубера подтверждают диссоциацию личности, ее квантование на множество психических и духовных слоев. Это служит подчас одним из основных источников драматизма ее жизни и судьбы. Примерами являются и толстовский князь Нехлюдов, в котором “жило и действовало несколько людей”, и горьковский Клим Самгин, для которого раздвоение и безпорность его личности в силу неспособности адаптироваться в купеческо-коммерческом мире закончились трагически.

На поверхности общественной жизни нецелостность человеческих индивидов проявляется обычно как амбивалентность

их стремлений, чувств, мыслительных реакций. Так, Н. Бердяев, анализируя духовность революций, писал: "Революции загипнотизированы влюбленной ненавистью к старой жизни, природа их психологически реакционная. Революция есть реакция против старого, а не творческого нового... Революции отяжеляют от накопившейся мести, от отрицательной привязанности к ненавистному прошлому, от механических чувств"³². Вряд ли "влюбленная ненависть", "привязанность к прошлому" осознаются самими революционерами. Скорее, эти интенции и чувства носят иррациональный характер, хотя именно они становятся существенными мотивами деятельности революционеров. Иначе говоря, данные чувства, оставаясь скрытыми, латентными, теновыми, определяют комплекс духовных и практических действий революционеров в окружающем мире. Н. Бердяев многократно обращался в своих произведениях к анализу метаморфоз "внутреннего" и "внешнего" человека в личности, показывая, например, как роковым образом "подпольность сознания" ломпенов, плебеев – зависть, злоба, душевная глухота, обида, агрессивность, ненависть, месть – пропитывает ложью их мышление, превращается в мировоззренческий, идеологический обман, в изощренную политическую демагогию³³.

Разумеется, теневая часть личности индивидов обнаруживает себя, хотя, может быть, и не столь ярко, не только в кризисные, переломные моменты жизни общества. Из опыта обыденной жизни, из результатов различных исследований хорошо известно, что человек в качестве сознательного субъекта может отвергать насилие, преступления, вульгарную эротику и в то же время не без тайного удовлетворения смотреть журналы, телевизионные передачи на эти темы, так как они создают у него иллюзию освобождения от повседневных переживаний. Владелец средств массовой информации давно пришел к выводу, что эксплуатация ситуаций смерти, секса, показ приемов самосохранения, игра на людском тщеславии значительно увеличивают аудиторию, тиражи соответствующих изданий. Знание скрытых, теневых особенностей мышления, психики, характера

реципиентов, умение влиять на них являются подчас одним из решающих условий профессионального успеха в журналистском бизнесе.

Многие мыслители обращали внимание на теневую часть человеческой личности. Так, Гегель отмечал многослойность и многообразие свойств, качеств, определений, присущих человеку. Однако они, по его мнению, погребены в “ночи я”, которое есть всеобщее, но не абстрактное всеобщее, а содержащее в себе в скрытом виде все особенное. Процесс выделения “я” из этой “ночи” есть овладение индивидуальными свойствами, но не сращивание с ними, а превращение в субъекта, в “гения” своих специфических качеств и свойств³⁴. Естественно, наверное, сделать вывод и о том, что у человека все-таки остаются “в ночи” такие стороны и качества, “гением” которых его личность не стала.

Этот момент подчеркивает Ф. Ницше, когда пишет, “что мы разучились считать себя ответственными за наше “сам”, потому что мы как сознательные, полагающие цели существа составляем только самую малую часть его”³⁵. Другую его часть, по Ницше, составляют, кроме прочего, “смутность и хаос чувственных впечатлений”, мир неоформившихся идей, которые под влиянием практических инстинктов грубо логизируются и определяют человеческое поведение, но фактически остаются фикциями, недоступными в своей истинности сознанию индивидов³⁶. Заметим, что гениальное понимание скрытых аспектов человеческой природы позволило Ницше увидеть и подвергнуть критике “теневые стороны” христианства, культуры Просвещения.

Символичной в этом плане становится у Ницше встреча одинокого Заратустры со своей тенью, вызвавшая у него досаду, растерянность и страх, стремление убежать от нее. Тень явно не понравилась Заратустре, была худа, черна, истощена и стара. Но Заратустру остановили слова, обращенные к нему: “Вместе с тобой стремился я ко всему запретному, самому дурному и дальнему: и если что-нибудь во мне может быть названо добродетелью, так это то, что не боялся я никакого запрета...

Вместе с тобой разучился я вере в слова, ценности и великие имена... Слишком часто, поистине, следовал я по пятам за истиной: и она грубо отвергала меня. Много раз думал я, что лгу, и только тогда прикасался я – к истине”³⁷. Имея представление о жизни Заратустры, можно вполне определенно утверждать, что тень была отчужденной частью его личности, тайной имитацией существенных особенностей его индивидуального бытия. Она аккумулировала в себе издержки поиска им выхода за пределы обыденных норм и стереотипов общества. Слушая монолог своей изможденной тени, это с грустью признал и сам Заратустра.

Вероятно, не без влияния Ницше К. Юнг впервые делает метафорический образ тени научным термином и активно использует его в анализе психики, снов, образа жизни своих пациентов. Вторым источником образования этого понятия стало учение З. Фрейда. По сути дела, большая часть фрейдовских исследований была посвящена “теневой” стороне психики и поведения людей, играющей существенную роль в появлении неврозов, патологических состояний духа. С точки зрения Фрейда, эта сторона представляет собой антисоциальное и примитивное содержание инстинктов, биологических нужд людей, которые не подверглись сублимации и противоречат тому, что считается достойным в цивилизованном обществе. Инцестуальные сексуальные стремления, импульсы садизма и мазохизма, каннибализм, боязнь кастрации и стадный инстинкт вытесняются обществом в бессознательное индивидов, влияя, однако, так или иначе на их сознание и поведение. Но не следует отождествлять тeneвую часть личности с ее бессознательным. Скорее, о ней можно говорить тогда, когда очевидным становится влияние подсознательного и бессознательного на “я”, когда иррациональные силы личности начинают диктовать ей те или иные переживания, мысли и поступки, в источниках которых она не отдает себе отчета. Таким образом, иррациональное становится динамическим фактором, т. е. тенью личности, в том случае, когда этот фактор господствует над ней в известных жизненных ситуациях, будь то доминирование “оно”

или “сверх-я”. Эффект тени проявляется в многообразии тех реальных функций, которые осуществляются вне контроля и без подлинного понимания их сути самими индивидами. Фрейд сравнивал динамику вытесняемых влечений с бесом, который силится овладеть человеком.

От этих положений отталкивается и К. Юнг. “Каждому из нас сопутствует в жизни Тень, – пишет он, – и чем меньше она присутствует в сознательной жизни индивида, тем чернее и больше эта Тень”³⁸. Юнг превращает понятие тени в обозначение конкретного архетипа и связывает его не только с индивидуальным, но и с коллективным бессознательным. Синтетическим выражением связи индивидуального и коллективного в динамике человеческого существования становится для Юнга “личностное бессознательное”, постоянным спутником которого и является тень в качестве ментальной предпосылки бытия индивидов и характеристики их церебральной функции³⁹.

Тень, по Юнгу, устранить из жизни личности нельзя, хотя люди, в особенности образованные, только и занимаются тем, что игнорируют, не замечают и подавляют собственную тень. Однако “простое подавление Тени столь же малоцелительно, как обезглавливание в качестве средства от головной боли”⁴⁰. Более того, вытеснение тени может сделать ее революционной, что повлечет за собой коллизии личной жизни, неврозы, другие психические заболевания. Значит, единственный выход – найти взаимоприемлемый способ существования сознательной личности со своей тенью. Словом, встреча с самим собой означает прежде всего встречу с собственной тенью. Кому эта встреча удалась, тот не только сделал нечто полезное для себя, но и может обогатить духовность других людей, ибо тенью для Юнга является не только низшее, примитивное, скверное и приносящее зло (как для Фрейда), но и все неприспособленное к существованию, неудобное для личности, такие латентные качества (детские, например), которые могли бы обновить и даже украсить ее жизнь. Однако подобные свойства, по мнению Юнга, несовместимы с существом современной цивилизации. Тень напоминает о беспомощности и бессилии человека и вместе с

тем обладает таким свойством, как иррациональная проективность. Она делает сознание и мышление человека в значительной мере иллюзорными, насыщенными смесью из различных предрассудков, социальных грез и фантазий, предвзятой информации и стереотипов, крайне затрудняющих его путь к истине. Кроме того, из-за взаимных проекций теней люди становятся неспособными решать острейшие проблемы совместности своего существования. Проекция тени подчас воплощается в ложных персонификациях (например, в образе врага), которые, будучи зримыми, еще более затрудняют эффективное решение общих проблем и полноценное развитие личности индивидов.

И вместе с тем тень, будучи бессознательной противоположностью того, что индивид настойчиво утверждает в своем сознании, выполняет важнейшую в его жизни функцию – компенсаторную. Хотя и не в адекватной форме, тень благодаря данной функции воссоздает известную целостность человеческой личности, удовлетворяет, насколько это возможно в наличных условиях, ее неизбежное стремление к собственной идентичности, пускай отчасти иллюзорной, но тем не менее важной для поддержания ее жизненных сил.

Идеи Юнга о том, что тень является вечным спутником человеческой личности; она – “третий член”, рожденный взаимодействием этой личности с индивидуально-коллективным бессознательным; что, наконец, она – результат того, что личность в условиях цивилизации не может обрести подлинную идентичность и поэтому приобретает ее в иллюзорных формах – в ложных идентификациях и персонификациях, – эти идеи нашли отклик и в современных исследованиях.

Так, например, К. Уилбер активно использует их в своей попытке заложить основы “вечной психологии” – универсального взгляда на подлинную природу человеческого сознания, аналогичного стремлениям создать “вечную философию” как всеобъемлющее учение о природе человека и сущности реальности⁴¹. Сознание он представляет в форме спектра, включающего многоуровневую манифестацию личностных иденти-

фикаций – от космического сознания, т. е. “Верховной Личности” человека, до крайне суженного эго-уровня, отождествляющего сознание индивида с ментальной репрезентацией психосоматического организма. В этом спектре сознания существенное место Уилбер отводит тени. “Под воздействием различных обстоятельств человек может отчуждать различные аспекты собственной психики, перестать узнавать себя в них, разотождествиться, сужая тем самым сферу своей личности, сводя ее только к тем составным частям эго, которые соотносятся с персоной. Этот уровень принадлежит Тени: человек идентифицирует себя с обедненным и искаженным самоизображением – образом самого себя (то есть персоной), при этом остальная часть его психических склонностей, тех, которые кажутся слишком болезненными, “дурными”, “пагубными” или нежелательными, отчуждается как содержание Тени”⁴².

Однако, в отличие от Юнга, Уилбер считает, что диссоциация личности на персону и тень является все-таки индивидуальной патологией, которую можно устранить различными терапевтическими методами. Опасность существования тени для индивидов заключается в том, что в ней основные потребности человека не находят удовлетворения. Индивид в этом случае попадает под влияние спонтанного действия механизмов проекции, вытеснения, отчуждения и не может понять природу тех индивидуальных стремлений и запросов, которые попали в тень. И поскольку хорошо известно, что человек не может удовлетворить свои потребности, не ведая о них, то возникает множество отклонений невротического свойства, чреватых пагубными последствиями. Терапия включает обязательный контакт с тенью с целью восстановления ее принадлежности личности, интеграцию тени в многоуровневую и хорошо осознаваемую иерархию потребностей – от телесных до самых высших, духовных. Итогом такой терапии становится также устранение тех искажений, которые деформируют и сужают собственный образ личности в ее сознании, интенсивная самоидентификация личности и обогащение ее внутреннего духовного мира, наконец, высвобождение творческой энергии, поглощенной и связанной ее собственной тенью.

Из описания тени может сложиться впечатление, что она, во-первых, является сугубо психологическим феноменом и, во-вторых, аккумулирует в себе, как правило, негативные и отрицательные качества человека. Однако это не всегда так, на что справедливо указывает Л. Н. Коган в исследовании образа тени в мировой художественной литературе. Он полагает, что тень может выступать в роли бесстрастного наблюдателя или доброжелательного советчика и друга, а также выполнять функцию тайного предвозвестника судьбы и смерти (“Черный человек”, который ходит по пятам за Моцартом в “Маленьких трагедиях” А. С. Пушкина). Кроме того, отчужденная тень становится живой душой и совестью: это и портрет Дориана Грея в одноименном произведении О. Уайльда, и тень-черт в кошмаре Ивана Карамазова (“Братья Карамазовы” Ф. Достоевского). В последнем случае тень по высшим этическим критериям судит мысли и поступки человека, является своеобразным исследователем навязанного ему средой образа жизни. Поэтому многие люди боятся встречи со своей тенью, стремятся предотвратить ее. А если эта встреча все-таки произошла, то она приводит или к нравственному очищению и катарсису, или, если тень замещает собой человека, к гибели личности.

Важной является мысль Л. Н. Когана о том, что фактически тень есть особая, многомерная связь человека со своим вторым “я”, с неким другим. Более того, она есть и скрытое отношение между людьми, которое выполняет в их жизни самые различные функции и без понимания которого принципиально невозможно человеческое самопознание и самореализация⁴³. Иными словами, тень является фундаментальным фактом духовного бытия человека, его познавательных, ценностных, коммуникативных и деятельных связей с миром, хотя и располагается она обычно, так сказать, на периферии его сознания и практической жизни. Вместе с тем отметим, что Л. Н. Коган не отделяет тень от персонификаций “другого” в человеке. А это различие в категориально-методологическом плане исследования личности (о чем и пойдет речь далее) представляется мне весьма важным.

Итак, наш анализ приводит к вполне определенной констатации: у индивидов, живущих в современной цивилизации, наличествует теневая часть личности. Разумеется, можно спорить о том, является ли тень вечным спутником человека (архетипом) либо она – продукт специфических, конкретных условий его жизни. Однако такой спор неизбежно будет схоластическим, ибо мы не знаем в истории таких форм общества, для которых полноценность бытия личности – ее свобода, творчество, здоровье, благополучие, развитие индивидуальных сил и способностей были бы самоцелью и высшей практической ценностью. Напротив, каждое общество, способствуя до некоторой степени индивидуализации живущих в нем людей, развитию их личности, в то же время ограничивает их необходимостью поддержания и воспроизводства наличных социальных условий, сложившихся схем социальной деятельности. Пределы и ограничения, накладываемые конкретным обществом на проявления индивидуальности, чреват диссоциацией личности составляющих его индивидов, множественностью и разорванностью их духовно-психических состояний, антагонизмом внутренних сил и стремлений.

Тень порождается невозможностью для индивидов обрести в данных экономических, политических и культурных условиях собственную индивидуальную целостность. Она – результат наложения внешних императивов и требований общества на потенциал внутреннего развития людей, на многообразие, пластичность и уникальность их индивидуальных проявлений. Под влиянием антиномий, разрывов связей личности и общества ее нереализованные качества спонтанно отчуждаются, проектируются личностью во внеличностное измерение. Становясь “размытой субъективностью”, без ясных предметных определений, они часто не поддаются адекватному пониманию, управлению и контролю личности, искажают в самосознании ее собственный образ.

Если попытаться соотнести личность с ее тенью (упрощая, разумеется, их отношения), то получится следующий оппозиционный ряд. Личность реальна в смысле ее включенности в

систему социальных ролей и отношений, тень ирреальна (виртуальна) в силу нахождения на границе социального бытия и небытия. Она напоминает в этом аспекте “Ничто” Гегеля, которое не есть просто пустота, а такая пустота, которая чревата возможностью рождения “Нечто”. Она – “положенное” в личности, каким-то образом “представленное” в ее жизнедеятельности, но не признанное ею самой и обществом – некий “подтекст” в тексте ее отношений в мире.

Далее, личность адекватна своим отношениям с социумом (персона), актуализирована в них, тень избыточна для этих отношений, не объективирована в них, составляет потенциал личностного развития. Поэтому – и это очень важно – к тени не применимы однозначные моральные оценки с позиций добра или зла, ибо она сама по себе нейтральна и представляет лишь возможности их различных сочетаний. Личность дискретна, единична, тождественна себе, испытывает потребность в собственной идентичности. Тень есть скрытое присутствие в жизни личности некоего “другого”, она скорее континуальна, отличается синкретизмом духовно-психических процессов, полисемантизмом смыслов, проявляющихся в отдельных образах сознания, предметах воображения и мышления. В отличие от аутентичной личности, она выражает стремление к идентификации с чем-либо. При этом личность может быть активной или пассивной, тень – реактивной; она является специфическим реагированием на те или иные действия (или бездействие) самой личности либо на внешнее воздействие. Личность наделена рефлексией, она рациональна, в противном случае она может утратить способность ориентироваться в социальном мире. Тень иррациональна и импульсивна и, в отличие от личности как интегрированного образования, дезинтегрирована с ней, существует стихийно и самостоятельно в качестве скрытой связи между людьми.

Если попытаться обобщить сказанное выше, то можно дать следующее предварительное определение: тень есть отчужденная и превращенная форма тех индивидуальных качеств, свойств и переживаний личности, которые не нашли в ее жиз-

недеятельности адекватный их содержанию социальный способ реализации и развития. Нужно при этом подчеркнуть, что тень является формой существования индивидуальных качеств редуцированной личности и компенсирует иррациональным способом разрушение ее целостности. Она восполняет ограниченность наличного общественного бытия индивидов, но часто ослабляет подлинную связь их личности и индивидуальности в самосознании и деятельности.

В обыденной жизни тень обнаруживает себя в бессознательном двуличии и лицемерии людей, в их невольном коварстве и амбивалентности чувств и желаний, в стремлении выдать предрассудок за рассудок, аффект за трезвый выбор, в раздвоении личных оценок и индивидуальных предпочтений, в противоположности собственных мотивов и общественно значимых поступков индивидов.

Короче говоря, понятие тени помогает найти то место в пространственно-временном континууме субъективности людей, где обретают прибежище их свобода и индивидуальность, подвергшиеся социальным редукциям. Более того, масштабы тени, по-видимому, пропорциональны этим социальным влияниям, коррелируют с ними, ибо тень защищает личность от распада и губительной одномерности существования.

Поэтому функционирование тени можно рассматривать и как факт стихийного сопротивления индивидов доминированию социального редукционизма, как своеобразный протест людей против общественного оскотления их индивидуальной самости. Посредством тени личность сохраняет все-таки известную целостность и определенность, свой "законсервированный" потенциал быть полнокровным творцом в этом мире и одновременно возможность превращения в ущербное, слабое и зависимое существо.

Кроме того, если понятие личности служит, в первую очередь, для обозначения способности человека к перманентному снятию противоположности между внутренне-субъективной и внешне-объективной его жизнью, а значит, его способности к духовному самопорождению, к здоровым формам самореализа-

ции, то понятие тени указывает и на его способность к перерождению, приспособлению к превращенным формам личностного бытия. Это чревато утратой разумности, психического здоровья и духовного благополучия, потерей умения слышать голос своей совести и способности вообще прожить собственную, а не искусственно навязанную кем-либо жизнь.

Как научно-философское понятие тень может, на мой взгляд, служить и для обозначения такого скрытого и “разлитого” по структуре личности “фона”, который диффузен по своему характеру и подчас искажает и деформирует правдивое видение и понимание индивидом самого себя, его рефлексивный “я-образ”, “я-концепцию”. В этом качестве тень, подобно знаменитым идолам человеческого познания Ф. Бэкона, элиминирует в самосознании индивидов подлинно гносеологическое измерение реальности, создавая у них “зоны слепоты”. А выдавая различные иллюзии, мифы, предрассудки, социальные грезы и фантазии за истину и реальность, она вообще как бы погружает личность в “сон с открытыми глазами”. В этих крайних проявлениях тень, так сказать, держит индивидов “над пропастью во лжи”.

Тень может склонять личность взрослого человека к ошибкам опредмечивания и объективации, она обнаруживает, особенно в ситуации жизненного выбора, еще одно свое свойство – создавать иллюзию, имитировать полноценность человеческой жизни отчужденного индивида. В онтогенетическом плане это свойство, по-видимому, есть негативное проявление здоровой способности ребенка к подражанию, позволяющей ему успешно усваивать и репродуцировать образцы и ценности культуры, в которой он живет. Однако так же, как детский нарциссизм становится в своей вторичной форме у взрослого причиной его тяжелых психических заболеваний или подростковая инфантильность превращается в бессилие и беспомощность при решении жизненных проблем, – точно так же и подражание оборачивается своей противоположностью. Вторично оно обнаруживает себя в таких имитациях полнокровности личной жизни индивида, когда достижение и воспроизводство

искусственно навязанных ему социальных стандартов он принимает за суть индивидуальной самореализации. Словом, тень, сохраняя таким образом социальный статус-кво индивида, может создавать в его сознании иллюзию проявления его самости – подлинной индивидуальности.

Важно, кроме того, отметить, что формирование данной иллюзии, продуцируемой теневой частью личности, есть результат влияния не только внешних обстоятельств, но и активности самой личности. Шаги к отчуждению какой-то своей части в тень, к иллюзиям ее самобытия личность делает самостоятельно. Этот тонкий, но чрезвычайно важный нюанс в поведении людей, спасающихся от своей ничтожности, например, в религиозных иллюзиях, был подчеркнут З. Фрейдом: “Критики настаивают на том, чтобы считать “глубоко религиозным” человека, исповедующего чувства человеческого ничтожества и бессилия перед мировым целым, хотя основную суть религиозности составляет не это чувство, а лишь следующий шаг (разрядка моя. – Ю. Е.), реакция на него, ищущая помощи против этого чувства. Кто не делает этого шага, кто смиренно довольствуется мизерной ролью человека в громадном мире, тот скорее нерелигиозен в самом прямом смысле этого слова”⁴⁴.

Вместе с этим З. Фрейд в цитируемой мной работе “Будущее одной иллюзии” постоянно подчеркивает, что религиозные учения, осваиваемые индивидами, являются в психологическом смысле, безотносительно к их истинности, индивидуальными иллюзиями. В превратной форме, отталкивая “я” индивидов от реальности, они реализуют древнейшие и сильнейшие человеческие желания – понять себя и окружающий мир, ощутить силу, полноту и защищенность индивидуальной человеческой жизни. Давая индивидам ощущение гармоничной причастности к миру, религиозность, иррациональная вера наносят тем самым ущерб истинности мышления, подлинности чувств и опыта человека.

Разумеется, можно в этом и не соглашаться с Фрейдом, однако нельзя не признать, что он очень точно подметил момент активности религиозного самоотчуждения человека, происхо-

дящего под влиянием соотнесенности собственной личности с мировым целым. Если эта соотнесенность, сравнение своей значимости с миром подавляет человека, заставляет чувствовать себя в нем ничтожной пылинкой, то человек может сделать следующий шаг, защищающий его от умаления человеческого достоинства. Этот шаг к превращенным формам знания или к растворению себя в какой-то системе, которая, однако, направляет его жизнь и придает ей, казалось бы, подлинный смысл – этот шаг есть иллюзия, точнее, имитация самореализации личности. Следовательно, самоотчуждение, если оно приносит избавление от острых личных проблем, страхов и непереносимых переживаний, может субъективно восприниматься личностью как подлинное проявление ее самости, ее индивидуальности. Отказ от себя в этом случае будет выглядеть как обретение себя, утрата какой-то своей части может казаться своей личной победой, подмена своей личности псевдоличностью – считаться саморазвитием в процессе адаптации в социальном мире. Подобный самообман становится компромиссом с реальностью, в который человек вынужден жить и где он не может реализовать себя адекватным своей индивидуальности образом.

Символичной в этом плане является судьба главного героя романа Дж. Оруэлла “1984”. Уинстон Смит всеми силами пытался отстоять в тоталитарном обществе свое право на личную жизнь, на независимость мышления и взглядов, на свою любовь к молодой женщине. Однако он волей партии был брошен в подвалы “министерства любви”, где наряду с физическими истязаниями был подвергнут сильнейшей идеологической обработке. В заключительной сцене романа он, уже свободный, сидит в кафе “Под каштаном”, пьет джин и видит перед собой лицо Старшего Брата – вождя партии, из-за которого он перенес все свои страдания, потерял свою любовь, способность к нормальной человеческой жизни. Последние строки романа передают весь ужас и весь трагизм момента окончательного перерождения, иррациональной подмены личности героя: “Он остановил взгляд на громадном лице. Сорок лет ушло у него на то, чтобы понять, какая улыбка прячется в черных усах. О же-

стокая, ненужная размовка. О упрямый своенравный беглец, оторвавшийся от любящей груди! Две слобренные джином слезы прокатились по крыльям носа. Но все хорошо, теперь все хорошо, борьба закончилась. Он одержал над собой победу. Он любил Старшего Брата”⁴⁵.

Замечу, что чувство любви в нормальном, подлинном его виде является высшим интегральным проявлением индивидуальных духовных сил. Оно приносит ощущение действительной гармонии в межличностных отношениях, в связях с окружающим миром. В романе оно выполняет, на мой взгляд, несколько чрезвычайно интересных функций. Во-первых, оно замечает у Уинстона Смита те скрытые чувства возмущения и ненависти к партии и ее вождю, которые накапливались у него при попытках отстоять в тоталитарном обществе свою автономность и индивидуальность. Эти чувства были болезненны и опасны, ибо шансов на победу у него не было, а вот новые страдания они бы неизбежно принесли. Во-вторых, чувство любви устраняет ту горечь потерь, боль и унижения, которые прежде испытывал Уинстон. И, в-третьих, оно приносит ощущение успокоительной гармонии с реальностью, хотя фактически является фиктивным компромиссом с ней – иррациональной сверхкомпенсацией за невозможность жить собственной жизнью. Другими словами, результатом сопряженных с физическим и духовным насилием редукций стало перерождение личности героя романа. Однако это перерождение позволило ему дальше жить и работать в тоталитарном обществе.

На примере Уинстона, мне кажется, весьма показательно раскрывается сущность социальных манипуляций личностью. В художественной форме демонстрируются те типичные метаморфозы, которые претерпевает теневая часть личности, когда она уходит из-под контроля. В этом случае тень может обрести иррациональную власть над сознанием и поведением личности. Она имитирует ее подлинную жизнь, в результате чего личность искаженно воспринимает собственную индивидуальность. Кроме того, отчуждаясь во внеличностное измерение, тень образует потенциальный источник власти над личностью для

других людей, социальных институтов, общества в целом. Собственная жизнь индивидов становится подверженной внешнему контролю, детерминации, управлению, но так и таким образом, что у них сохраняются иллюзии ее самостоятельности, свободы и непринужденности. Опосредованная тенью внешняя власть над индивидами выступает в неявной, скрытой, латентной форме. Более того, она воспринимается в силу органичной принадлежности тени их личности как мотивация их собственных стремлений, мышления и практических решений. Так, люди, уводя с помощью теневых структур свои отношения конкуренции, борьбы за власть, богатство, привилегии в иррациональное измерение, в область индивидуального и социального бессознательного, интуитивно находят и способы косвенного, скрытого влияния друг на друга, т. е. манипулирования. Социальные манипуляции и есть, по-видимому, эффективное использование теневой части личности индивидов или во благо им, или для осуществления чуждых им замыслов и целей. Специфика манипулирования в том, что люди подчиняются ему добровольно, хотя они платят подчас за это подчинение отчуждением их собственной, индивидуальной жизни.

Уместно вспомнить в связи с этими размышлениями известную сказку Г.-Х. Андерсена "Тень". Как говорится, сказка – ложь, да в ней намек! Один молодой ученый, снедаемый любопытством узнать о тайнах жизни своей неприступной соседки, отпустил к ней в дом собственную тень. Она, дотоле прятавшаяся от света за спиной ученого и лишь механически повторявшая все его движения, проявила здесь несвойственную ей прыгкость. Тень оторвалась от своего хозяина и исчезла в доме девушки. На следующий день ученый, обнаружив пропажу тени, стал горевать, но переживал он недолго, ибо у него начала вырастать новая тень. В это время прежняя тень, созревшая для самостоятельной жизни, окунулась в изнанку и низость человеческих отношений. Познав скрытые стороны человеческой природы, она принялась спекулировать на слабостях, недостатках людей, что принесло ей почести, богатство и славу. И, главное, тень стала по внешнему облику неотличима от

людей. В этом человекообразном виде она и явилась к своему
прежнему хозяину.

К тому времени он был уже больным, бедным и одиноким
человеком, испытывающим мучительные сомнения в нужности
людям своих научных трудов. Тень предложила ученому вместе
отдохнуть, развлекаться на ее средства, но при одном условии:
она становится господином, а бывший ее господин – тенью.
Так, поменявшись на время ролями, они поехали на воды, где
лечились богатые люди, иностранцы. Тень, ставшая господи-
ном, встретила принцессу королевского рода из другой страны.
Используя мудрость и знания следующего за ней ученого-тени,
она обманом убедила принцессу в том, что она – человек, об-
ладающий к тому же выдающимся умом. Принцесса согласи-
лась выйти замуж за тень, видя в этом большую пользу для
своей страны. Когда же наконец ученый решил разоблачить
обман своей бывшей тени и рассказать, что она не человек,
тень, пользуясь положением жениха принцессы, засадила уче-
ного в тюрьму и там втихомолку покончила с ним. Так трагически
оборвалась жизнь человека, подчинившегося своей тени⁴⁶.

Можно ли в русле наших размышлений извлечь из этой
сказки уроки, раскрывающие тайну взаимоотношений человека
с его тенью? По крайней мере, нужно сделать вывод о том, что
свою тень отпускать нельзя, ибо она, превратившись на свободе
в некоего другого, способна подавить или заместить человека,
наказав за легкомыслие и безответственность обращения с ней.
И человек станет лишь бессильным придатком своей тени. Но
люди без тени также, по-видимому, являются ущербными, так
как утрачивают скрытый ресурс саморазвития, возможность
жить полноценной индивидуальной жизнью. Однако какой
социальный механизм делает реальной ситуацию, символиче-
ски описанную Андерсеном? Об этом мы и будем говорить в
следующей главе.

Глава III

ЗАМЕЩЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В ИНДИВИДЕ

Итак, мы выяснили, что редукционизм, будучи носителем разрыва между нормальным функционированием общества и полным развитием личности, превращает этот разрыв в достояние и проблему индивидуального бытия людей. Он обеспечивает параллелизм, структурное сходство и совпадение (гомологию) движения и функционирования социальной системы и соответствующих изменений в духовном мире личности. Редукционизм осуществляет частичное сведение субъективности людей к социуму, к его реальным абстракциям ценой отчуждения каких-то сторон их индивидуальности. Однако, исчезая в процессе такой адаптации с поверхности общественной жизни, эти стороны не утрачиваются совсем. Они как бы отодвигаются назад (*reductio* по-латински – отодвигание назад), на периферию личности, в ее тень, образуя скрытый потенциальный фактор давления субъективности людей на их наличное бытие. Появление тени сигнализирует одновременно об ослаблении или разрушении единства и целостности личности, а часто и о непонимании ею специфических сил и особенностей своей индивидуальной самости. Тень, стало быть, становится, с одной стороны, ресурсом саморазвития личности, а с другой – потенциальным фактором дезориентации в социальном мире, источником драматических коллизий в личной жизни.

Дезинтеграция личности со своей тенью делает их отношения оппозиционными. Иными словами, одно и то же человеческое качество может обретать различные, противоположные значения в зависимости от того, реализуется ли оно сознательно-личностным либо теневым образом. Это касается и такого важнейшего качества личности, как ее проективность.

Наличие данного качества у людей определяется тем фундаментальным фактом, что каждый индивид смотрит на мир, действует в нем из себя как из центра жизненных притязаний.

Поэтому он обладает и неизбежной потребностью к трансцендированию себя, стремлением преодолеть наличное бытие и превратить индивидуальный потенциал в онтологизированную, бытийственную реальность. Проективность, стало быть, способствует становлению индивидов как пристрастных субъектов созидания своей жизни и судьбы. Действуя в определенных пределах, проективность обеспечивает нормальное развитие их личности. Более того, она способствует развитию их творческого потенциала, ибо повышает способность к автономному целеполаганию, содействует воплощению в жизнь планов и идеалов, утверждению собственных норм и принципов. Проективная способность служит важнейшим источником интеллектуально-образной продуктивности личности в науке, искусстве, политике, а также обуславливает яркость и красочность восприятия ею окружающего мира. Она проявляется в мироощущении поэтов, художников и обычных людей как свойство видеть то, что близко их духовному миру. Гельвеций подметил, например, что священник, глядя на луну, замечает на ней профиль колокольни, а влюбленным лунные пятна напоминают двух целующихся голубков.

Проективная способность может также защищать человеческую психику от чрезмерного напряжения, поддерживать ее целостность в тех ситуациях, когда человек испытывает горе, бессилие, страх, личную трагедию. Так, в "Тихом Доне", когда Григорий Мелехов видит, что его любимая умерла, он поднимает лицо к весеннему голубому небу и обнаруживает на нем "черное солнце". Солнце, окрашенное в цвет его трагедии. Эта пронзительная художественная деталь обладает и точным психологическим смыслом. Проекция напряженных, тяжелых психологических состояний на какой-либо внешний объект помогает человеку в какой-то мере пережить их, разрядиться и сохранить свою жизнеспособность.

Поэтому средства, выполняющие функцию проективной разрядки от того напряжения, которое накапливается в повседневной жизни людей, можно обнаружить в любой культуре. Они снимают остроту жизненных противоречий и обеспечи-

вают возможность осмысления в символической форме нравственных, религиозных, эстетических, политических и т. д. отношений личности в обществе.

В немецкой национальной культуре есть, например, ежегодный послерождественский праздник “фашинг”, который строится на принципе инверсии отношений, складывающихся у людей в обычные дни. На нем в смеховой, ернической форме подвергаются сомнению, критике, сарказму многие из тех привычных норм и правил, стереотипов общения и поведения, которые в других случаях почти автоматически регулируют общественную жизнь. По-видимому, этот праздник является продолжением традиции “смеховой культуры” Возрождения. Исследователь этой культуры М. Бахтин показал, как неизбежная человеческая потребность в обновлении жизни реализуется в карнавальном празднестве. На нем сливались воедино реальное с утопически-идеальным и подвергались сомнению те ценности, боги и культовые действия, которые считались безусловными для почитания в будничные дни¹. И вместе с тем праздники, подобные карнавалу, в какой-то мере удовлетворяют нереалистические желания людей, в условно-иллюзорной форме разрешают те противоречия, которые не могут исчезнуть при данных жизненных условиях. В период праздничного действия освобождаются отчасти импульсы и стремления, ограничиваемые или запрещаемые нормами повседневного существования.

Проективные механизмы культуры, обеспечивая духовно-психологическую разрядку индивидов, символическую защиту их личностной целостности от расщепляющего воздействия практической жизни, сохраняют тем самым в норме и их проективную способность. Она в этих случаях остается рационально контролируемой их сознанием. Между тем практическая жизнь постоянно провоцирует и на иррациональное проявление этой способности, имеющее подчас пагубные последствия для мышления и самосознания личности.

В этом качестве проективная способность была впервые обстоятельно исследована З. Фрейдом. Анализируя такие широко

известные психоаналитикам явления, как трансфер, сублимация, рационализация, он акцентировал внимание и на их функции проективной разрядки от тех импульсов и напряжений, которые проистекают от либидо, но не могут быть в силу разных причин удовлетворены в первородном виде. Поэтому они отчасти вытесняются в область подсознательного (сны, оговорки и т. п.), а отчасти преобразуются и в форме иллюзий овладевают сознанием и поведением индивида. Так, например, импульс зависти, противоречащий нравственным убеждениям личности, может в ее сознании обрести форму морального негодования, презрения или восхищения человеком, которому данная личность в действительности только завидует. Проекция здесь действует и как механизм продуцирования иллюзий самосознания личности, неадекватно понимающей действительные мотивы собственных чувств и отношений. Точно так же благодаря проекции человек способен приписывать другим людям те черты нравственного облика, интеллектуального склада или сексуального поведения, которые он не в состоянии признать в себе самом. Собственные отрицательные черты, не осознаваемые личностью в силу ее национальных или расовых предубеждений, могут приписываться представителям других этнических групп. Специфический характер имеет действие проекции у индивида в состоянии гипноза, при наркотизации или во сне, когда неутоленное желание, сильная потребность освобождаются от контроля сознания и проявляются как зрительные или слуховые галлюцинации либо как абсурдные, далекие от реальности речевые высказывания.

Эти примеры достаточно упрощенно показывают характер действия проективных механизмов. Правда, и сам Фрейд низводил их фактически до уровня первичных инстинктивных реакций, считая “идеальные” побуждения личности, силу ее духовности вторичными и производными от них. Так, например, стремление к справедливости он подчас сводил к первоначальной зависти ребенка к тем детям, чьи семьи были богаче. А иждивенческое отношение к жизни у взрослого он объяснял нередко только сильной привязанностью в детстве к матери,

которая кормила, обогревала и записала его. И вместе с тем, несмотря на натуралистическую интерпретацию открытых им психических механизмов, З. Фрейд убедительно продемонстрировал их отчетливое присутствие в структуре личности каждого человека – как здорового, так и больного.

Хорошо известно, например, что больные паранойей некритически переносят на других собственные страхи, подозрения и домыслы. Они не отличают свои внутренние состояния, чувства, идеи от реальности окружающего мира. Специфика паранойи как душевной болезни дала основание американскому историку Р. Хофштедтеру говорить о “параноидальном стиле”, который господствует в определенные периоды политической жизни народов, особенно в тоталитарных обществах. Этот стиль означает “предельное преувеличение, подозрительность и фантазии о заговорах”². Он отчетливо присутствовал и в сталинской политике, ищущей повсюду “вредителей” и “врагов народа”, разоблачавшей заговоры “буржуазных спецов”, “партийной оппозиции”, “саботажников”, “врачей-космополитов”. В постсталинское время эта традиция была продолжена (разоблачение “внутренних эмигрантов”, “идеологических врагов”, “диссидентов”, “классово чуждых элементов” и т. п.). Сегодня ясно, что так хорошо отрежиссированные Сталиным и его последователями судебные процессы над “врагами народа” служили, в частности, закреплению проективных параноидальных иллюзий массового сознания, легитимизировали их в качестве смысловых личностных установок в практике строительства “социализма и коммунизма”. “Параноидальный тип, – пишет историк К. С. Гаджиев, – склонен рассматривать историю как результат действий отдельных личностей, он предполагает, что враг располагает особо важными источниками и рычагами власти. Например, враг контролирует прессу, направляет общественное мнение с помощью “управляемых новостей”, он обладает неограниченными ресурсами, секретами “промывания мозгов” или же держит в своих руках власть над системой образования и т. д.”³ К. С. Гаджиев делает весьма примечательный вывод, фиксирующий логическое завершение

действия проекций подобного рода в духовной и социально-политической практике личности. Формируется "...такой тип сознания, который доводит подозрительность и ненависть до уровня мировоззренческого кредо. Будучи совершенно нормальным человеком в отдельных сферах жизни, например, в семье, на работе и т. д., такой тип способен впасть в крайности и действовать крайними, экстремистскими методами в других сферах – в политике, в религии и т. д.”⁴ Эти действия у “нормального параноика” вполне искренни, он, как правило, считает, что они продиктованы разумными соображениями, которые придают им дополнительную силу и интенсивность. Однако на самом деле агрессивное поведение разрушает целостность его личности, ведет к формированию “манихейского” типа мышления, делящего мир на бинарные противоположности: врагов и друзей, своих и чужих, наших и ненаших. Здесь “параноидальный стиль” приобретает – если продолжить медицинскую аналогию – психотический элемент, выражающийся в отношении к окружающему миру.

Известно, что больного психозом отличает крайняя степень разобщенности с действительностью, восприятие мира как бы через стеклянную стену. Психотик так же, как и больной паранойей, утрачивает критическую способность отделять свою личность от своих внутренних психических состояний и образов. Но, в отличие от последнего, действительность для него становится ирреальной, он утрачивает с ней эмоциональную связь.

Чувственный аутизм, эмоциональная отчужденность от страданий других характерны и для обычных людей в том случае, когда их мировоззренческие, смысложизненные установки принуждают к выбору экстремальных и бесчеловечных средств в борьбе с реальными или мнимыми врагами. Крайности их действий бывают обусловлены не только логикой реальных обстоятельств, но и иррациональным характером их собственных воззрений, в которых наряду со злобой и ненавистью к противнику воплощаются национальные, расовые, религиозные или социально-классовые предрассудки и предубеждения. Теневая,

не отрелективированная мышлением проекция предрассудков на мировоззренческий уровень служит, как правило, индикатором редуцированности каких-либо индивидуальных сторон личности данных индивидов.

Роль такой проективной смысложизненной установки показана в повести А. Платонова "Чевенгур". Степан Копенкин, воюя за коммунизм, делает это в личном плане ради одной женщины – Розы Люксембург. Ее образом он поверяет все свои помыслы и поступки. В ней сконцентрированы его представления о материнстве, женственности и красоте, так же, как и мечты о социализме и коммунизме. Он и кулаков-то рубит пашкой благодаря этому образу так буднично и с таким тщательным усердием, с каким "баба полет просо". С горькой иронией описывает автор своего героя: "Его международное лицо не выражало сейчас никакого чувства, кроме того, нельзя было представить его происхождения – был ли он из батраков или из профессоров – черты его личности уже стерлись о революцию"⁶. Эта характеристика героя символична: беззаветно растворяясь в "больших величинах" – революции, пролетариате, социализме и т. п., Степан утрачивает индивидуальные черты своего облика, теряет всякий намек на отличие от миллионов таких же борцов за революцию. Однако процесс утраты индивидуальности сопряжен у него с появлением иллюзорно-символического образа Розы Люксембург, ставшего в его сознании фактором, определяющим его бурную революционную активность. Физическая гибель Степана Копенкина от сабель врага в конце повести лишь дополняет и усиливает этот уже совершенный ранее акт "ампутации" индивидуальных особенностей его личности.

Итак, проективность человеческой личности проявляется в двух основных формах. В первом случае она становится сознательно контролируемым "проектом", выражением здоровой творческой субъективности. Индивид строит себя посредством внутренних духовных усилий, субъективно-деятельным владением своими силами и способностями, посредством реализации в своей деятельности определенных идеалов. Такое проектиро-

вание предполагает и сознательное проникновение в бессознательные слои своей личности, интеграцию их в собственную духовную структуру. Нет особой нужды подчеркивать, что подобная проективность служит социальной продуктивности индивидов, является важнейшим элементом процессов их самореализации и саморазвития.

Во втором случае проективность носит неконтролируемый, теневой характер. Она выступает как иррациональный перенос в область сознания, в сферу ценностных ориентаций, в мировоззрение индивидов их отчужденных, стертых в результате редукции индивидуальных свойств и качеств. Этот перенос под влиянием внешних обстоятельств происходит спонтанно, он, по-видимому, и является механизмом воздействия на жизнедеятельность личности ее теневой части – тех ее особенностей, которые, не найдя адекватных форм выражения, вынуждены жить в “чужих одеждах” (А. Н. Леонтьев). Становясь ложной репрезентацией духовно-психических состояний, перенос вместе с тем выполняет функцию избыточной компенсации разорванности, ущербности, ограниченности индивидуальных проявлений личности. При этом чем сильнее разрушена целостность личности, тем интенсивнее иррациональный перенос, что достаточно легко обнаруживается во всех случаях идолопоклонства и фетишизма. Однако нам важно подчеркнуть, что теневая, отчужденная часть личности в процессе переноса обретает совершенно новое качество. Она становится способной к имитациям подлинной индивидуальной жизни человека, может толкать его на путь ложных идентификаций и персонификаций, но при этом культивировать в его самосознании видимость полноты бытия, создавать иллюзии самостоятельности, целостности, сознательности, свободы, гармоничности его существования. Однако в действительности тень в процессе имитации подменяет разумное мышление индивидов рационализациями, действительные индивидуальные потребности – надуманными вожелениями, подлинные чувства – такими эмоциональными зависимостями, которые делают людей слабыми и слепыми по отношению к реалиям их жизни. Словом, имита-

ционные действия тени в структуре жизнедеятельности личности часто являются самообманом, который чреват перерождением индивидуального “я”, сопровождаемым успокоительной иллюзией его подлинной самореализации.

В драматических, трагических коллизиях человеческого бытия этот спонтанный самообман, воплощенный в духовных имитациях полноценной жизни, можно обнаружить даже на психосоматическом, физическом уровне существования людей. Так, хорошо известен факт, что человеку, смертельно замерзающему на сильном холоде, неожиданно становится тепло и безмятежно. Альпинисты, пережившие падение с горы, вспоминают чрезвычайно любопытные ощущения и образы, возникшие в этот момент в их сознании: “Все было пронизано небесным светом и ощущением прекрасного, безо всякой примеси горя, страха или боли... Возвышенные, исполненные гармонии мысли заполнили мое сознание и соединили все образы воедино. Подобно волшебной музыке, блаженное спокойствие захлестнуло мою душу”⁷. Они отмечают, что приближение смерти воспринимается со страхом со стороны, однако их собственное падение оставило в памяти “лишь приятное преобразование”⁸. Психиатрии хорошо известен также тот факт, что у человека, приговоренного к смерти, непосредственно перед казнью возникает стойкая иллюзия помилования, которая до самого конца сохраняет его жизнеспособность⁹. Существуют свидетельства солдат, прошедших войну, о том, что во время длительной и смертельной бомбежки многие из них засыпали глубоким беспробудным сном.

Итак, в драматических ситуациях, угрожающих жизни, человеческий дух действует спонтанно, он обнаруживает великолепную запитную способность к имитации лучших и высших жизненных проявлений. Эта “святая ложь” избыточно компенсирует в смертельной опасности бессилие человека, его подавленность и отчужденность от действительной жизни. В самых многообразных формах иллюзии спасают людей от невыносимых страданий, страха, боли, болезней, одиночества и т. п.,

поддерживают и продляют их духовное существование даже при неизбежности физической гибели.

Так же и в обычной, повседневной жизни индивидуальные качества людей, вытесненные из реальности, переходят в режим теневого и произвольного существования, чреватый порождением всевозможных иллюзий, имитационных форм бытия личности. Эти формы порождаются в определенной степени и самими индивидами как отклик на ничтожность, бессмысленность, ограниченность индивидуального бытия. И вместе с тем теневая проекция становится особой связью, индивидуальным каналом, по которому общество, господствующие в нем практические абстракции, социальные институты скрытым образом могут воздействовать в необходимом направлении на функционирующих в нем индивидов. Так редукция – и в духовно-психической, и в материальной сфере – оборачивается в конечном итоге имитационной проекцией личности, которая с помощью бессознательного подражания функционирует в социуме, но сохраняет при этом иллюзию самостоятельности и даже полноценности своего бытия. А общество получает индивидов, для которых воспроизводство его статус-кво становится индивидуально значимым делом, обретает личностный смысл. Такой способ достижения определенного тождества социального и индивидуального можно вслед за А. Тойнби обозначить как механизм *мимесиса*, органически включенный, по его мнению, в историю движения различных цивилизаций и усиливающий их самодетерминацию и целостность¹⁰. Действие этого механизма отчетливо показывает, что адаптация индивидов в обществе зиждется более на подражании, нежели на их сознании и мышлении, которые представляют собой продукт эволюции общественных форм. Как пронизательно заметил на этот счет Ф. А. Хайек, “управляемые в своем поведении тем, чему научились, мы зачастую не знаем, почему мы делаем то, что делаем”¹¹.

Разумеется, в индивидуальном становлении человека подражание, как правило, носит продуктивный характер, ибо на нем строятся обучение профессиональным навыкам, освоение тех

социальных ролей, которые впоследствии человек исполняет в общественной жизни. В этих случаях не вызывает сомнений индивидуальная и социальная эффективность принципа “делай как я”. Продуктивным подражание является и в искусстве. Здесь оно становится элементом художественного творчества, исполнительского мастерства – например, в искусстве пародии или пантомимы. Однако существуют, как уже говорилось, имитации особого рода, которые имеют прямое отношение к социальным манипуляциям личностью.

Истоки этих практических имитаций можно обнаружить в древнегреческих мифах. В частности, в истории Троянской войны есть предание о деревянном коне, с помощью которого греки сумели обмануть троянцев, проникнуть внутрь города и завоевать Трою. Интересна при этом духовно-психологическая подоплека этого классического обмана. Военная хитрость греков заключалась в том, чтобы внушить троянцам мысль, что конь предназначен в дар богине Афине в благодарность за их будущее благополучное возвращение домой. Греки рассчитывали, что троянцы, тоже поклонявшиеся Афине, не осквернят ее собственность и внесут коня в город. Укреплял греков в мысли совершить это корыстное святотатство, по-видимому, и тот факт, что лошадь была для троянцев священным животным и имела обрядовое значение. Технология обмана, разработанная с помощью милостивой подсказки самой богини Афины, принесла грекам военную победу. Правда, во время жарких споров, когда троянцы решали, надо ли втаскивать коня в город, ясновидцы Кассандра и Лаокоон пытались убедить их, что внутри коня прячутся вооруженные враги. Но троянцы все-таки побоялись оскорбить свои святыни, втащили коня в город, чем и подписали себе смертный приговор¹². Таким образом, они пали жертвой обманной имитации своей победы.

С тех пор в историю культуры вошел образец изощренного обмана, построенного на умении наделять всеобщим ценностным значением своекорыстные цели и интересы, и, замаскировав их таким образом, скрыто эксплуатировать людей, властвовать над ними, не прибегая при этом к прямому насилию.

Вследствие приверженности людей определенным ценностям эта теневая власть над ними принимается добровольно, воспринимается ими как проявление собственной воли, и вероятность критического отношения к ней крайне мала.

В основе искусства созидания теневой власти, которое сродни искусству иллюзиониста или фокусника, лежит способность субъекта власти к обманным имитациям своей приверженности ценностям, интересам и стремлениям людей – объектов этой власти. Разумеется, для подобных имитаций требуется отсутствие “моральных предрассудков”, а также знание тех индивидуальных особенностей их объекта, которые подавлены, не развиты или не рефлектируются. Игра на этих теневых особенностях и приносит скрытую власть над людьми. Ранние следы этого искусства, которое вполне можно назвать манипуляторским, мы обнаруживаем даже в библейских мифах.

Так, в мифе о грехопадении человека и последующем его изгнании из садов Эдема змей, оказавшийся “хитрее всех зверей”, явно владел подобным мастерством. Чаще всего в различных интерпретациях этого мифа действия змея остаются на заднем плане, а все внимание уделяется взаимоотношениям Евы и Адама с Богом. Сам акт грехопадения истолковывается при этом как результат нарушения божественного приказа, либо как свойственное человеческой природе стремление к познанию, либо, наконец, как первый шаг человека к свободе, к выбору собственных, уже не предписанных Богом, форм бытия. Однако представляется интересным и тот факт, что змей благодаря своей проницательности открыл первым людям глаза на такие стороны их существа, о которых они ранее и понятия не имели. Скрытое честолюбивое стремление к богоравности (“вы будете как боги”), дающей силу, могущество и бессмертие, сомнения в искренней любви к ним Бога и его правдивости (“Нет, не умрете”, – говорит змей, хотя Бог смертью заклинал не вкушать плодов с этого дерева), наконец, желание с легкостью, лишь отведав плода с дерева, достичь высшего знания добра и зла – эти тайные вожеления первых людей также сделали привлекательным нарушение Божьего запрета. В ко-

нечном итоге обещания змея оказались обманом, ибо желанной богоравности, бессмертия, высшего знания первые люди так и не достигли. Но вместе с тем спровоцированный змеем шаг как бы освободил их от власти Бога и отдал во власть их собственной, скрытой и греховной природы, что принесло Еве и Адаму страдания и смерть.

Примечательно, что и в Новом Завете описаны попытки дьявола воздействовать путем искушений и соблазнов на слабые и скрытые стороны человеческой натуры. Христос, постившийся в пустыне сорок дней и ночей, был голоден, когда дьявол предложил ему сделать камни хлебами, притворно усомнившись в чудодейственных способностях Сына Божьего. Но Христос ответил на этот лукавый вызов утверждением себя прежде всего в качестве духовного, а не телесного существа: “Не хлебом одним будет жить человек, но всяким словом, исходящим из уст Божиих”. Тогда дьявол попытался подтолкнуть Иисуса к тому, чтобы тот по собственной воле бросился с крыши храма, он цитирует место из Священного Писания, которое якобы гарантирует жизнь Христу, даже если он и совершит эту самоубийственную попытку: «...ибо написано: “Ангелам Своим заповедает о Тебе, и на руках понесут Тебя, да не преткнешься о камень ногою Твоею”». Однако Иисус, не поддавшись обману, построенному на выхватывании отдельных заповедей Писания, демонстрирует понимание более важных его требований: «...написано также: “не искушай Господа Бога твоего”». Наконец, дьявол предлагает Христу обрести, но ценой унижения перед ним, богатство, власть и славу: “Все это дам Тебе, если падши поклонись мне”. И здесь Христос избегает дьявольского искушения благодаря ясному пониманию своего высокого предназначения служить Богу. В отличие от Евы и Адама, Иисус устоял перед притязаниями дьявола сделать господствующей в нем теневую часть его существа. А тот факт, что она в нем была, не вызывает сомнений. В противном случае искушения Сатаны потеряли бы всякий смысл. Однако Христос демонстрирует способность обуздывать нужды своего тела (в частности, голод), не поддается тщеславному желанию

доказать дьяволу свое божественное происхождение. Кроме того, он избегает соблазна пустого, бессмысленного экспериментирования над собственной жизнью, отвергает суетное мирское стремление любой ценой обрести богатство, власть и славу. Иисус в испытаниях обнаруживает целостность, полноту и зрелость собственной личности, наделенной критическим разумом и ясным пониманием пагубной роли тех соблазнов и искушений, которые могут ее уничтожить. Он сохраняет верность своей индивидуальной миссии в мире.

Между тем в искушениях дьявола можно уловить характерные особенности. Во-первых, он дважды бросает вызов Христу как Сыну Божьему, но по сути искушения обращены к слабостям его человеческой природы. Во-вторых, он пытается сначала подвергнуть Христа физическому соблазну (утоление голода), затем сулит ему социальные блага (богатство, славу), а потом испытывает его разум – понимание не буквы, но духа Священного Писания. И, в-третьих, посредством искушений дьявол стремится навязать Христу свое господство и волю, но так, чтобы они стали желанными для него, выглядели в его глазах естественными проявлениями его собственного существа. Другими словами, он стремится дезинтегрировать целостную личность Христа с тем, чтобы одна из ее частей обрела иррациональное господство над всеми другими: чтобы Иисус, делая все как бы сам, себе, как говорится, не принадлежал.

Мы, по-видимому, не ошибемся, если скажем, что воздействие дьявола на человеческую личность вполне можно назвать манипуляторским. Суть его в данном случае в том, чтобы вызвать к жизни такую теневую проекцию Христа, которая бы сделала его личность расщепленной и неспособной к самодетерминации. Затем превратить эту проекцию в особую связь, устойчивые отношения с дьяволом, на основе которых в Христе мог родиться другой человек – одержимый телесными нуждами, а не духовными потребностями, упивающийся своим божественным происхождением и стремящийся к земной власти и богатству, но отвергнувший свою подлинную индивидуальность, данную ему Богом. Этот “другой человек” и должен был пода-

вить уникальные качества личности Христа и таким образом обеспечить господство дьявола над богочеловеком. Итак, древнее предание вплотную приближает нас к пониманию сущности манипуляций личностью.

Подчеркнем еще раз, манипулирование личностью осуществляется через тeneвую ее часть – в противном случае трудно объяснить латентность манипуляций. Стало быть, тень в актах манипулирования напоминает ось крутящегося волчка: не данная нам в конкретно-чувственной реальности, ось тем не менее концентрирует в себе энергию внешнего воздействия, и вращение волчка становится самостоятельным. Аналогично и субъекту манипуляции, овладевшему тeneвой частью ее объекта, удастся имитировать его сознательность, свободу, индивидуальность, ибо тень, несмотря на разотождествление и отчужденность, является все-таки собственной частью манипулируемого. Следовательно, она, даже находясь целиком под внешним влиянием, дает личности ощущение самостоятельности тех влечений, чувств и поступков, которые в действительности навязаны извне.

В свою очередь, это манипуляторское воздействие невозможно без наделения субъективной ценностью того индивидуально-личностного содержания – потребностей, интересов, восприятий и т. д., которое оказалось в тени, на периферии личности объекта манипуляции. Только став для него лично важным и ценным, это содержание может быть спроецировано им самим в свое сознание и деятельность либо в качестве проекта здоровой самореализации, либо в форме его иррационального переноса. Я хочу подчеркнуть, что манипуляции могут осуществляться как во благо, так и в ущерб человеку. Критерием различения служит целостность личности: происходит или интеграция индивидуально-теневого содержания в личность, его самопознание и присвоение, или дальнейшая дезинтеграция, отчуждение тени и в конечном итоге – замещение ею в качестве некоего другого подлинной личности человека. В обоих названных случаях энергия тени канализируется в нужном субъекту манипуляции направлении, однако в первом случае

манипуляция является помощью и благом для человека, а во втором она наносит его личности ущерб и потому неконструктивна и злокачественна.

Следует поэтому выделять два противоположных вида манипуляции человеком. Рациональная манипуляция построена чаще всего на власти авторитета, который предполагает превосходство субъекта манипуляции над ее объектом в силу его компетентности, высокой психологической культуры или как признанного, достойного подражания общечеловеческого образца. Иррациональная манипуляция направлена на такое использование и эксплуатацию теневой части личности, при которых последняя утрачивает объективность мышления, адекватность чувств, здоровый характер своих потребностей и в конечном итоге свое человеческое достоинство и самость.

Первый вид манипуляции неизбежно присутствует в тех отношениях, где есть объективное превосходство “ведущего” над “ведомым”: между родителями и ребенком, врачом и больным, компетентным руководителем и его сотрудником, между здравомыслящим политиком и управляемыми им людьми. Даже дружба и супружеская любовь невозможны без элементов здорового манипулирования, если партнеры искренне озабочены полным выявлением и развитием индивидуальности любимого человека. Объективными причинами существования этого вида манипуляций являются, во-первых, различная степень компетентности в чем-либо, уникальность человеческих индивидов и, стало быть, невозможность абсолютного взаимопонимания между людьми; во-вторых, наличие у людей теневой, периферийной, неосознанной части личности в качестве ресурса и потенциала их саморазвития. Если в указанных случаях отношения между людьми не отмечены взаимным антагонизмом интересов, то манипулирование постепенно изживает себя, ибо устраняется разрыв между властью рационального авторитета и подчинением ему. Особенно явственно это видно из отношений учителя и ученика, которые определяются общими целями. Учитель доволен, если ему удалось, обнаружив потенциал тени, развить ученика и поднять его до своего уровня. Если же этого не произошло, то страдают оба.

Разъясним это на классическом примере интеллектуального воспитания, продемонстрированном Сократом в диалоге Платона “Теэтет”. Напомню, что Сократ называл свой метод философствования *майевтикой* – повивальным искусством, побуждающим других с помощью наводящих вопросов самостоятельно искать истину. Благодаря этому искусству Сократ как бы разрешал своих собеседников от бремени скрытых интуиций, идей, мыслей, которые на поверку оказывались или ложными, или верными.

Диалог между Сократом и даровитым Теэтетом идет о сущности знания. Задав вопрос о том, что такое знание вообще, Сократ выясняет, что его молодой собеседник отождествляет человеческое знание с ощущениями¹³. Этот односторонний сенсуалистский вывод был сделан на основе математических аргументов и чувственных данных, приведенных в начале диалога самим Теэтетом. Однако Сократ умело обнаруживает алогичность неосознанно осуществленного учеником переноса его конкретных, чувственно достоверных знаний на сущность знания как такового и, как следствие, – иррациональную проекцию его непосредственных восприятий на объективный мир. Кроме того, он указывает Теэтету на неправомерность отождествления объекта знания с ним самим, что неизбежно приводит к скрытой подмене обсуждаемой проблемы совсем другой – о содержании знания – и в конечном итоге ведет к бессмысленным тавтологиям. Сократ открывает глаза Теэтету на скрытые огрехи его, казалось бы, логичных рассуждений, на те иррациональные подмены, ошибки, которые и толкают его к сомнительным утверждениям.

Надо при этом подчеркнуть, что обнаружение на протяжении всего диалога подмен, а именно: всеобщего знания – на частное, логики – на чувственные впечатления, реальности – на ощущения, индивидуальности вещи – на ее знак и имя, истины – на правильное мнение, точности анализа – на правдоподобие объяснений, было построено Сократом в духе повивального искусства. В диалоге он применяет множество приемов, мобилизующих интеллектуальную активность Теэтета, с целью

продемонстрировать ему ложность его интуиций о сущности знания и таким образом помочь Теэтету осознать ограниченность его познаний и научить отличать проекции чувств, мнений, считающихся правильными, от истины и реальности.

Так, Сократ доводит до логического абсурда сенсуалистский принцип познания – человек есть мера всех вещей, показывая его крайний субъективизм и беспомощность при выборе критериев различения устойчивого и текучего в мире, прерывного и непрерывного, бытия и небытия и в конечном счете – знания и незнания о чем-либо. А это означает, резюмирует Сократ, что невозможно провести различие между такими субъектами восприятия мира, как человек умный и глупый, здоровый и сумасшедший либо грезящий во сне. И в результате невозможно противопоставить человеческое знание “знанию” свиньи. Иронически имитируя рассуждения Протагора – автора указанного принципа, Сократ подчеркивает тот категориальный релятивизм, который обусловлен применением этого принципа, и, кроме того, указывает на вытекающее из его применения диалектическое превращение верной в принципе установки на относительность знания в нечто незыблемое и абсолютное, т. е. опровергающее самое себя и нелепо делающее “каждого обладателем самодовлеющего разума”¹⁴.

Сравнения, аналогии, ассоциации, используемые Сократом в вопросах, ставящих утверждения Теэтета в новые и разнообразные логические контексты, имеют целью обнаружить уязвимость его гносеологической позиции в целом, т. е. тот принципиальный разрыв между неверным сенсуалистско-эмпирическим пониманием истинного знания и его чрезвычайно трудно умопостигаемой действительностью. Правда, и сам диалог не дает окончательного ответа на первоначальный вопрос о сущности знания, но он, однако, ликвидирует мертворожденные представления Теэтета на его пути к истине.

В этом смысле сократовская майевтика в своей направленности на выявление скрытых интуиций, восприятий, взглядов содержит в себе и элементы манипуляторского искусства, ибо тонко сочетает извлечение глубоко скрытого в человеке истин-

ного знания с активизацией его собственного мышления для освобождения от бремени иллюзий и заблуждений, подспудно навешенных повседневно-эмпирической жизнью. Утверждения и формулировки собеседника Сократ расчленяет на маленькие звенья, на основе которых ставит все новые и новые вопросы, подразумевающие короткий, простой и заранее предсказуемый ответ. В сущности, это редуцированный и хорошо организованный диалог, позволяющий Сократу перехватывать инициативу и ненавязчиво господствовать над собеседником. “Клянусь Зевсом, – благодарит в заключение Сократа Тезет, испытав прилив новых сил в качестве познающего субъекта, – с твоей легкой руки я сказал больше, чем в себе носил”¹⁵.

И хотя логические манипуляции, сделавшие мышление Тезета более цельным и последовательным, были в основном заслугой Сократа, они только умножили способности ученика как субъекта познания. Ведь он с неутраченным чувством самостоятельности преодолевал препятствия в трудном поиске истины. Не случайно Сократ в конце диалога подчеркивает, что он свое повивальное искусство в отношении “благородных юношей” получил “в удел от Бога”¹⁶. Помогая рождению истины, он использует скрытые интеллектуально-волевые возможности учеников, чтобы вести их по пути обретения объективности и зрелости мышления, выявить и умножить их подспудные индивидуальные силы. В муках обретения учениками самих себя повивально-манипуляторское искусство Сократа играло, без всяких сомнений, рационально-позитивную роль, приводя к состоянию метанойи – изменению понимания своего собственного “я”, выработке нового знания о мире.

Второй вид манипуляций, обозначенный нами как иррациональный (и часто являющийся злокачественным), формирует из теневой части такую связь личности с миром, на основе которой может родиться чуждый личности некто другой. Эта модификация субъективности человека подавляет его подлинную индивидуальность. Содержанием другого при этом становится совокупность социальных качеств, обуславливающих разрушение целостности личности, распад ее на две или на несколько

частей, враждебных друг другу и находящихся в своеобразном клинче. Так, провокатор Карамора в одноименном рассказе М. Горького, ощущая в себе четыре отчужденные друг от друга части, называл свою личность “сворой собак”¹⁷. Кроме того, другой может наделяться иллюзорно-символическим существованием, но рассматриваться при этом как самостоятельный субъект, по праву командующий реальным индивидом. Это может быть религиозный идол, политический вождь или анонимная власть государства, партии, общественного мнения, которые скрыто управляют поведением и сознанием индивида. Другой здесь становится основой актов соотносительности личности с внешним миром, он практически опосредует ее жизнедеятельность, служит механизмом ложных идентификаций. Короче говоря, результатом манипуляций является генерализация форм существования другого и частичное или полное замещение им индивидуальной личности человека. Достигнув такого масштаба всеобщности в структуре его бытия, другой направляет его сознание и поведение, вкусы, взгляды, деятельность, но так, что человек принимает все это за свои собственные проявления.

Генерализованные формы другого в индивидах могут быть представлены “человеком организации”, “человеком толпы”, “конформистом”, “человеком-зомби”, “простым советским человеком”, “рыночной личностью” и т. д. Все они так или иначе программируют в соответствующих обстоятельствах жизнедеятельность людей. Следует, однако, заметить, что эти социальные типы возникают не только как итог манипуляций. Их существование в качестве социальной роли индивида обусловлено в первую очередь функционированием определенных общественных отношений. Однако без социально-политических манипуляций, являющихся деятельным ингредиентом этих отношений и тайно накапливающих в индивидах определенные социальные качества, появление данных типов в общественной жизни было бы невозможным. Другой – это эксплицированная в манипуляциях тень человека. Чтобы лучше уяснить данный момент, рассмотрим рождение в индивиде другого на примере человека толпы.

Все исследователи, занимавшиеся феноменом толпы – Тард, Лебон, Михайловский, Милльгрэм, Зимбардо, Ропин и др., отмечают серьезные трансформации в ней субъективности и поведения людей. В большей мере эти изменения удалось зафиксировать не в пассивной, а в активной толпе, имеющей сильно выраженный эмоциональный заряд агрессии, паники, стремления к стяжательству и грабежу или же демонстрирующей социальный протест. При этом данные трансформации связываются, как правило, с процессами унификации, господствующими в толпе и стирающими различия в образе жизни индивидов, в их повседневных занятиях, характерах и умственном развитии. Если в толпе эмоциональное довлечет над рациональным, то очень часто конкретный индивид “перестает быть самим собой и становится автоматом, у которого своей воли не существует”¹⁸. Его сознательная личность частично или полностью исчезает, ее заменяет “личность бессознательная”¹⁹.

Однако иррациональность сознания и поведения отдельного индивида в толпе проявляется не только в результате нивелирования его индивидуальности. Дело в том, что очень часто у людей в толпе обнаруживаются такие качества, которые были глубоко скрыты и не характерны для них в обычной жизни. Как изолированное существо, индивид может быть вполне культурным человеком. Но в толпе он рискует превратиться в варвара, склонного к произволу, буйству, свирепости, в дикаря, действующего исключительно под влиянием своих инстинктов.

И вместе с тем трансформация духовного облика индивида в толпе не ограничивается снижением его интеллектуального уровня и актуализацией теневых качеств его личности. Исследователи отмечают, что индивид в толпе приобретает и такие черты, которые вообще не были ему свойственны. Например, участие в скоплении большого числа людей рождает у отдельного индивида сознание своего могущества и непобедимости. “В толпе дурак, невежда и завистник освобождаются от сознания своего ничтожества и бессилия, заменяющегося у них сознанием грубой силы, преходящей, но безмерной”²⁰. Кроме того, анонимность действий индивида в толпе сопряжена с

исчезновением чувства личной ответственности, ибо он вполне резонно полагает, что результаты его действий относятся к толпе, а не к нему персонально. Поэтому, как показали исследования Аша и Милгрэма по групповой конформности, люди, испытываемые собственной безответственностью, способны на крайне жестокие действия²¹. Более того, в толпе они становятся чрезвычайно нетерпимыми, раздражительными, неспособными что-либо обдумывать, склонными к гипертрофированной чувствительности и одностороннему восприятию событий. Очень часто у человека в толпе возникает стремление к немедленным и широким обобщениям случайных фактов и к грубому, поверхностному объединению разнородных вещей, имеющих лишь кажущееся отношение друг к другу²². Эти и многие другие качества (непоколебимая вера, одухотворенность, героизм, легковерность, вандализм), отмеченные исследователями, вряд ли в своей совокупности присущи индивидам как изолированным существам, а являются скорее результатом их преходящего взаимодействия. Они возникают и под влиянием социально-психологических механизмов заражения, подражания, внушения.

Заражение имеет своим объектом преимущественно чувства, душевные состояния людей, оно делает их подверженными определенному психическому настрою. Как полагает Ф. Олпорт, заражение в толпе приобретает характер “кольцевой реакции”, когда индивид, стимулируя своими действиями других, в свою очередь возбуждается от их реакции до еще более высокого уровня активности²³.

Внушение, импульс которого часто исходит от лидеров толпы, воздействует прежде всего на мышление, разум индивидов, и в результате они утрачивают способность критически мыслить, смешивают субъективное и объективное, готовы принять любые идеи, слухи, образы и понятия за истину и реальность. Под влиянием внушения они могут также совершать поступки, которые находятся в полном противоречии с их повседневными привычками, характером и сознанием.

Наконец, подражание, которое, по оценке Н. К. Михайловского, состоит “в близком родстве со слепым повиновением”²⁴

принуждает индивида воспроизводить в толпе такие образцы поведения, которые часто лишь увеличивают степень подавленности его сознания и вызывают состояние самоотчужденности. Итак, подражание, внушение, заражение создают иррациональную власть толпы над отдельными индивидами. В совокупности они навязывают индивидам роль “человека толпы”, т. е. замещают их отдельную, сознательную и ответственную личность другим субъектом, личностью бессознательной, которая активно действует под влиянием драматической иллюзии, считая, что выступает от собственного имени. Эта в значительной степени ложная субъективная уверенность людей в толпе в идентичности своего “я” зиждется, впрочем, на том обстоятельстве, что в подмене их личности действительно задействованы их собственные, скрытые до поры до времени качества, включенные в “коллективную душу” толпы и преобразованные в ней. Эти латентные свойства в результате раскрепощающей проекции, трансформации во взаимных действиях индивидов и обратного отражения в каждом из них порождают у индивидов иллюзию их самотождественности как субъектов мышления, чувствования и поведения. Жажда действия, стремительность поступков людей в организованной толпе не оставляют сомнений, что эта новая субъектность есть некто интернализированный другой, кто и определяет на данный момент духовный облик и поведение индивидов.

Между тем другой является очевидным транссубъективным образованием, превращающим отдельных индивидов в объект тотального воздействия толпы. Другой подменяет их собственное “я” фиктивным, иллюзорным самоудостоверением. Кроме того, другой скрыто-принудительным образом направляет активность индивидов в толпе, имитируя, однако, подлинность проявления их собственной личности.

Эдгар По в новелле “Человек толпы” точно воспроизвел образ порочного и опустошенного жизнью старика, для которого имитация активности и полнокровности его личности стала возможна лишь в уличном многолюдье Лондона. В толпе он

оживал в качестве другого человека, и эта отрешенность от своего действительного “я”, ставшего заложником совершенных им ранее злодеяний, позволяла ему ощутить недоступные наедине с собой чувства. Его жизнь наполнялась смыслом лишь через обретение им в уличной толчее иного, иллюзорного “я” – человека толпы²⁵.

Итак, взаимодействие толпы и составляющих ее индивидов вполне можно представить в качестве микромоделей, в которой явственно проступают этапы генерализации чуждого другого в человеческой личности. Во-первых, мы наблюдаем здесь в миниатюре очевидное проявление социального редукционизма – стихийную сведенность индивидуальных качеств людей к общим формам их взаимодействия. Эти формы, обеспечивающие единство толпы, обозначаются исследователями как “коллективная душа”, “единый дух” толпы, “одинаковость направления идей и поступков”, при которой “разнородное утопает в однородном” и т. п. Такие факторы толпы, как ее численность, организованность, наличие лидеров, также являются проводниками редукционистского влияния на индивидов.

Во-вторых, действие редукции полагает анонимность индивидов в толпе, т. е. их интеллектуально-волевое разотождествление и дезинтеграцию с собой, утрату ответственности, отдельности, а часто и ощущения реальности, без которых их повседневное существование невыносимо. В отдельных случаях с индивидов вообще слетает культурная оболочка, и люди регрессируют к крайне упрощенным, бессознательно-архаичным формам чувствования, мышления, поведения.

В-третьих, подавление сознательной личности в толпе сочетается, как и следовало ожидать, с освобождением и взаимной проекцией многообразной гаммы теневых человеческих качеств – подспудных ощущений ничтожности, обиды, бессилия, глупости, невежества, зависти и др., которые в результате взаимодействия превращаются в некоего другого – героического, свирепого, фанатичного, одухотворенного, легковверного, жестокого и пр., в того, кто предопределяет духовный облик и поведение индивидов в толпе, будучи на данный момент субъектом их индивидуальной личности.

Это замещение (субституция) субъекта в индивидах становится сверхкомпенсацией редуцированности, разотождествления, расщепленности их личности в толпе. Новый субъект возникает и в результате проявления их теневых структур, превратившихся в особые деятельно-устойчивые связи с внешним миром. Таким образом, другой в индивидах обнаруживает следующие качества: 1) инакость, выражающуюся в проявлении подлинного “я” индивидов, 2) транссубъективность в качестве надындивидуальной связи людей, 3) имитаторскую сущность, ибо человек в толпе совершенно искренне принимает себя за нечто другое, нежели он есть, и действует по законам этого другого, 4) способность подавлять подлинную индивидуальность человека, 5) сверхкомпенсаторный характер, благодаря которому слабость, ничтожность, бессилие индивидов превращаются в их иллюзорную мощь и силу. На последнем обстоятельстве и зиждется для многих привлекательность толпы как социального образования.

Подчеркнем, что появление в субъективности индивидов в качестве организующего начала другого субъекта носит в толпе, как правило, ситуативный характер. Распад толпы или выход из нее индивидов сопряжен с регенерацией их прежнего духовно-психологического облика. Однако в случае, когда другой занимает место субъекта в индивиде на длительное время, происходит вырождение или перерождение его личности.

Наиболее отчетливо связь манипулирования с перерождением личности, опосредованная актуализацией ее тени, прослеживается в трансформации ее потребностей. Потребности являются наиболее глубокой мотивацией индивидуальной жизнедеятельности людей, и в современном потребительском обществе, в которое вступает Россия, манипуляции ими приводят к рождению особого типа личности. Однако, чтобы обнаружить эти превращения, нам следует разделить человеческие потребности на: а) экзистенциальные, устойчивые при любой социальной организации общества, но способные к изменению своей формы и направленности под влиянием конкретных условий. Таковы потребности в пище, безопасности, продолже-

нии рода, жилище, одежде и т. п. Сюда же относятся потребности в познании, общении, свободе и творчестве, в наличии смыслов жизнедеятельности и др., которые составляют духовную основу человеческого существования; б) исторические, относительные потребности, складывающиеся под влиянием конкретного общества. Таковы потребности в определенных вещах или, например, стремление к экономической эффективности, сформированное капиталистическим обществом, потребность в индивидуальном самовыражении, характерная для поздних этапов цивилизации, а также потребность тесной связи с религиозным идолом, политическим вождем, наблюдаемая в теократическом и тоталитарном обществах. Нужно подчеркнуть, что экзистенциальные и исторические потребности связаны подчас между собой как основные потребности и потребности, индуцированные данным обществом, т. е. последние являются социально-историческим развитием первых. К индуцированным потребностям примыкают в) внушенные (другими людьми, модой, рекламой, средствами массовой информации) потребности.

“Люди, – писал А. Холл, – обладают колоссальной способностью к приобретению потребностей”²⁶. Эта способность является свидетельством универсальной пластичности социальной природы человеческих индивидов, связана с необходимостью обновления их привычной жизни, с трансценденцией за пределы сложившихся интересов к новым целям и перспективам существования. Тем более что современное производство предлагает индивиду большое, текучее и красочное многообразие образцов человеческих потребностей, а также средств и способов их удовлетворения. Соответственно, возникает проблема наличия высокой индивидуальной избирательности в присвоении тех или иных потребностей, а этот выбор связан, в свою очередь, с культурой индивидов. Однако производители массовых товаров в силу необходимости роста производства часто не заинтересованы в культивировании этой избирательности, ибо она грозит снижением их доходов, падением ценности и пресечения потребительского образа жизни. Поэтому они обрушивают

на общество разнообразные средства, используют пропаганду, рекламу, научные достижения, чтобы заглушить в индивидах понимание того, какие потребности для них свои, естественные и потому необходимые, а какие являются навязанными, искусственными, чуждыми им как индивидуальным существам. Другими словами, объектом этого воздействия является способность индивидов к рефлексии и саморазличению, к свободному выбору и определению таких потребностей, удовлетворение которых обеспечивает полноценность и целостность материальной и духовной жизни индивида. Утрата данной способности сочетается с присвоением таких влечений, которые субъективно ощущаются как неотложные, хотя объективно они могут быть просто внушенными, навязанными случайными обстоятельствами.

На факте неотложности потребностей, присвоенных индивидами и субъективно ощущаемых ими как нужда в чем-либо, и строятся манипуляции личностью в области потребительских пристрастий. При этом грань между рациональным и иррациональным манипулированием потребностями весьма тонкая, но вместе с тем она вполне определенная, ибо затрагивает целостность личности индивидов, сбалансированность их разнообразных духовных и практических нужд.

Так, в свое время фирма "Эппл компьютерз" уловила индивидуальную потребность людей в электронных играх. И, начав удовлетворять ее, вышла на идею современного персонального компьютера, сочетающего практическую полезность с игрой, развлечением. Этот пример свидетельствует о том, как можно расширять потребности и насыщать их новым духовно-интеллектуальным содержанием. Следствием создания персонального компьютера явилось широкое применение компьютеров в индивидуальном труде, в быту, в организации личной и общественной жизни.

Однако нередко идеология маркетинга, рекламная деятельность фирм направлены на установление в сознании потребителя сомнительной ассоциативной связи между его фундаментальными и текущими потребностями, между материальными и

духовными нуждами. В этом случае пропагандируется уже не просто новый автомобиль, а приобретаемая с его покупкой “позитивная философия жизни”; не мыло, новая рубашка или косметика, а “кардинальные перемены Вашей судьбы”; не полуфабрикаты различных продуктов питания, а “взрыв творческой энергии хозяек”; не страховой полис, а “ощущение вечности”...

Здесь налицо лукавая попытка свести высшие духовные потребности индивидов в творчестве, самовыражении, в приобщении к нетленному и т. д. – к конкретным, текущим нуждам, так объективировать эти потребности, чтобы овеществить их и, следовательно, получить возможность неявно управлять их носителями.

В самом деле, ведь очевидно, что выработка “позитивной жизненной философии” достигается только ценой собственных духовных усилий индивида и покупка новых моделей автомобилей будет скорее препятствовать, нежели способствовать этому процессу. Не исключено, что и страховой полис может подарить индивиду ощущение вечности, но оно будет мимолетным. Опыт подсказывает, что это ощущение дарит скорее приобщение личности к культуре, искусству и религии, нежели ее связь со страховой компанией. Точно так же и приготовление из полуфабрикатов домашней пищи может, конечно, дать какое-то удовлетворение, однако подлинный выход творческой энергии сопряжен, как известно, с напряженными, подчас изнурительными усилиями людей по созданию духовных и материальных ценностей.

Стало быть, подобная пропаганда конкретных вещей как безусловных и высших ценностей есть редукция устойчивых, свойственных духовной природе человека потребностей к его конкретным материальным нуждам. Если же эта умышленная редукция, овеществляющая духовные потребности людей, затронула их субъективность, более того – стала мировоззренческим кредо, то в этом случае индивиды попадают в плен паллиатива – иллюзии полноты реализации их духовных нужд. На основе укоренения в образе жизни этой паллиативной формы

удовлетворения потребностей и рождается широко распространенный в современном обществе тип человека – Homo konsumens. Его чертами являются желание работать больше, но ради возрастающей интенсивности и качества потребления; приобретать товаров больше, чем объективно необходимо; статусно-символический характер использования вещей, которые становятся для этого типа людей не столько конкретными предметами, сколько знаками, расширяющими границы их социальной значимости и авторитета; сменяемость и новизна вещей служат для них императивом, ибо прежние приобретения быстро утрачивают роль стимулов их жизненной активности.

Разумеется, данные черты и, соответственно, консьюмеризм как образ жизни укрепляют статус-кво индустриально-потребительского общества, и в этом, очевидно, их оправдание. Однако очень часто названные черты маскируют неразвитость или отсутствие подлинной духовной жизни. Хотя, как мы видели, рекламные образцы псевдодуховных ориентаций способны “притворяться” и подражать ей. Выступая неким ее подобием, санкционированным обществом заменителем и компенсатором, эти образцы удовлетворения потребностей замещают экзистенциальную духовность человека, обещая якобы полнокровность его индивидуальной жизни.

Имитации полноты духовной жизни людей можно еще более отчетливо увидеть в игре на стереотипах их сознания при помощи целенаправленно внедряемых в него имиджей.

Стереотипы трактуются подчас как некие духовные стандарты, принудительно навязанные индивиду массовым сознанием, пропагандой и идеологией конкретного общества, его институтов. Такая интерпретация стереотипов восходит, в частности, к традиции, заложенной Ф. Бэконом в теории “идолов” человеческого познания. В нашем веке она была продолжена американским исследователем У. Липпманом, описавшим стереотип как “предвзятое мнение”, управляющее процессом индивидуального восприятия мира, унифицирующее и схематизирующее мышление индивида. И вместе с тем у Липпмана уже

можно обнаружить разграничение предрассудков и предубеждений, с одной стороны, и стереотипов – с другой, ибо он сопрягал последние с инстинктами людей, их жизненными интересами. Тем самым Липпман фактически указывал на объективную необходимость наличия в сознании индивида стереотипов, позволяющих ему ориентироваться в условиях дефицита, искаженности либо избыточности разнообразной социальной информации.

Другими словами, стереотип, несмотря на свой схематизм и упрощенность, имеет для индивида субъективную ценность, ибо репрезентирует константные потребности, интересы в его сознании и деятельности, является мыслительно-оценочным средством его приспособления к изменчивой социальной реальности. Следовательно, можно сказать, что индивиды имеют постоянную нужду в определенных практических, культурных, смысловых стереотипах, позволяющих им ориентироваться в новых социальных условиях, адаптировать свои устойчивые и разнообразные потребности к быстро меняющейся действительности (и, в частности, в новом отыскивать старое, посредством стереотипов связывая их в своем сознании и деятельности).

В стереотипах как в устойчивых, эмоционально окрашенных установках сознания воплощается индивидуальный опыт реализации тех или иных потребностей. Этот опыт в них нормативно обобщается и обуславливает доведенные подчас до автоматизма реакции людей на необходимость в неотложном удовлетворении каких-либо влечений. При этом в стереотипе образ собственной потребности совмещен у индивида с конкретной социальной формой и средствами ее удовлетворения, и это слияние происходит в результате практических актов реализации стремлений индивида. Стало быть, в стереотипах как в проводниках нужд, влечений индивидов к их сознанию и внешней реальности, к конкретным социокультурным формам и средствам их удовлетворения специфическим образом может выражаться и самость индивидов, ядро их коренных индивидуальных интенций. Стереотип имеет для них прежде всего ин-

струментальное значение, является способом восприятия, понимания индивидом самого себя с целью адекватной реализации жизненных устремлений. В том случае, когда социальная реальность кардинально переменилась, но индивид упорствует в навязывании ей старого способа удовлетворения своих потребностей, в отстаивании прежнего взгляда на нее, можно говорить о превращении его стереотипов в предрассудки и предубеждения. Отсюда и берет свое начало научное представление, отождествляющее стереотипы сознания с предубеждениями и предрассудками и потому однозначно негативно оценивающее роль стереотипов в индивидуальном сознании. И вместе с тем в этом подходе верно подмечен нерациональный характер большинства стереотипов, порождающий стихийный консерватизм сознания индивидов, их фетишистское отношение к объектам внешнего мира.

Таким образом, индивид неизбежно сам участвует в формировании в своем сознании и деятельности стереотипов, которые представляют собой обобщенный результат понимания и оценки своих влечений, мотивов, интересов – результат, откорректированный, как усвоением опыта других людей, традиций, так и массовым, обыденным сознанием, существенно влияющим на формирование стереотипов отдельной личности.

Конечно, большинство людей аналитически не соотносит стереотипы с собственными потребностями, а усваивает их почти готовыми через систему воспитания и образования, в процессе социального общения, через средства массовой информации и т. д. Однако этот факт не должен скрывать от нас то обстоятельство, что стереотипы действительно соответствуют индивидуальным ожиданиям и устремлениям людей и, в частности, служат репрезентантами их сознания и деятельности.

Итак, мы можем зафиксировать специфическую потребность индивидов в определенных психических, мыслительных и поведенческих стереотипах, позволяющих им сохранить свою идентичность в условиях меняющейся социальной реальности. Благодаря оценочной функции, а также способности обобщать,

стереотипы могут являться основанием для сознательного строительства устойчивых духовно-практических отношений с бесконечно разнообразным окружающим миром. Кроме того, стереотипы, в силу естественной ограниченности индивидуального опыта, выполняют в познавательном плане роль системы допущений, т. е. аксиоматики мышления, а также механизмов психологической защиты в экстремальных жизненных ситуациях. Здесь они, в частности, и обнаруживают себя как предрассудки.

Следует, однако, заметить, что сложившиеся стереотипы из-за своей упрощенности, консерватизма и обобщенности не могут все-таки служить всеобъемлющим средством ориентации индивидов, ибо меняющаяся социальная реальность требует их аналитической оценки. Реакцией на эту необходимость было рождение в самых разнообразных сферах социальной деятельности – в бизнесе, политике, пропаганде – “индустрии” производства образов, призванных оперативно откликаться на ожидания людей в непрестанно меняющейся ситуации в обществе, его экономической, политической и культурной областях. В современной англо-американской литературе, посвященной проблемам социологии, психологии, рекламы и пропаганды, эти образы получили название имиджей (от английского image – образ, подобие).

Истоки научных представлений об имидже можно обнаружить в работах Лебона, который характеризует его как “обаяние” определенных идей, предметов и людей. “Обаяние – это род господства какой-нибудь идеи или какого-нибудь дела над умом индивида... – отмечает он, – главное свойство обаяния заключается в том, что оно не допускает видеть предметы в их настоящем виде и парализует всякие суждения”²⁷. К слову сказать, З. Фрейд отмечал верность лебоновских характеристик обаяния (называя его “престижем”) и подчеркивал, что “оно зависит однако от успеха и теряется после неудач”²⁸.

Стало быть, в отличие от обобщенного стереотипа, имидж конкретен, он различает предметы и явления, образом которых становится. При этом имидж подчеркивает, а иногда преувеличивает их ценность, практически полезные, эстетические, дру-

гие социально значимые качества и отражает их в идеализированной форме. Причем он подчас наделяет предмет привлекательными (или негативными) свойствами, лежащими за пределами реальности и возможности их опытной проверки. Однако это преувеличение обаяния (отталкивающих характеристик) предмета в мастерски созданных имиджах балансируется таким сравнением или ассоциацией, которые делают восприятие имиджа отвечающим здравому смыслу. Кроме того, имидж существует как публичный факт, как феномен массового сознания, благодаря чему он обладает внушающим влиянием и на индивидуальное сознание. Имидж, существующий независимо от своего предмета, можно в силу указанного выше “разрыва в достоверности” произвольно изменять, улучшая или ухудшая его, в то время как сам предмет может оставаться неизменным. Имидж, как словесный, так и изобразительный, всегда эмоционально окрашен, апеллирует не только к мышлению индивида, но и к его чувствам и воле. Исследователи выделяют в нем “сознательную” и “бессознательную” части, ибо под влиянием имиджа люди могут совершать поступки, которые адекватно объяснить не могут. Разумеется, имидж упрощен по сравнению с предметом, но он оставляет простор для воображения, фантазии, домысливания воспринимающим его человеком. Благодаря этому свойству имиджа человек является как бы его соавтором, воспринимает его и как продукт собственного творчества, а следовательно, как верное отражение действительности²⁹.

Важнейшим механизмом в создании имиджа являются ассоциации (по смежности, сходству или контрасту), планирование которых становится искусством для тех, кто сознательно внедряет имиджи в массовое и индивидуальное сознание. Эффективность влияния этих ассоциаций, глубина их смыслового воздействия на сознание и поведение индивидов тесно связаны с их новизной, неожиданностью, т. е. с коррекцией, изменением или даже разрушением сложившихся стереотипов.

Возможности, скрытые во взаимосвязи стереотипов и имиджей, используются, например, в политической борьбе, где противники, стремясь обрести поддержку избирателей, навешивают

вают друг на друга ярлыки. Так, в России силы, именующие себя демократами, на впервые проводимых выборах в Федеральное собрание старались представить избирателям бывшую коммунистическую номенклатуру и национал-патриотов как “красно-коричневых”. Ассоциация, объединяющая “красных”, под властью которых советский человек находился в течение десятилетий, с “коричневыми” – фашистами и неонацистами, обладает эффектом контраста и новизны. Опираясь на прежний опыт людей и, соответственно, на сложившийся стереотип, она наделяет определенные слои и выражающие их интересы политические партии резко негативной и неожиданной смысловой окраской. Если такая идентификация коммунистов-националистов с фашистами состоялась в сознании рядового избирателя, то она гарантирует его отрицательное отношение ко всем тем, с кем он свяжет имидж красно-коричневых. А неожиданная ассоциация по сходству принудит объект пропагандистского воздействия персонифицировать в стереотипном образе коммунистов еще и нацистов, что, разумеется, с позиций здравого смысла является явной натяжкой.

В свою очередь, бывшие коммунистические лидеры именуют активистов демократического движения “агентами влияния”, рассчитывая, по-видимому, реанимировать и обновить в сознании населения полузабытые отрицательные стереотипы (“агент ЦРУ”, “агент КГБ”). Образ “агента влияния” предполагает распространение демократами в России идеологии и практики западных капиталистических обществ, что будто бы выгодно зарубежным “хозяевам” этих агентов, но враждебно российской культуре, образу жизни, исконно русским традициям. Характеристики “агентов влияния”, под которые коммунистической прессой подверстаны руководители нынешней России, провоцируют резко враждебное отношение населения к реформам, в результате которых страна якобы утратит статус великой державы и станет колонией.

Мы видим, как на новом витке политической борьбы оба ярлыка-имиджа, опираясь на прежний опыт людей, реанимируют в их сознании истершиеся стереотипы. Они рассчитаны и

на подсознание избирателей, призванных сделать социально-политический выбор, определяющий перспективы развития России. Однако альтернатива этого выбора, представленная в обоих имиджах, такова, что в одном случае гражданин России должен поддерживать чуть ли не фашистов, а в другом – отдать свой голос людям, враждебно относящимся к культурным традициям и национально-историческому своеобразию России да к тому же превращающим ее в объект эксплуатации западных стран.

Иными словами, формируемые таким образом приоритеты создают иллюзию выбора и фактически его отрицают. Они подменяют свободный выбор скрытым духовным подчинением рядового гражданина воле одной из политических группировок. Созданная данными имиджами иллюзия выбора, ложно репрезентирующая в сознании людей стремление к гражданскому самоопределению, лишь маскирует желание этих группировок проникнуть в личность избирателя “с черного хода” и возбудить его неприязнь, страх и ненависть к своим политическим противникам.

Мы вновь сталкиваемся с механизмом иррационального манипулирования личностью (в данном случае – избирателя), складывающимся стихийно в ходе политической борьбы. Дело в том, что качества каждой из враждебных политических сил (об имиджах которых говорилось выше) диалектически содержатся в противоборствующей стороне и связаны со взаимным, полным и деструктивным отрицанием друг друга. (Думается, что это и предопределило в какой-то мере неожиданный успех на выборах третьей силы – либерально-демократической партии В. Жириновского.) Эта схожесть политических соперников обнаружилась и в том, что их пропагандистские клише весьма напоминали насылаемые друг на друга магические заклятия. Они были рассчитаны на оживление архаичных стереотипов (нацистов, агентов ЦРУ, КГБ) и их иррациональную проекцию в сознании массового избирателя на новые, представленные в имиджах-ярлыках политические фигуры. Если же мы учтем весь известный контекст этой пропагандистской войны за

влияние на политические ориентации электората, то без особого преувеличения сможем сказать, что она провоцировала в людях регенерацию черт тоталитарного индивида – неспособность к разумному социально-политическому выбору, всепоглощающее стремление к власти, когнитивный примитивизм, манихейскую ментальность и т. д. Если бы обоим политическим силам удалось оживить этот реликтовый тип человека, который по замыслу и должен был определить поведение населения на выборах, то, по-видимому, сверхзадачу формирования имиджа противника можно было бы считать выполненной.

Подведем некоторые итоги наших размышлений. Стало очевидным, что манипулирование является не только категорией психологии и этологии. Проблема социальных, в особенности политико-идеологических манипуляций, как выяснилось, обладает и философским статусом. Стало быть, эту проблему следует отнести к разряду вечных, родовых и универсальных, т. е. охватывающих все социально значимые стороны индивидуальной жизни человека. Отсюда следует, что она имеет исторический, политический, экономический, идеологический, педагогический, религиозный, психологический, культурологический, медицинский аспекты и должна серьезным образом изучаться в соответствующих науках.

Обострение проблемы социальных манипуляций в преддверии третьего тысячелетия связано с тем фундаментальным обстоятельством, что устойчивое прогрессивное развитие современных обществ, человечества в целом становится все менее возможным вне полноценной эмансипации человеческой личности. Свобода и подлинность ее самореализации, развитие индивидуальных продуктивных способностей, опора на ее разумность, образованность и культуру превращаются в зримую внутреннюю пружину движения мировой цивилизации, без учета которой современные глобальные стратегии развития обречены на очевидную неудачу.

Демократия во всем мире активно вытесняет из общественной жизни архаичные формы угнетения и насилия – государственную деспотию, тиранию, тоталитарные режимы, принуж-

дая извечное человеческое стремление к власти и господству приспосабливаться к новым веяниям и искать для себя скрытые, невидимые лакуны, чтобы по-прежнему сохраняться в механизме “обработки людей людьми”.

Существовавшие на протяжении всей истории стихийные или целенаправленные социально-политические манипуляции представляют собой общечеловеческий опыт созидания, сохранения и реализации теневой власти, которая, будучи латентной, становится эффективным механизмом социальной регуляции. Но она не только является благом, но и может нанести сознанию, психике, индивидуальной жизни людей трудновосполнимый ущерб.

Как выявлено в нашем исследовании, источники этой власти следует искать в объективном и драматическом разрыве между необходимостью нормального и эффективного функционирования конкретных обществ и потребностью в полном индивидуально-личностном развитии человека. На уровне индивидуальности этот разрыв актуализируется и воспроизводится посредством такой формы социализации индивидов, как социальный редукционизм. При этом, думаю, следует различать редукцию как нормальный способ сведения и интеграции индивида в социум, обеспечивающий выделение (абстрагирование) у него таких свойств и качеств, которые позволяют ему участвовать в надличностном общении и взаимодействии, и редукционизм как социально-политические тенденции и механизмы сведения индивидуальных качеств людей к господствующим стандартам, практическим абстракциям (реификация, массовизация, коллективистское закрепощение и т. д.), которые превращают разрыв общественных и личностных интересов в острую проблему бытия индивидов. Будучи носителем данного разрыва, редукционизм обнаруживает себя в феномене нецелостности, расщепленности человеческой личности. Он становится иррациональной и авторитарной экспансией социальности в индивидуальность и уникальность человеческих индивидов, что впервые убедительно показано гуманистическим психоанализом (Э. Фромм, К. Хорни, А. Маслоу и др.). Таким

образом, редукционизм обеспечивает параллелизм, структурное сходство (гомологию) и совпадение движения и функционирования социальной системы и соответствующих изменений в индивидуальных качествах и духовном мире личности. Интегрируя индивидов в конкретное общество, редукционизм чреват, следовательно, отрицательной включенностью людей в социальную и политическую практику – их деиндивидуализацией, превращением в социальных функционеров, в людей-марионеток.

Со всей остротой и очевидностью проблема редукционизма встала в XX веке в связи с возникновением и достаточно длительным функционированием тоталитарных обществ. Этому содействовало также бурное развитие массовых коммуникаций и индустриальных технологий, под влиянием которых продуктивные способности и целостность личности индивидов нередко подвергались диссоциации и расщеплению. А та часть их индивидуальности, которая не была востребована данной социальной системой и ее культурой, не находила адекватного проявления и применения в жизни, загонялась на периферию и как бы вычиталась из личности, образуя ее теневую структуру (тень).

Итак, редукционизм есть частичное сведение многообразия индивидуальностей людей к господствующим социальным стандартам путем подавления и вытеснения их определенных качеств в тень. Стало быть, тень – та цена, которую платит индивид за возможность жизни в наличном обществе. Являясь отвергнутой частью личности, вторым и скрытым “я” индивида, тень есть результат противоборства неизбежной интенции человека к полнокровной жизни и иррационального доминирования над ним данного общества.

По всей вероятности, наличие тени в человеке отражает и всеобщие закономерности мира, космоса, где всегда есть свет и тьма, жизнь и смерть, день и ночь, организация и хаос, развитие и распад и т. п., которые неизбежно накладывают свой отпечаток и на систему человеческих отношений. Тень представляет собой особую, многомерную и невидимую связь человека с собой и обществом, которая является своеобразным фо-

ном (пустотой) в структуре его экономических, политических, религиозных, семейных и т. д. отношений с миром. Кроме этого, становясь отчужденной проекцией редуцированных индивидуальных качеств во внеличностное пространство, тень открывает человека такому внешнему воздействию, которое может осуществляться скрыто, помимо его воли и сознания. Эта распахнутость личности через тень миру может нам объяснить, почему человек принимает воспроизводство искусственно навязанных социальных стандартов за подлинность собственной самореализации. Иными словами, когда внешнее воздействие затенено так, что выглядит как императивы собственных потребностей, чувств, сознания людей, когда они убеждены, что действуют по собственной воле, выступают от своего “я” – тогда мы вправе говорить о манипуляции их личностью.

Таким образом, манипуляцию личностью мы можем определить как имитацию ее индивидуальной субъектности путем тайной регуляции и управления ее духовным миром, поведением за фасадом ее мнимой свободы, сознательности и индивидуальности. С помощью “невидимой руки” манипуляций достигается диалектическое тождество, неравновесная устойчивость (включающая противоречие, разрыв) субъекта и объекта в личности человека: являясь носителем привнесенного извне (объектом), он ощущает себя хозяином и автором (субъектом) своих стремлений, чувств и поступков.

Диапазон манипуляций простирается, следовательно, от отдельных, ситуативных и кратковременных иллюзий, убеждающих человека в том, что он является субъектом (человек толпы), до замещения личности индивида другим (субституция). Другой – эксплицированная посредством манипуляций тень человека, которая определяет его устойчивые, зримые и персонифицированные отношения с миром. Культивирование в личности другого, который отныне будет сам управлять ей и регулировать ее жизнедеятельность, и составляет финальный итог манипуляций человеком. В другом, следовательно, воплощаются и персонифицируются два взаимосвязанных процесса: редукция и имитация субъектности индивида.

Отсюда понятно, что другой не может быть механически навязан личности внешними условиями жизни, как это утверждается, например, в бихевиоризме. Его появление сопряжено и с извлечением на свет таких качеств индивида, которые были не мобилизованы и скрыты в теневой структуре его бытия. Вне обнаружения в себе другого, вообще говоря, невозможны самопознание и самоизменение. Манипуляции “встраиваются” в это извечное стремление человека к осознанию своего “я”, его возможностей, они опосредуют связь конкретной личности с собой как с другим. В зависимости от меры в соотношении внешнего подспудного влияния и самодеятельности индивидов манипуляции имеют различные модусы.

Рациональный модус манипуляций строится на преобладании субъект-субъектного взаимодействия, хотя и предполагает скрытое умножение, усиление воли, сознательности мышления редуцированного индивида за счет извлечения из его индивидуальной тени другого и интеграции его в органическую целостность личности. Это высвобождение подлинной индивидуальности человека идет через метанойю – ряд интеллектуальных, эмоциональных, нравственных инсайтов, но вместе с тем оно не покушается на его самодеятельность и достоинство. В качестве вспомогательных и дополнительных элементов такие манипуляции могут быть включены в образование, воспитание, лечение (майевтика Сократа, экзистенциальная психология В. Франкла, гештальттерапия Ф. Перзла). В конечном итоге они помогают личности обрести себя – ликвидировать антагонистическую раздвоенность, расширить свое сознание, укрепить духовные силы, повысить творческую продуктивность. Не исключено, что при этом человек будет испытывать боль и страдания, сопровождающие рождение подлинной личности.

Эффективность разумной политики, направленной на ликвидацию разрывов между объективными требованиями нормального функционирования социума и реализацией индивидуальных сил людей, также невозможна без элементов манипулирования. Поэтому теневая политическая власть, способствуя высвобождению назревших потребностей людей, реализации их

коренных жизненных интересов, должна соотнобразовываться с исторически сложившейся ментальностью, традициями, национальным характером и т. д.

Однако, к сожалению, гораздо чаще разрыв между властью политической элиты, бюрократии, институтов государства и массами реализуется в политике “кнута и пряника”, “страха и надежды”, “угроз и посулов”, т. е. в таких социально-политических манипуляциях, которые культивируют зависимость, ушербность и бессилие человека и строятся в субъективном плане на принципе “разделяй и властвуй” (на диссоциации личности и управлении ею через тень). Так, в тоталитарном обществе иррациональный модус манипуляций простирался от грубо-командных (приказная экономика, репрессии), построенных на подавлении, устрашении и запугивании методов воздействия на людей до тончайших духовно-суггестивных технологий, направленных на тайное завоевание господства в области человеческой духовности. В последнем случае манипуляции становились паллиативом – попыткой уйти от прямого насилия над людьми, сопряженной, однако, с духовным принуждением, скрытой узурпацией свободы их воли, независимости и критичности их мышления, с обращением людей в изощренное, невидимое рабство, воспринимающееся ими как социальный успех. Манипуляции человеком стали ложным и искусственным подобием его подлинного саморазвития и самореализации, их отрицательным имитационным эквивалентом. В результате человек совершенно искренне принимал себя за нечто другое, чем он на самом деле был, и действовал по законам этого другого – в отчужденных формах псевдоиндивидуальной жизни и деятельности. К тому же другой становился для абсолютного большинства людей иррациональной сверхкомпенсацией невозможности подлинно индивидуального бытия. Некоторые виды этих модификаций субъективности человека в качестве чуждого ему другого мы и рассмотрим в следующей главе на примере тоталитарного общества.

Глава IV

СПОСОБЫ ТАЙНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ В ТОТАЛИТАРНОМ ОБЩЕСТВЕ

По всей вероятности, манипуляции являются функциональным свойством социальных систем. Возникая в эволюционном развитии человечества, они укореняются в хозяйственной, политической, личной жизни людей и обретают статус-кво – оптимальные условия, формы воспроизводства. В функционировании социальных систем есть своеобразный авторитарно-иррациональный аспект, связанный с незримыми для индивидов императивами следовать в своей жизнедеятельности господствующим образцам и нормам, причем без ясного рационального осознания их подлинного смысла и значения. Напомню в связи с этим важную мысль Ф. Хайека: “Управляемые в своем поведении тем, чему научились, мы зачастую не знаем, почему мы делаем то, что делаем”¹.

Согласно Ф. Хайеку, усвоение индивидами культуры, правил расширенных рыночных отношений происходит в основном неосознанно. Эти правила – право, договорная дисциплина, прибыль, конкуренция, собственность, необходимость риска, деньги, экономическая свобода и т. д., – усваиваясь индивидами преимущественно путем подражания, превращают их фактически в орудия стихийного и анонимного рыночного процесса, всей сложности которого они не в состоянии осознать.

Вместе с тем усвоение этих абстрактных правил сопряжено с вытеснением древних инстинктов людей – анимизма, суеверий, агрессивности и альтруизма, различных табу, которые в течение десятков тысяч лет существовали в микрогруппе (стаде, племени, семье). Эти инстинкты, многие из которых противостоят правилам цивилизации, восстают, однако, против открытости, риска и сложности существования в рыночном обществе. И поэтому у индивида рождается ненависть к нему. Загнанные

безличными порядками в “подполье” общественного и индивидуального сознания, инстинкты дают о себе знать в антропоморфных, анимистических представлениях о социальном процессе как результате “божьего промысла” или “проекта”, “замысла” классов и групп, стремящихся к мировому господству, и т. п. Вообще для личности, особенно интеллектуального типа, невыносима зачастую сама мысль о том, что ее поведением и мышлением управляют извне. Отсюда эта личность склонна к продуцированию различных иллюзий – идеологических, философских, политических, религиозных, которые в качестве воображаемых оснований (“символических истин”, по Ф. Хайеку) “объясняют” то, чему дать исчерпывающее объяснение (рыночный порядок, например) в принципе невозможно. Однако эти имитации действительного понимания, с помощью которых подобные личности, фактически обманывая себя и других, сохраняют духовно-психологический баланс, снимают остроту конфликта между инстинктами и цивилизацией, между частной и общественной жизнью, между первобытностью человека и культурой общества.

Следовательно, в результате стихийных манипуляций достигается компромисс индивидов с общественными порядками, плененный “святой ложью” индивид сохраняет свою жизнеспособность и, вырабатывая в себе определенные, соответствующие данной социальной системе личные качества, адаптируется в ней.

Собственно говоря, об этом же писал Э. Фромм, когда, исследуя смену социального характера в разных общественных формациях, указывал на его манипуляторскую функцию: “Приспосабливаясь к социальным условиям, человек развивает в себе те черты характера, которые побуждают его хотеть действовать именно так, как ему приходится действовать”².

Понятно, что социальный характер, внедряемый в индивида конкретным обществом, меняет, модифицирует, а иногда и отчуждает его подлинную индивидуальность и таким образом превращает его индивидуальную личность в адаптированную личность социального функционера. Стало быть, не только

индивиды усваивают через подражание общественные порядки, но и – что очень важно – общество занимается “производством” у людей субъективной структуры, которая может стать имитационным заменителем их подлинной индивидуальности. Этот процесс как с той, так и с другой стороны часто носит неосознанный характер. С позиций общества можно считать социальные манипуляции целесообразными, ибо они способствуют выживанию индивидов, их интеграции в общественные структуры.

Вместе с тем нарушение определенной меры в соотношении внедряемого извне, с одной стороны, и самостоятельности индивида – с другой, особенно характерное для недемократических обществ, указывает на отрицательные аспекты социальных манипуляций. В условиях тоталитарных обществ нарушение этой меры носит драматический и деструктивный характер: социальные иллюзии становятся онтологизированной реальностью, а человек с умерщвленной индивидуальностью субъективно ощущает ее обретение.

Известно, что тоталитаризм представляет собой общественно-политический строй, который характеризуется всеобъемлющим подчинением экономической, социальной, духовной и личной жизни людей господству государства, его партийной, военной, бюрократической элите. Особенно изобилует на тоталитарные общества XX век, когда фашистские, социалистические, бонапартистские (в широком смысле) режимы укрепились на огромных пространствах – в СССР, странах Восточной Европы, Юго-Восточной Азии, в Латинской Америке, Китае и Северной Корее, в мусульманских государствах – Иране и Ираке. Несмотря на разнообразие форм и типов, связанных с историческими, культурными традициями, географическим положением, тоталитарные режимы имеют и общие признаки. Для них характерны неограниченные полномочия властей и их командное вмешательство во все сферы жизни, контроль за жизнью как отдельного человека, так и общества в целом, упор на единую “общенародную” идеологию (национал-социализм, марксизм-ленинизм, маонизм, ислам и т. д.), которая через спе-

циальные институты, агентов, культы, ритуалы, стереотипы охватывает своим влиянием все ячейки общественного организма. Тоталитарный строй базируется, как правило, на однопартийной системе, в нем запрещаются демократические институты, ликвидируются реальные права и свободы граждан, милитаризируется экономика, а общественная жизнь насильственно организуется на принципах чрезвычайного положения, проводятся инициированные сверху террор и репрессии в отношении оппозиции и инакомыслящих. Благодаря этим мерам в некоторых из тоталитарных обществ были проведены принудительная индустриализация и скоростная урбанизация. Несмотря на различие праворадикалистского (фашистский, национал-социалистический) и левэкстремистского (сталинизм, полпотовщина, режим Ф. Кастро) вариантов тоталитаризма, бюрократизация всей совокупности социальных отношений, поддерживаемая постоянной угрозой применения вооруженной силы, является основным способом укрепления общественного порядка.

Существенным отличием тоталитарной системы от других форм государственного насилия – деспотии, тирании, диктатуры – является установка на слитность, всеохватывающее огосударствление и однородность всех без исключения сфер общественной жизни, превращающая государство в самоцель, а индивида – в ничто. Иными словами, уничтожается основа самодетельности полноправного и ответственного в экономическом и политическом отношениях индивида – гражданское общество, его институты, и “атомизированная” таким образом личность становится функциональным элементом жизнеобеспечения тоталитарного порядка. Разумеется, массовое превращение человека в социальную функцию, полностью поглощающую его индивидуальность, невозможно лишь средствами прямого насилия – террором, репрессиями и т. д. Поэтому манипулирование индивидами с целью невидимого подавления их индивидуальной личности и замещения ее “другим субъектом” является, на мой взгляд, атрибутивным свойством тоталитаризма, необходимым для его укрепления и функционирования.

Обратимся к недавней истории России. В ней тоталитарный режим был не более глубоко укоренен в ткани социальных отношений. И он в отличие, например, от германского фашизма, навязанного сверху и не разрушившего социально-экономический базис страны, стал в известном смысле продуктом социального творчества большинства ее населения, иллюзорным воплощением его вековых идеалов, чаяний и надежд. Поэтому его не удастся, как в иных странах, легко сбросить, ибо “человеческий материал” в России в результате различных длительных манипуляций оказался настолько измененным, что неприятие свободного и цивилизованного образа жизни еще долго будет характерно для многих социальных слоев.

На мой взгляд, в механизме тоталитаризма существуют четыре способа (вида) манипуляций процессом замещения индивидуальной личности в индивидах: 1) ценностная дезориентация, 2) культивирование мнимой заинтересованности в тоталитарных порядках, 3) привитие одномыслия, 4) превращение во врага. Иными словами, манипулирование охватывает все основные мотивации жизнедеятельности человека – его ценностные ориентации, индивидуальные интересы, мышление и убеждения. В совокупности эти способы представляют собой экзистенциальное измерение образа жизни в тоталитарном обществе и строятся на основе всеобщего отрицания разнообразия форм индивидуального бытия. Они редуцируются под знаком “социализма” к таким социально-политическим и идеологическим абстракциям – государству, партии, общественной собственности, коммунистической доктрине, – которые исключают автономность связи индивида со своей семьей, расой, нацией, языком, полом, историческими обычаями и традициями. Идея социализма, укорененная в реальности в самых разнообразных формах, в качестве своего антропологического компонента предполагала тотальную переделку человеческой природы и целенаправленное формирование “нового человека”, трансформацию отдельного индивида во “всемирно-историческую личность”. Эта практически невыполнимая целевая установка стала, однако, всеобщим мировоззренческим кре-

до, обусловившим манипулирование людьми в любых сферах их жизнедеятельности – от публичных до самых интимных.

Иными словами, необходимость в манипуляторской функции возникла у государства, партии, других институтов управления из того фундаментального обстоятельства, что при формировании нового человека они постоянно наталкивались на “пределы воспитуемости”. Эти пределы объективно обуславливались естественной природой людей, индивидуальными свойствами, чертами характера, уровнем культуры, образованности, национальной ментальностью, разнообразием духовных ориентаций и разновекторностью жизненных устремлений. Правда, посредством репрессивной машины, насаждения казарменных порядков, с помощью различного рода общественных наказаний и поощрений эти проявления человеческой индивидуальности удавалось отчасти подавить и приглушить. Однако необходимость воплощения в жизнь всеобщих утопических идеалов требовала соблюдения определенной меры в подавлении личности, чтобы не перейти черту, за которой утрачиваются жизнеспособность и воля индивидов, их энтузиазм, вера и надежды и начинается полный распад их личности. Таким образом, тоталитарная система объективно содержала в себе необходимость производства в индивидах таких многообразных субъективных структур, которые бы принуждали самих индивидов “добровольно” укреплять ее статус-кво и осуществлять воспроизводство тоталитарной системы в целом.

Разумеется, эта сформированная в индивидах новая субъектность, в сущности, носила имитационно-приспособительный характер. Потребность в ней крайне усиливалась и наличием скрытых, неразвитых, бессознательных сторон индивидуальности людей, возникших в результате мощного социального редукционизма, создавшего противоестественные казарменные условия их бытия. А при отсутствии эффективного социального контроля эти теневые качества и свойства могли достичь “критической массы” и принять деструктивные и разрушительные формы, опасные для существования самой системы. Таким образом, манипуляция человеческой личностью с целью ее

подчинения, контроля, регуляции ее духовной жизни, скрытого управления ее поведением стала острой нуждой тоталитарного общества, его органической функцией, без которой, пожалуй, оно не могло бы укрепляться, развиваться, воспроизводить себя в качестве целостной общественной формы.

Кроме того, необходимость в манипулировании вырастала, по-видимому, из субъективных желаний самих “атомизированных” индивидов. Не имеющие реальной собственности, отчужденные от политической власти (кроме вождей) и своей истории, лишённые возможности жить в гражданском обществе индивиды ощущали потребность в “спасительной лжи” – социальных иллюзиях, политических, мировоззренческих мифах, дающих, однако, духовную силу жить, адаптирующих их теневую часть к реальности и скрывающих весь трагизм их индивидуального положения и бытия. Стало быть, специфической сверхзадачей всех манипуляций являлось установление такой многомерной связи между отчуждением личности (от собственности, власти, истории) и ее самоотчуждением (от индивидуальности, целостности, свободы), которая бы скрывала и маскировала как первое, так и второе, создавала бы фальшивую действительность, иллюзию гармонии, в крайнем случае – позитивного компромисса с реальностью. Рассмотрим подробнее манипуляции, формирующие эту связь.

Ценностная дезориентация строилась в России на потребности людей в социальных иллюзиях, активизируемой, как правило, переходным или революционным периодом развития общества. Первая мировая война, Октябрьская революция, гражданская война, голод и разруха в стране, политика большевистского террора и военного коммунизма – эти и другие исторические факторы создавали экстремальные условия для индивидуальной человеческой жизни. Естественное и всеобщее стремление выжить в них порождало такую духовную связь в обществе, которую Питирим Сорокин удачно назвал “законом социального иллюзионизма”. По его свидетельству, этот закон особенно явственно проявился в действиях населения России, увлеченного в тот период высокими идеалами (“самоуправ-

ление народа”, “полная демократия”, “самоопределение народов”, “мир, хлеб и свобода”, “полное равенство”, “раскрепощение трудящихся классов”, “власть рабочих и крестьян”, “мировая революция”). «Из одного края великой русской земли до другого проносились они, – с горечью пишет он как очевидец, – заражали миллионы, зажигали их огнем энтузиазма и фанатизма, будили и опьяняли их и возбуждали великую веру к себе и в себя. Казалось, что великий час пробил, вечножданное наступает, мир обновляется и “синяя птица” всех этих ценностей в руках... История еще раз обманула верующих иллюзионистов. Поистине “слепые вели слепых, и все упали в яму”»³.

Очевидно, что закон социального иллюзионизма действует не в результате чьего-то субъективного произвола, а является объективной и устойчивой, хотя и стихийно складывающейся характеристикой сознания людей, взаимодействующих в экстремальных исторических обстоятельствах. Он обуславливает, в частности, подчинение индивида массе, личности – толпе, отдельных людей – действиям больших социальных групп и является свидетельством господства иррациональных начал над сознанием и волей утративших свою автономию индивидов. С другой стороны, этот закон проявляется и через индивидуальную активность самих людей, продуцирующих иллюзии под влиянием скрытых и нерелефлируемых сторон своей личности: проектирующих, к примеру, свое будущее без адекватного представления о логике движения общества и без знаний о свойствах самой человеческой природы. “Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман”, – известной поэтической строкой характеризует П. Сорокин проявление этого закона в человеческой духовности и поступках.

В совокупности этот “возвышающий обман” вылился в логически стройную, рационализированную идеологическими субъектами и эмоционально окрашенную систему политикомировоззренческих мифов – “о светлом будущем”, “о всемирно-исторической роли пролетариата”, “об извечном антагонизме труда и капитала”, “о пролетарской демократии”, “о всесто-

ронне развитом новом человеке”, “о коллективистской природе личности” и т. п. Эта система мифов строилась на ключевой иллюзии, которую с энтузиазмом внедряли в массовое сознание институты пропаганды, образования и воспитания – мифе об открытии марксизмом-ленинизмом подлинных законов развития человечества, которые неизбежно приведут его к коммунистическому обществу. Мощь и сила влияния этого мифа заключались в том, что он отвечал извечным чаяниям человека, мобилизовал архетип о воцарении рая на земле, превращая эту давнюю человеческую интенцию в актуальное средство политико-идеологической регуляции повседневной жизнедеятельности масс.

В действительности же система мифов вытесняла подлинное восприятие реальности, замещая его знанием иллюзорным и воображаемым, делающим человека нечувствительным к факторам собственного бытия. Кроме того, мифы являлись убедительным аргументом легитимации власти тоталитарного государства, успехи политики которого, часто умело инсценированные, обеспечивали прямую связь мифа с творимой реальностью. Этот параллелизм и гарантировал эффективное закрепление мифологических символов в общественном сознании.

В субъективно-индивидуальном плане культивирование мифологического сознания посредством социальных институтов (школа, средства массовой информации, искусство, наука) имело главной целью формирование иррациональной веры в ценности революции, социализма, проектируемого будущего и, соответственно, доверия к авторитету партии и государства, своей политикой, даже ценой больших издержек, воплощающих их в жизнь. Формирование в индивидах этой веры было важным, потому что ее наличие освобождает людей от необходимости анализа, от стремления к подлинному пониманию, от трудной интеллектуальной работы сознания над фактами и событиями социально-политической жизни. Иррациональная вера делает эти усилия излишними и служит для индивида механизмом упрощения, редукции, благодаря которо-

му он приписывает нужный ему общий смысл даже противоречащим друг другу событиям. В конечном итоге иррациональная вера становится важнейшим компонентом идейно-политической убежденности личности и сплачивает людей на основе общих ценностей, незримо скрепляя отношения между субъектами и объектами политической власти.

Кроме этого, иррациональная вера, пронизывая собой основные компоненты структуры личности (знания, чувства, влечения), обеспечивает ее добровольное самопринуждение к повиновению, к “исполнению долга” перед коллективом, партией, государством и т. д. Таким образом, в отношении человеческой индивидуальности иррациональная вера играет репрессивную роль, заменяя внешнее инструментальное насилие – насилием символическим, которое направлено на придание позитивного смысла любым, даже самым абсурдным проявлениям политической линии властей.

Следовательно, ценностная дезориентация с помощью мифов в личностном плане стала символическим насилием над людьми. Они, однако, не только добровольно принимают и признают его необходимость, но и – подчеркну это особенно – не ведают о творимом над ними насилии, хотя воспринимая окружающий мир и действуют в нем под его непосредственным влиянием.

На практике этот вид манипуляции реализуется прежде всего в появлении сознательных апологетов тоталитарного режима. Причем, с одной стороны, они действуют в структурах идеологической, политико-экономической власти в качестве руководителей – проводников Линии режима, освященных доверием партии и государства. Это доверие в исключительных случаях ведет к самоосвящению – превращению высших должностных лиц в неприкасаемую касту, наиболее полно воплощающую в себе великие мифологические идеи. Иначе говоря, под влиянием такого самоосвящения у этой категории людей их подлинная личность как бы исчезает, а на ее месте возникает “другой субъект”, замещающий ее. По описанию историков, многие высшие должностные лица были весьма посредственными и даже

ничтожными людьми (канцелярист Молотов, злобный палач Мехлис, хитрый кадровик Маленков, безликий Шверник и т. д.)⁴.

С другой стороны, ценностная дезориентация ярко проявилась в формировании у рядовых граждан личности апологета-энтузиаста, закодированного магией социалистических преобразований, приобщенностью к ослепительным “историческим перспективам”. Энтузиазм отмечался в массовом масштабе как у многочисленных первопроходцев, рекордистов в различных отраслях хозяйства и экономики, так и у “поющей гимн труду” интеллигенции и интеллектуалов.

Вместе с тем этот вид манипулирования в условиях тоталитаризма служил не только формированию определенного типа личности. Он выполнял также инструментальную роль. Во-первых, система мифов стала ценностным оправданием всех форм государственного насилия. Она превратила, в частности, осуществляемые режимом (и не только в отношении инакомыслящих) репрессии в легитимный в глазах населения процесс. Вот почему судебные процессы над “врагами народа”, поддержанные мощной пропагандистской машиной, вызывали массовый энтузиазм и коллективные требования безжалостной расправы с подсудимыми. Более того, ценностное оправдание насилия в качестве изощренной манипуляции ярко проявилось в знаменитых самооговорах старых большевиков – они искренне считали: это нужно партии, государству, чтобы беспрепятственно проводить Линию на построение социализма. В этих самооговорах с потрясающей очевидностью обнаруживалась легитимность насилия тоталитаризма на индивидуальном уровне, оно становилось злокачественной формой манипуляции собой у тех, кто добровольно приносил себя в жертву мифологии, обслуживающей функционирование тоталитарного строя⁵.

Во-вторых, ценностная дезориентация выполняла задачу маскировки государственного насилия. Система тотального государственного найма, превращавшая всех в работников полукрепостного типа, являлась принудительной, поскольку исключала возможность выбора человеком иных

форм труда. Поэтому она нуждалась в таком идеологическом прикрытии, которое не позволило бы работникам до конца осознать свою всеобъемлющую зависимость от государства. Так, индивиды с раннего детства через систему воспитания, образования и пропаганды впитывали миф о “советском человеке – хозяине своей страны”. В этом мифе полная подчиненность работника государственно-бюрократической собственности была представлена в качестве “хозяйского” отношения к не принадлежащему ему имуществу, в итоге труд государственного холопа выдавался за “свободный труд на благо общества”, прикрепленность крестьян к земле, а горожан через систему прописки к своему месту жительства – за наличие у них прав владения и собственности, наконец, диктат милитаристских государственных интересов – за проявление индивидуальной гражданской ответственности людей. Кроме того, насилие и господство партийного государства в отношениях собственности маскировались целой системой паллиативных институтов, призванных культивировать в человеке “чувство хозяина”. Народный контроль, советы трудовых коллективов, бригады коммунистического труда, профсоюзы как школа управления – эти и другие общественные институты должны были наряду с реальной деятельностью развивать в индивиде “чувство хозяина” своей страны, создавать у него иллюзию непосредственной связи с “общенародной” собственностью, воспитывать ответственность за ее сохранение и приумножение.

И здесь мы сталкиваемся с еще одним видом ценностной дезориентации — наделением всеобщим значением тайных материальных интересов партийно-бюрократической элиты (метод “троянского коня”).

Следует напомнить, что многочисленные примеры подобной дезориентации можно отыскать и в глубинах истории. Например, феодал освящал приобретенные им материальные ценности именем бога и короля, чем вызывал у зависимых крестьян мистический трепет и безропотную покорность. Так же и буржуа в борьбе с дворянством и аристократией за передел собственности выдавал свои интересы за интересы народных

масс, чем и обеспечивал их поддержку в восхождении на вершины имущественной иерархии. Точно так же большевистская номенклатура выдавала свои властные интересы за интересы рабочего класса и крестьянства, а собственную диктатуру – за диктатуру пролетариата.

Особая изощренность партийно-бюрократической элиты (номенклатуры в целом), являющейся субъектом манипуляций, проявилась в том фундаментальном факте, что этот слой скрывал от общества не только свое господство, но и самое свое существование. Уход в мнимое небытие целого социального слоя был обеспечен путем создания и внедрения в общественное сознание фальсифицированной еще Сталиным социологической схемы структуры населения, позволяющей политбюрократии прятаться в массе государственных служащих или произвольно относить себя к “народной интеллигенции”⁶. Таким образом политбюрократии удалось обеспечить длительное теневое владычество в обществе. Благодаря ему она, выдавая публично свою деятельность исключительно за осуществление общенародных интересов, тайно присваивала в процессе распределения и использовала для укрепления и расширения своей власти значительную долю общественного богатства, созданного трудом всего общества. Однако присвоенная часть не могла открыто стать капиталом, давать прибыль и дивиденды, способствовать росту производительности общественного труда и качественному улучшению его технологий. Поэтому она пускалась на скрытое сверхпотребление и накопление бюрократией всевозможных льгот и привилегий, превращающих ее в замкнутую касту с собственным циклом жизнеобеспечения: от жилых зданий повышенной комфортности, спецмагазинов, медицинских служб и специальных мест отдыха до особого доступа к информации, искусству и т. д. Следовательно, благодаря стратегии и тактике теневого властвования высшая бюрократия была материально заинтересована в сохранении тоталитарных порядков.

В этом феномене мы обнаруживаем еще один вид манипуляций личностью – культивирование мнимой заинтересованности в тоталитарных порядках. В нем были

задействованы естественные для каждого нормального человека материальные интересы, которые в результате обрели не свойственные им смысл и значение.

Дело здесь в иррациональном характере собственности в СССР, которая именовалась “социалистической”, “общенародной”, “общественной” и т. п. Однако ни одна из этих характеристик не вскрывала ее противоречивый характер, обусловленный антагонизмом взаимоисключающих внутренних свойств.

В самом деле, этот тип отношений собственности был как будто бы основой материальной и духовной жизни населения страны, и в этом смысле собственность принадлежала всем (была общей) и никому в отдельности. Вместе с тем функции реального владения, распоряжения этой собственностью были в руках номенклатуры и позволяли ей невидимым для общества образом достичь, в сравнении с остальным населением, высокого уровня материальной обеспеченности. Поэтому, я думаю, что К. Маркс был недалек от истины, когда предполагал в казарменном строе, каким и был советский тоталитаризм, господство так называемой “всеобщей частной собственности”. Он точно передал абсурдность связи отрицающих друг друга предикатов: частная и одновременно всеобщая. Принадлежа всем и никому в отдельности, как абстрактная всеобщность, собственность изначально была обречена на экономическую неэффективность. Поскольку частный характер использования собственности низводился до индивидуального и болезненного стремления людей к стяжательству, к грубому “физическому обладанию” вещами, как в форме знаменитой всенародной “ташиловки” всего того, что плохо лежит, так и в виде незаконных льгот и привилегий для верхушки, причастной к управлению материальными ресурсами.

На феномене многочисленных привилегий – крох с господского стола высшей политбюрократии – стоит остановиться подробнее, поскольку он обладал, на мой взгляд, значительным манипуляторским потенциалом в отношении отдельного человека из среднего и низшего чиновничьих сословий. При этом я не имею в виду рациональные преимущества и льготы, которые

необходимы для отправления определенных общественных обязанностей, либо служат поощрением активности и высоких профессиональных качеств личности, либо, наконец, даются социально не защищенным слоям – пенсионерам, студентам, многодетным семьям, безработным и т. д. Я говорю о законодательно не закреплённой архаичной и скрытой форме распределения материальных благ и социальных ценностей (рекреационных, эстетических, информационных, правовых и т. д.), которая являлась признаком иерархического строения общества, служила закреплению отношений начальствования и подчинения, пронизывавших сверху донизу все советское общество. В условиях тотального дефицита средств существования эти привилегии – пайки, путевки, премии, поездки за границу, лишние метры жилья, возможность “по блату” достать вещи, персональный транспорт – затрагивали тончайшую материю социально-нравственной мотивации индивидов, становились истинным смыслом их общественной активности.

Сама этимология слова “привилегия” достаточно красноречива: *privius* – отдельный, особый, единичный и *lex* – закон, отсюда *privilegium* – специальный закон для отдельного лица. Фактически привилегии в гипертрофированном виде отражали всеобщую экономическую зависимость граждан от государства, возмещавшего им отсутствие других, помимо зарплаты, источников дохода, и были своеобразной платой общества за отсутствие института индивидуализированной собственности. Однако в силу своей неузаконенности и скрытости система привилегий являлась и способом всеобщего подкупа государством своих граждан с помощью подачек, превентивно рассчитанных на лояльность граждан в отношении государственного строя и стимулирующих такое широко распространенное явление, как карьеризм. Чем выше индивид поднимался по служебной лестнице, тем больше он мог извлечь из своей должности самых разнообразных благ и преимуществ, компенсирующих низкую зарплату. Объективная логика этого продвижения порождала в индивиде сознание собственной исключительности, а масштаб привилегий становился знаком, подтверждающим все большую

полноту реализации его личности. Многочисленная армия назначенцев и выдвиженцев измеряла собственную значимость – по логике возрастающей исключительности социального положения – количеством привилегий. Эту объективную иллюзию, которой чревато тождество наличного социального бытия и индивидуальных стремлений человека, можно, думаю, назвать статусно-нарциссической идентификацией личности, компенсирующей в условиях тоталитарного общества отсутствие социальной и экономической свободы, подлинного развития индивидуальности.

Более того, интенсивность стремления активной части населения “стать начальником”, по-видимому, была пропорциональна степени подавленности у людей стремления быть автономными и относительно независимыми от данного общества, что, в первую очередь, определяется наличием индивидуальной собственности. Как справедливо отмечает в статье “Конституция как идеология” Э. К. Ледд, “частная собственность – мера, посредством которой индивидуум опознает себя, защищает себя и определяет свое место в обществе”⁸. О личной свободе, возникающей при наличии у индивида собственности, говорит и русский философ С. Л. Франк: “...частная собственность... в самом своем принципе есть условие свободной самостоятельности человека перед лицом космического факта “хозяйственной” нужды, т. е. зависимости человеческой жизни от обладания материальными благами”⁹.

Таким образом, стремление к владению собственностью, дающей самостоятельность и независимость, неизбежно для человеческих индивидов, его невозможно окончательно подавить и уничтожить. Однако, как оказалось, им можно манипулировать, подменив властное стремление людей к собственности – стремлением к собственности на власть, распоряжению материальными и людскими ресурсами и, соответственно, к занятию такой должности в политико-управленческой иерархии, которая легализирует это стремление в качестве санкционированного обществом.

Естественно, подобная “самореализация” требовала от человека холуйских качеств – чинопочитания, умения расчетливо

лгать, льстить и хитрить, смердяковской проницательности в угадывании желаний вышестоящего начальства. С другой стороны, тайный государственный подкуп и подачки, извращая нравственное сознание советской генерации выдвиженцев, обязывали их к проявлению “административного восторга” в проведении Линии режима. “Безликие, местечковые утрюмбурчеевы, некомпетентные ни в чем, но мобилизованные и призванные партией, обретавшие вдруг компетенцию во всем, ломатели дров, головотяпы, они были абсолютно свободны от комплексов, не испытывали неудобств от собственной внутренней ущербности... Склонные к коридорным играм, нашептываниям, подсиживаниям, возне по добыче наград, выбиванию привилегий, представители этой группы – плоть и кровь аппаратчины”¹⁰. Получение все новых и новых привилегий, льгот, государственных подачек на индивидуальном уровне стало механизмом подмены, замещения задавленной свободы реализации материальных интересов индивида социально-статусными интересами, автоматически переключающими направленность его жизненной активности в иное поле – на обеспечение функционирования тоталитарной системы. В результате материальные интересы, лишаясь нормальных каналов реализации, обретали превращенную форму скрытых личностных смыслов и мнимую значимость гипертрофированных целей жизнедеятельности. Так тоталитарный режим естественные материальные интересы многомиллионного аппаратного люда превратил в изощренное корыстолюбие и, тайно возведя их в ранг высших индивидуальных ценностей, породил армию “опричников и псов” тоталитаризма – “кадры, которые решали все”. Так извращенно-иррациональным образом действовал на уровне личности механизм “всеобщей частной собственности”, превративший посредством тайных привилегий человеческий материальный интерес в мнимую высокую приверженность государству, партии, “идеалам социализма и коммунизма”.

Однако этот способ манипулирования (скрытая социально-статусная генерализация редуцированных материальных интересов человека) действовал не только через механизм привиле-

гий. Культивирование у миллионов рядовых граждан заинтересованности в тоталитарных порядках было осуществлено, прежде всего, путем иллюзорной персонификации внешне обезличенной собственности. Необходимость имитировать жизнедеятельность миллионов индивидов в качестве коллективных субъектов общественного богатства являлась насущной задачей тоталитарного строя, забвение которой угрожало основам его существования. Отчасти я уже коснулся системы этих имитаций, когда говорил о мифах, подобных мифу о “советском человеке – хозяине своей страны”, тиражируемых миллионами газет и журналов, лекций, кинофильмов и телепередач. Следует подчеркнуть, что эти имитации осуществлялись не только с помощью духовно-идеологических средств, но и включали в себя целую систему действующих социальных институтов – “потемкинских деревень”, призванных символизировать коллективный характер собственности в Советском Союзе. И в этот глобальный обман верило огромное количество людей в других странах мира. А коренился он в конечном итоге в иллюзии о том, что в масштабах огромной страны возможен такой тип отношений, при котором собственность принадлежит одновременно всем и никому в отдельности.

В экономических отношениях, в частности, эта иллюзия у людей поддерживалась и воспроизводилась противоестественным сочетанием низкой цены и дефицита потребительских товаров и жилья. А хроническая их нехватка либо выдавалась за “временные трудности” в их производстве, либо объяснялась неэффективной работой самих производителей: мол, как работаем, так и живем. Дефицит элементарных средств жизни становился, таким образом, дополнительным стимулом к изощренной, построенной на обмане эксплуатации людей, ибо дармовые цены на то, чего хронически не хватало, выполняли функцию иллюзорной сверхкомпенсации порабощенности людей в процессе труда бюрократической собственностью.

Знаменитые сталинские кампании снижения цен административным путем могут служить показательным примером культивирования в массах иллюзорной заинтересованности в

тоталитарных порядках. С одной стороны, эти кампании окончательно разрушали связь между ценой товаров и их себестоимостью, а с другой – наделяли население крохами с господского стола бюрократии, частично компенсирующими убогость и скудость рынка потребительских товаров, создавая при этом ложное впечатление их широкой доступности для покупателей. Кроме того, хроническая нехватка и дефицит товаров в сочетании с иллюзией легкости их приобретения по низким ценам провоцировали иррациональные стремления к стяжательству и накопительству, черную зависть к тем “счастливицам”, кто добился успеха в борьбе за обладание дефицитными благами. Результатом этих экономических манипуляций стали непроеизводительное присвоение, всеобщее воровство, жульничество и махинации предметами потребления – привычные атрибуты “социалистического образа жизни”. Фактически они явились индикатором болезненности субъективных потребительских влечений индивидов, предельно ограниченных убожеством рынка, с одной стороны, и безмерно культивируемых низкими ценами – с другой.

Кроме того, иррациональность этих влечений усугублялась разрывом их связи с продуктивными способностями людей. Эти способности не имели подлинных критериев своего развития в форме: а) развитого рыночного спроса на них, б) индивидуальной собственности, порождаемой их производительным применением. Следовательно, они утрачивали реальные связи с потребностями людей и вне производства становились абстрактными, отчужденными, бессмысленно эксплуатируемыми. В итоге достигалась отчужденность человека от самого себя, его противоестественное раздвоение на производителя и потребителя, на деятеля и не-собственника, обуславливающее его чрезвычайно раздутую общественную и необычайно скудную частную жизнь. Это редукционистское разрушение целостности человеческой личности, возникшая в результате манипуляций частичность ее индивидуального бытия санкционировались обществом как норма и образец человеческого существования. Осознанию абсурдности и патологичности этой нормы препят-

ствовал следующий вид манипуляций – привитие одно-мыслия (“думаю как все”, “мыслим как один”).

Методологическая основа данного вида духовного насилия была заложена В. И. Лениным. Его известная идея о необходимости привнесения социалистического сознания и идеалов в стихийное рабочее движение, которое своими силами-де такое сознание в принципе выработать не может¹¹, воплотилась впоследствии в широко разветвленную политико-экономическую и идеологическую систему навязывания одномыслия. Целью этой системы стала выработка у людей единообразных интеллектуальных реакций на окружающий мир, на события повседневной жизни, на себя, историю, будущее, научные открытия, произведения искусства и т. д. Манипуляторский характер этой системы заключался в том, что сходная интеллектуальная реакция в результате многообразной дрессировки проявлялась у различных индивидов спонтанно и добровольно, без принуждения и согласований. Кроме того, ленинская идея, воплотившись в жизнь, санкционировала всеобъемлющий контроль государства за мыслями, чувствами, убеждениями отдельной личности, а также всеобщую регламентацию сознания, подверствование его под одобренные в верхах стандарты, стереотипы, ценности и культурные традиции.

Следует подчеркнуть, что одномыслие прививалось подспудно – всем образом жизни в тоталитарном обществе. В экономической области этому служил механизм уравнивания материальных условий основной массы населения – гипертрофированный эгалитаризм, включающий внеэкономические критерии и оценки результатов труда, обмена деятельностью и ее продуктами между предприятиями. Эгалитаризм приводил к “равенству в бедности”, культивировал уравнивательные настроения во всей гамме социальных отношений: если одним плохо, то и другим не может быть хорошо. Индивидуальная экономическая инициатива, сопряженная с личным обогащением людей, считалась преступлением и безжалостно искоренялась.

В социальной области одномыслие порождалось стандартизацией общественной жизни индивидов – их всеобщим объеди-

нением и прикреплением к трудовым коллективам, нацеленным на выполнение единых государственных планов и обладающим одинаковой структурой управления. Администрация, партийная, профсоюзная, комсомольская организации насаждали равнозаменимость индивидов, примитивный коллективизм, построенный на принципе: интересы коллектива превыше интересов отдельного человека. Этот принцип породил самые разнообразные формы и методы препятствования индивидуально-личностным проявлениям, не вписывающимся в регламентированную жизнь коллектива, и превратил коллектив в первичный социальный механизм коллективистского закрепощения личности¹².

В политической области навязывание одномыслия осуществлялось под угрозой применения негативных санкций. Под их дамокловым мечом в обществе формировалась перманентная атмосфера страха, боязни арестов, репрессий и ostracизма, которым мог быть подвергнут любой индивид вне зависимости от своих заслуг перед обществом. Именно в политической области одномыслие достигалось в обмен на возможность самой жизни людей, как санкционированное властями условие их простого физического выживания. Обратной стороной политических мероприятий подобного рода стала выработка психологии покорности, трусости, апатии, равнодушия, подозрительности, осторожности – качеств, в совокупности превращающих парящее в обществе отчуждение во всеобщий субъективный феномен. Кроме того, непредсказуемость негативных санкций властей в любых, от публичных до интимных, сферах жизнедеятельности принуждала индивидов сопрягать свои духовные стремления не с выработанной индивидуально, а с привнесенной извне системой представлений и ценностей. .

Внедрением этих представлений занимался идеологический механизм тоталитарной власти. В нем идеология выполняла как функцию производства познавательно-ценностной картины мира (что служило основой для ценностной дезориентации), так и функцию практического управления мышлением людей, повсеместного контроля за их внутренней духовной и душевной

жизнью. Благодаря идеологическим механизмам специфическое единство, слитность тоталитарного общества достигали апогея в гомогенности мышления индивидов, в их особой идеологической ментальности, предписывающей и характер познавательных реакций, и специфику оценок окружающего мира, и качества межличностного общения, и определенные действия в соответствии с этим складом мышления. Собственно говоря, единая идеологическая ментальность являлась не столько формой познания мира, сколько духовным способом практического приспособления индивидов к обществу, “интеллектуальной подгонки” к нему.

Выработка идеологической ментальности осуществлялась в двух основных формах. Это, во-первых, политико-идеологическая индоктринация – образование, просвещение и воспитание, включающие и практическое обучение навыкам и правилам мышления в соответствии с заданной идеологией картиной мира, общества и места человека в нем. В этом направлении были задействованы такие институциональные средства, как наука, печатная и устная пропаганда, наглядная агитация, средства массовой информации, искусство, образовательные учреждения от детских садов и школ до университетов. Фактически партийно-идеологическое образование и воспитание “сопровождало” человека с раннего детства до глубокой старости. И, будучи пенсионером, ветераном труда, он нередко был обязан повышать свой “идеологический уровень” в университетах марксизма-ленинизма и на регулярных лекциях общества “Знание”. Препятствием для выработки индивидуального взгляда на мир, реалистического мышления людей служила также система тотального насаждения культов в общественном сознании: культа партии и ее вождей, культа подвига и самопожертвования, культов советской власти, коллектива, революционных преобразований и т. п. Они являлись своеобразными “опорными сигналами” мышления, указующими индивиду правильный характер и направленность его мыслей. Координацию, взаимодействие и субординацию всех средств формирования идеологического одномыслия, их объедине-

ние в целом осуществляли отделы агитации и пропаганды, действовавшие в структурах партии и комсомола от низовых комитетов до ЦК.

Вторая форма, нацеленная на укоренение одномыслия и его воспроизводство в массовых масштабах, – инкорпорация граждан в практическую деятельность идеологического механизма власти. Организация их участия во множестве собраний, митингов, демонстраций, кампаний по осуществлению постановлений партии и правительства, вовлечение в многообразные виды так называемой “общественной работы” укореняли идеологизированную структуру мышления людей в качестве активной и практически действенной. Кроме того, громадный идеологический механизм, затраты на который были сопоставимы с затратами на военно-промышленный комплекс, подспудно формировал у обычных людей солидарность с властями, ибо включение в совместно-раздельную с ними деятельность принуждало разделять и навязываемое мировоззрение, систему идеологических стереотипов и символов.

Но чем мощнее становился идеологический механизм власти, расцвет которого пришелся на годы правления Л. Брежнева и М. Суслова, тем стремительнее – по закону бумеранга – падала его эффективность в формировании одномыслия. Беспочвенное навязывание идеологии волей-неволей обнаруживало ее слабость, ширящееся расхождение между ее интеллектуально-ценностным содержанием и содержанием самой жизни людей, фактами окружающей действительности. На смену безоглядной вере в идеологические постулаты приходило неверие, а то и цинично-прагматическое отношение к ним как к необходимым, но формальным условиям приспособления к тоталитарным порядкам. Внешнее принятие индивидами этих условий становилось вынужденным ритуалом, исполнение которого позволяло относительно безопасно вести частную, индивидуальную жизнь. Так принуждение к одномыслию формировало личность конформно-аутистического типа, для которой имитация идеологического одномыслия была, в сущности, защитно-при-

способительной реакцией на невозможность изменить устои тоталитарного общества. Такая интеллектуальная мимикрия для многих людей обернулась индивидуально-личностной пассивностью, инертностью, снятием с себя всякой персональной ответственности за происходящее в обществе.

Однако не только конформно-аутистический стиль жизни стал реакцией на принуждение к одномыслию. На всем протяжении существования тоталитарного строя было немало людей, которые в той или иной форме находили в себе силы противостоять идеологическому насилию. К этой группе, рассредоточенной в разных классах, слоях, коллективах советского общества, применялся такой способ манипуляции личностью, как превращение во врага (оппозиционера, антисоветчика, спеца-вредителя, кулака-захребетника, отщепенца, преступника, изгоя, диссидента и т. п.).

Хорошо известно, что образ врага являлся необходимым компонентом духовной атмосферы тоталитарного общества. Он был практической реализацией установки на его монолитность, средством укрепления его гомогенности, орудием создания идейно-политической однородности живущих в нем людей. Отчасти образ врага, прежде всего в лице Запада, возник в результате иностранной интервенции в период гражданской войны, длительного существования России во враждебном окружении стран с иным социальным строем, антикоммунистической активности эмиграции, а также вероломства руководителей западных держав, сумевших направить гитлеровскую агрессию против Советского Союза. Кроме того, образ врага на протяжении десятилетий служил средством, оправдывающим в глазах населения существование “железного занавеса”. Он поддерживал накал холодной (идеологической и психологической) войны, требовавшей образно-ментальных орудий для своей легитимации.

Вместе с тем внутри общества к превращению во врагов определенных классов, социальных групп, отдельных лиц – и это следует подчеркнуть – вела сама логика принципиальной невозможности осуществления утопических проектов и идеа-

лов, т. е. логика ценностной дезориентации. Расхождение между идеалами и реальностью порождало необходимость в объяснении трудностей, в политико-идеологическом оправдании их существования с тем, чтобы вновь и вновь мобилизовывать миллионы людей на проведение Линии властей. В свою очередь, мобилизационная обстановка в стране, перманентный кризис выживания основных слоев населения продуцировали социально-политический негативизм, идейную бескомпромиссность на основе жесткой бинарной оппозиции: “мы – они”, “кто не с нами, тот против нас” и т. п. Кроме этого, подневольный труд, система тотального принуждения превращали миллионы государственных крепостных в потенциальных бунтовщиков, накапливающих мощный запас недовольства, агрессии, злобы и возмущения, которые требовали выхода, фокусировки и канализации. Можно сказать, что если бы даже не было реального врага, то всеобщая потребность в нем так или иначе все равно воспроизводилась бы условиями жизни людей в тоталитарном обществе. Превращение во врагов стало иррациональной проекцией данной общественной потребности, теневой инверсией многочисленных страхов, подавленных чувств и желаний, а также воли к выживанию, борьбе и сопротивлению, т. е. носило в значительной степени фиктивный, иллюзорный характер.

Понятно, что во врагов превращались в первую очередь люди с отклоняющимися от общественных стандартов поведением, убеждениями и образом жизни – те, кого можно обобщенно обозначить как антитоталитариев, обладающих, независимо от рода занятий, самостью, индивидуальностью и противостоящих уже фактом своего существования данному общественному строю. Однако статус врага и изгоя обретали подчас и обычные люди, если потребность во враге резко обострялась в результате политической конъюнктуры либо в силу других обстоятельств. На низовом уровне в трудовых коллективах наиболее очевиден иллюзорный и злокачественный характер данного вида манипуляций, ибо в результате простые советские люди теряли адекватную самооценку, ломались, спивались и окончательно ста-

новились апатично-инертными “винтиками”, страшащимися самых мизерных проявлений своей индивидуальности.

Но чаще данная манипуляция применялась к людям ярким, независимым, оригинальным, могущим создать в различных областях жизни опасные прецеденты – соблазнительные образцы проявлений индивидуальности, подрывающие регламентированные устои режима. Кроме того, превращение таких людей во врагов было нередко продиктовано и корыстными соображениями властей. Чтобы сохранить статус-кво, власти вынуждены были частично улучшать условия жизни населения, и они перехватывали инициативу у улучшенцев-реформаторов, навсегда отлучая последних от авторства своих идей.

Социальный механизм превращения во врага представлял из себя, прежде всего, систему формально-юридических законов, обраставшую множеством дополнительных и секретных инструкций, партийных постановлений, в результате чего исполнение этих законов зависело от произвола властей, которые при избавлении от неугодных лиц, групп, слоев и целых народов всегда могли прикрыться “революционной целесообразностью”, “высшими государственными интересами”, “общественным мнением”. Кроме того, практиковалось тайное судопроизводство (“тройки”), а также фактически отсутствовали механизмы защиты прав и свобод личности, презумпция ее невиновности. Поэтому даже первичный трудовой коллектив обладал “правом на произвол” в отношении отдельного индивида и выталкивал из своих рядов тех, кто вызывал беспокойство, зависть и злобу своей непохожестью на других. В ход вступали такие средства, как проработка на собраниях, общественное обличительство, письма в инстанции, травля в печати, клевета, слухи, устные и письменные “сигналы” органам, физическая изоляция и заключение под стражу, репрессии в отношении семьи неугодного. Власти стимулировали действие этого механизма такими, например, способами, как вознаграждение клеветников и доносчиков имуществом обвиняемых.

Превращенный во врага был обречен на страдания и душевные муки, в лучшем случае он начисто лишался возможности

улучшать свое материальное и социальное положение, беспредельно общаться со своими близкими. Столь обвальное действие этого манипуляторского механизма выдерживали немногие. И если “разоблаченные” не ломались и не погибали, то, как правило, посыпали голову пеплом и становились трусливыми конформистами.

Разумеется, этот и другие виды манипуляций порождали и подлинных героев, отказавшихся от личного благополучия и вставших на путь сознательной борьбы с тоталитарным режимом. Они выступали за права человека, за подлинную свободу совести, за экономическую и интеллектуальную независимость, против произвола, бюрократизации властей, монополии партии и коммунистической идеологии.

Однако и эта рассредоточенная в разных слоях и классах группа людей также не смогла уберечься от рокового воздействия манипуляторского механизма, ибо отвечала насущным потребностям тоталитарной власти в наличии врага. Поэтому они были обречены на частичное существование, ибо отстаивание своих убеждений перед мощью государственной машины нередко вело к невротизму, превращалось в навязчивую идею, в маниакальность.

Таким образом, превращение во врага выполняло в условиях тоталитарного строя ряд важных функций. Во-первых, этот вид манипуляций являлся универсальным средством объяснения трудностей, периодических сбоев социально-экономического механизма и, соответственно, оправданием произвола и диктата властей. Во-вторых, он был исключительно эффективным способом достижения сплоченности, монолитного единства населения страны и посредством оппозиции “мы – они”, “мы – он” формировал черно-белое восприятие действительности. В-третьих, он стал удобной формой переключения недовольства, раздражения и агрессии людей против властей и условий жизни на такой объект, который обеспечивал безопасную для режима канализацию и “утилизацию” негативных общественных настроений. В-четвертых, это был наиболее результативный способ избавления от неугодных властям лиц, который в итоге бесчисленных

повторений приобрел не только практическое, но и ритуально-символическое значение как в партийно-государственной жизни, так и в первичных ячейках общественного организма (в семье, трудовом коллективе). В-пятых, данный вид манипуляции становился превентивной мерой против тех соблазнительных образцов мышления, чувств, поведения и образа жизни, которые могли возникнуть и получить распространение в результате жизнедеятельности антитоталитариев. Кроме того, власти, искусственно перенося накапливаемую подневольными массами агрессию, бунтарскую энергию и ненависть на “врага”, предупреждали возможные социальные взрывы. И последнее: этот способ манипуляции обеспечивал согласованное функционирование других, названных выше способов – в результате все виды манипуляций обретали свойство резонанса (взаимоусиления) и, охватывая своим действием все население, каждодневная жизнь которого напрямую зависела от властей, приводили к всеобъемлющему духовному растлению человеческой личности. Кроме того, в совокупности все виды манипуляций укореняли и воспроизводили тоталитарную власть, безраздельное господство которой на протяжении десятилетий базировалось на новом, извлеченном ею из теневых глубин родовой природы типе человека, названном впоследствии “*Homo soveticus*”.

Этот тип человека являлся свидетельством и символом монолитного единства тоталитарного общества, у него адекватное понимание реальности было замещено иллюзорно-мифологической картиной мира. Он обладал иррациональной верой в светлое будущее, системой перевернутых “зазеркальных” ценностей, мышлением, скованным цепью идеологических стереотипов, редуцированными к массовым стандартам потребностями и испытывал панический страх перед малейшими проявлениями индивидуальных особенностей. Таким образом реализовалось безудержное стремление тоталитарного общества к сохранению и упрочению своего статус-кво за счет переработки личности конкретных людей и образования обширных терриконов “человеческого материала”.

По-видимому, на этот тип человека и был рассчитан первый и последний в СССР политический референдум по вопросу о сохранении Союза, проведенный 17 марта 1991 года по инициативе коммунистической политбюрократии и ставший лебединой песней тоталитарной империи. Внимательный анализ вопроса, заданного на референдуме, а также тех условий, в которых он проводился, позволяет сделать вывод о его манипуляторском характере. При этом в самой процедуре референдума и в формулировке вопроса, как в капле воды, обнаруживаются все четыре рассмотренных нами вида манипуляций. Напомню читателю этот вопрос: “Считаете ли Вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которой будут в полной мере гарантироваться права и свободы человека любой национальности?”

При прочтении данного вопроса бросается в глаза, что, вопреки общепринятым правилам проведения референдумов, он не является нейтральным, ясным и определенным по смыслу. Напротив, он построен по принципу “русской матрешки” – в нем содержатся сразу несколько вопросов: наряду с сохранением единого государства речь идет и о сохранении общественного строя (социализма), и формы объединения республик (федерации), и типа власти (советской). Следовательно, голосующий за сохранение Союза автоматически одобряет и весь этот контекст, голосующий против неизбежно становится противником всех привычных советскому человеку ценностей. Иначе говоря, свобода выбора (а референдум – это выбор) для голосующих была в значительной степени иллюзорной, ибо за ней стояло замаскированное принуждение респондента к вполне определенному шагу. Однако внешне – подчеркну еще раз – это давление было скрыто предложением большого ассортимента привлекательных ценностей, и такая кажущаяся полнота предложения поддерживала иллюзию выбора. Если респонденту была дорога хотя бы одна из этих ценностей, “в нагрузку” он вынужден был принять и все другие.

Вопрос о сохранении Союза явно нацелен на патриотические чувства и идеалы советского человека, которые за семьдесят с лишним лет благодаря мощной пропаганде и воспитанию в значительной степени идентифицировались с военным, идеологическим (“правда – за нами!”) и индустриальным могуществом СССР. В партийно-правительственных листовках, разъяснявших гражданам смысл референдума, так и писалось: “Говоря “нет”, Вы голосуете за снижение обороноспособности страны, лишение звания гражданина великого государства, потерю авторитета нашей державы на мировой арене” и т. п. Следует отметить, что у русских людей патриотическая идентификация, отождествлявшая их национальные чувства с веками складывавшимся могуществом Российской империи, стала элементом бессознательной ментальности, стереотипом, который и пытались эксплуатировать те, кто сформулировал вопрос референдума. Нельзя не вспомнить и о том, что эта идентификация (“Мой адрес не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз”, – пелось в известном шлягере) была в той или иной степени иллюзорной сверхкомпенсацией убогости, низкого уровня жизни, нещадной эксплуатации большинства населения как в России, так и на ее национальных окраинах, где активно проводилась политика “стирания национальных различий”. Очевидно, авторы референдума рассчитывали, что эта патриотическая идентификация безвозвратно поглотит национальные чувства и заставит респондента сделать нужный им выбор.

Наконец, сама постановка вопроса была запутанной и абсурдной. Респондента спрашивали: считает ли он необходимым сохранить то, чего еще нет, т. е. обновленную федерацию республик, которая возникнет в будущем (если респондент проголосует “за”). А что же будет все-таки обновлено в будущем? Из вопроса следует, что останется то, что уже семьдесят с лишним лет существует: тот же социалистический строй, тот же тип власти – советский, то же единое государство, та же федеративная (фактически – унитарная) форма объединения республик. Иначе говоря, вопрос предлагал “воспоминания о будущем”. Правда, в скрытой форме в нем признавалось, что ранее не в пол-

ной мере гарантировались права и свободы людей разных национальностей. Но эта приманка лишь маскировала лукавую “логику” вопроса, скрыто подставляющую вместо будущего – прошлое.

Полагаю, что слово “сохранение” в вопросе являлось только ширмой. На самом деле ключевым в нем было слово “обновленная”, за которым скрывались те, кого респондент должен уполномочить на сохранение власти, простоудушно дав возможность проводить такую политику “обновления”, которая оставит в неизменном виде устои тоталитарного государства.

Следовательно, референдум был не по тому вопросу, который официально задавался. Его подлинной целью было получение у населения страны вотума доверия центральному руководству, отстаивающему единство СССР, необходимость укрепления которого действительно диктовалась в тот период нарастанием центробежных тенденций в республиках, краях и автономиях. Что это было именно так, что истинные цели референдума были совсем другими, доказала предпринятая ГКЧП в августе 1991 года попытка захвата власти нелегитимным путем – коммунистический путч, окончательно сорвавший возможность подписания большинством республик так долго и мучительно вырабатывавшегося ими нового Союзного Договора. Другими словами, референдум был отчаянной попыткой коммунистического руководства в обманной демократической оболочке спасти, опираясь на “единодушное одобрение”, свою неограниченную политическую власть. Ведь для этих руководителей подписание нового Союзного Договора означало если не утрату высших государственных должностей, то существенное сокращение прежних полномочий.

Однако результаты референдума были обратными ожидаемым: чуть менее половины голосовавших, вероятно, интуитивно понимая лукаво-манипуляторскую суть вопроса, проголосовало или против сохранения Союза, или вообще уклонилось от ответа. В итоге референдум не только не сыграл позитивной роли в укреплении громадного государства, но и своим иезуитским вопросом подтолкнул это государство к распаду, что обернулось драмой и трагедией для десятков миллионов людей:

кровавыми войнами между республиками, потоками беженцев, разрывом экономических и родственных связей, ущемлением прав некоренных национальностей и русофобией, переделом государственных границ и т. п.

На примере референдума есть смысл более отчетливо обрисовать характерные уловки и приемы, которые применяются в политической практике.

Прежде всего заметим, что политический референдум в тоталитарном государстве, лишь приукрашенном демократическим флером фальшивых Советов народных депутатов, обеспечивавших теневое властвование партии, неизбежно, вне зависимости от – предположим на миг! – доброй воли его инициаторов, приобретает ту или иную степень манипулятивности. Так, в сущности, и произошло, ибо сама форма референдума, предполагающая в норме свободный выбор, была лишь прикрытием его фактического отрицания, порождаемого скрытым содержанием задаваемого на референдуме вопроса. Апелляция к свободе воли респондента – “Считаете ли Вы необходимым...” – создавала иллюзию, что от его разумного решения зависит судьба государства. Все содержание вопроса было ориентировано на актуализацию скрытых иррациональных сил и политических стереотипов личности респондента. Они должны были парализовать продуманность его действий и принудить к такому решению, которое было инспирировано авторами вопроса.

Кроме этого, в вопросе мы встречаемся с манипуляторскими приемами, применяющимися и в других областях социальной практики. Например, с приемом контекста, о котором я уже упоминал. Суть его достаточно проста. Представьте себе, что знакомый эмоционально рассказывает Вам, что все кругом воруют. А между делом вставляет в свой рассказ нейтральное упоминание о Вашем приятеле Иванове. Если Вы человек простосердечный и неискушенный, то в Вашей памяти может остаться красочный рассказ о всеобщем воровстве и об Иванове, на которого в этом случае падает тень подозрения в соучастии в неприглядных делах. Еще более отчетливо данный прием проявляется в “художественном” оснащении политиче-

ских демонстраций, когда в одном ряду несут портреты Гитлера, Сталина и, например, Горбачева или Ельцина, что автоматически дискредитирует последних. Контекст часто выполняет и роль дымовой завесы, препятствующей осознанию важности отдельных фактов и событий. Так, на телевидении и радио важные факты нередко теряются в потоке других, объективно малозначимых сообщений. В этом случае громадные объемы информации, получаемые реципиентом из телепрограмм, не только не способствуют активности его мышления, но служат очевидным препятствием для нее. Более того, авторитетная манера подачи информации подавляет его интеллектуальную самостоятельность.

Так и в вопросе на референдуме. Его преднамеренная усложненность, избыточность вместо ясности и однозначности, запутанность логики и, кроме того, апелляция к привычным советскому человеку ценностям в сумме играли роль контекста, который должен был усыпить интеллектуальную бдительность реципиента, подавить своей внушительностью его возможные сомнения, размышления о судьбе громадного государства.

Дымовая завеса, созданная приемом контекста, позволила применить на референдуме и следующий прием, который можно назвать "вуалью". Он предполагает сокрытие истинной цели под покровом официально декларированной задачи, в данном случае – сохранения единства государства. Респондент, наивно поверивший, что эта задача является единственной целью референдума, позволял запрограммировать себя на исполнение подлинной задачи – легитимную поддержку власть имущих, имитирующих стремление проводить политику обновления Союза. Целевой дезориентации голосующих способствовала и скрытая тавтологичность вопроса: сохранить то, чего нет, но будет, а будет в основном то, что уже есть сейчас. Эта тавтология несет в себе суггестивный потенциал, попытку внушения, которое, как известно, строится на неоднократном повторении одного и того же.

Наконец, главное: названные приемы должны были активизировать теневую часть личности респондента, чтобы именно

она определила ответ на вопрос. Под теневой частью я имею в виду иррациональную и фетишистскую веру в будущее, которую удалось за десятилетия сформировать у советского человека, а также захваченность его сознания коммунистическим идеалом. Благодаря этому идолу-идеалу политбюрократия смогла добиться духовного отчуждения индивидуального будущего у миллионов людей и с помощью взятой взаймы у будущего власти – господствовать над ними в настоящем. Кроме того, этот идол санкционировал откладывание тремя поколениями людей полноценной жизни до лучших времен и делегирование ими ответственности за свою жизнь и судьбу руководству партии и государства. В расчете на глубоко укорененное в советском человеке патерналистское ориентирование полная мера прав и свобод обещалась ему только в будущем. Замечу, что никакое, даже самое цивилизованное государство в принципе не может дать полную меру таких гарантий, ибо она не только складывается из его правового или военного статуса, но и предполагает высокую национальную толерантность самих людей, их воспитание в традициях гуманизма. Следовательно, слова “в полной мере” являются еще одним обманом, ибо культивируют в сознании реципиента иллюзию о не существующей в принципе у государства возможности полностью гарантировать права и свободы человека любой национальности. Более того, эти слова выдают стремление властей вновь отнять у людей индивидуальную способность защиты и борьбы за свои общечеловеческие права.

Таким образом, мы подошли к истинной сути вопроса референдума – попытке актуализировать у людей механизм иррациональной веры в будущее (тьма), чтобы вновь оторвать их от укорененности в настоящем, парализовать понимание своего действительного положения в нем. Элиминация с помощью тени гносеологического измерения личности голосующих нужна была затем, чтобы люди, спроецированные, как и прежде, в “коммунистическое завтра”, сказали дружное “да” отрицанию своего настоящего, чтобы они сделали “выбор” в пользу отрицания своей способности самим строить сегодня свою соб-

ственную жизнь. Заставить людей расписаться в собственном бессилии, отнять у них право на полноценно-деятельную жизнь “здесь и теперь”, лживо обещая одарить их этим правом в будущем – такова была, по-моему, еще одна сверхзадача референдума.

Итак, на примере референдума о судьбе СССР мы видим масштабную социально-политическую имитацию акта самореализации человеческой личности. Эта хорошо организованная имитация строится на уподоблении скрытого насилия над человеком в области его духовности акту принятия им свободного решения по обустройству своей жизни и судьбы. Мимикрия насилия под этот акт преследует задачу тайной узурпации свободной воли, сознательности и социально-политической активности миллионов людей. Для этого с помощью разнообразных приемов вызываются к жизни “духи” человеческой тени, и тогда индивиды могут принять правдоподобие за правду и дойти до личностного самоотрицания.

Другими словами, манипулирование в своем деструктивном аспекте развивает деятельную активность индивидов в самоотрицании, ибо в этом случае их мышление, чувства и т. д. перестают им принадлежать, они отчуждаются организованными политическими силами, превращающими людей лишь в подручное средство для собственного функционирования. Отсюда ясно, что истоки, порождающие социально-политические манипуляции, нужно искать, в первую очередь, в режиме статус-кво определенного общества, а следовательно, в нездоровом и агрессивном консерватизме тех политических элит и социальных групп, для которых общественные изменения представляют угрозу их материальному и духовному доминированию в социуме. Благодаря их активности и усилиям манипулирование, подобно всепроникающей радиации, скрыто поражает важнейшее достояние человека – его подлинную личность. Эта “радиация” идет по определенным институциональным каналам, о чем мы и будем говорить в следующей главе.

Глава V

ТЕНЕВАЯ РЕГУЛЯЦИЯ МАСС-КОММУНИКАЦИОННОГО СОЗНАНИЯ

Эффективность журналистики – деятельности по сбору, обработке и распространению актуальной, социально значимой информации – обычно оценивается по степени ее влияния на общественное мнение и массовое сознание, а также – опосредованно – на поведение малых и больших групп людей. Но очень редко воздействие журналистики интерпретируется через ее диалог с отдельной человеческой личностью, в плане влияния на индивидуальные качества социальных индивидов, модификации их поведения и жизнедеятельности¹. Недооценка этого аспекта связана с тем, что средства массовой информации (СМИ) прежде всего вынуждены учитывать количественные параметры аудитории и ее особенности в целом, ибо умелое их использование и приносит тому или иному средству информации успех, экономический, социальный и политический капитал.

Между тем бесспорно то обстоятельство, что отдельный человек, повседневно или периодически читая газеты и журналы, слушая радио или просматривая телепрограммы, остается с ними “один на один”, т. е. находится в непосредственном индивидуальном контакте с журналистским текстом. Это позволяет поставить вопрос о конкретных взаимоотношениях индивида с текстами, о влиянии журналистики на отдельную человеческую личность. Взаимоотношения между ними не исчерпываются, как приходится слышать, лишь поверхностным информированием, осведомлением о каких-либо событиях. Они включают большую гамму других аспектов, начиная с познавательного, ценностного и заканчивая эвристическим и поведенческим. В самом широком смысле эти отношения содержат в себе все богатство актуальной культуры конкретного общества, с одной стороны, и индивидуального опыта – с другой. Преро-

гативой средств массовой информации становится оперативное и регулярное слияние общезначимых продуктов социального опыта с опытом собственной жизнедеятельности индивидов.

Иными словами, воздействие журналистики распространяется на более глубокие, интимные структуры личности ее реципиента, на его убеждения, потребности и смысложизненные ориентации. Более того, журналистика способна оказывать влияние на духовную и практическую связь личности с индивидуальной формой ее бытия. Особенно явственно это обнаруживается в публицистике – журналистике с ярко выраженной личностной доминантой. Публицистика наделяет реципиента стимулами, мотивациями и оценками, которые становятся при определенных обстоятельствах духовными основаниями его индивидуальной жизнедеятельности.

Многообразная связь журналистики со своими реципиентами все более очевидна сегодня, когда деятельность средств массовой информации в силу их бурного технического развития почти не ограничивается государственными, языковыми, культурными барьерами и их влияние на повседневную жизнь людей приобретает всепроникающий, едва ли не тотальный характер. Кроме того, это влияние является духовным коррелятом тех интернациональных экономических, политических, культурных процессов, которые подвергают быстрым изменениям и модификациям локальные, прежде замкнутые в пределах регионов и стран формы человеческой жизни. Люди все более испытывают настоятельную нужду в большом массиве разнообразной информации.

Необходимость в регулярном информировании возникла, как свидетельствуют исторические источники, в результате первых успехов предпринимательской, коммерческой деятельности на европейском континенте и перехода человечества от традиционного аграрного общества к индустриальной цивилизации.

Становление в XVI–XVIII веках печатных средств общения шло достаточно прихотливыми путями. Я остановлюсь на исторических предпосылках их возникновения, во многом предоп-

ределивших внутреннюю структуру и этос журналистского труда, а значит, и характер манипуляторского воздействия на реципиента.

В хозяйственно-экономической сфере становление средств массовой информации связано, в первую очередь, с бурным развитием товарного производства и обмена, с возникновением первых промышленных форм труда и новых индустриальных центров, куда из сельской местности перемещаются большие массы населения. Люди разрывают узкие рамки локальных хозяйств, живущих за счет продуктов своего труда, постепенно освобождаются от феодальной зависимости и патриархальности. Предпринимательская деятельность европейской буржуазии распространяется на колонизируемые ею территории Америки, Азии, Африки, вовлекая эти континенты в орбиту новых общественных отношений. Интенсификация торговли, обмена, коммерции знаменует наступление эпохи первоначального накопления капитала, создаются новые, в мировом масштабе, формы совместной деятельности людей, процесс воспроизводства и изменение условий жизни порождают новые многосторонние зависимости индивидов.

Однако эта деятельность, вырвавшаяся из рамок обособленных хозяйств, узких пространств, замкнутых пределов социальных групп в общественную макросреду, не находит адекватной поддержки в формах и средствах духовного общения, структура которого была сформирована прежней микросредой жизнедеятельности людей, где господствовали устное общение и эпистолярный жанр. Иначе говоря, новая становящаяся практика рыночных отношений не подкреплялась духовными коммуникациями.

Этот разрыв начинает устраняться с появлением в Италии, Германии и Англии специальных торгово-осведомительских, корреспондентских бюро, информирующих своих клиентов о наличии в разных регионах тех или иных товаров, их ценах, о безопасности дорог, морских путей и т. п. Журналистика на первых порах осуществляет информационное посредничество между читателями и сферой коммерции и торговли и занимает-

ся распространением разнообразных известий и новостей (т. е. выполняет функцию, принадлежавшую в средние века гонцам и почтмейстерам). Кроме того, для журналиста информация впервые становится товаром, который он продает заинтересованным лицам. И вместе с тем, являясь живым олицетворением информационной рыночной связи, он получает потенциальную возможность влиять на своих читателей посредством новостей, ибо их интерпретация, подача и распространение становятся его профессиональным делом. Примечательно, что подчеркнутая беспристрастность в подаче информации поначалу служит своеобразной рекламой качества сообщений. Так, под заголовком издаваемой в 1609 году в Германии “Страсбургской газеты” указывалось: “Все известия напечатаны в том виде, в каком были получены”².

Между тем общественная потребность в регулярной и оперативной деятельности по “изготовлению новостей” достаточно остро возникает не только в хозяйственной сфере, но также и в динамично развивающихся в этот период духовной жизни и культуре.

Резкое возрастание новых производственных, технических потребностей активно стимулирует развитие науки. Она приобретает самостоятельный статус, отделяется от философии, постепенно членится на естественные и общественные науки. Нравственность отпочковывается от религии, мораль в известной степени становится светской. Идет специализация искусства: возникают жанры оперы и балета, обретают собственные черты оркестровая, камерно-ансамблевая музыка и т. д. Происходит тематическая дифференциация живописи. Например, в Голландии одна часть живописцев подвизается в области морского пейзажа, другие художники рисуют только город, третьи пишут лес, четвертые – равнины³.

Этот процесс дифференциации, разделения труда в духовном производстве, ведущий к формированию разнообразия творческих индивидуальностей, связан со всеобщей потребностью охватить и подвергнуть углубленной переработке расширившийся за короткое время предметный мир, окружающий

человека, понять и осмыслить богатство новой религиозной, научной, нравственной, эстетической тематики и проблематики. Он указывает на рост духовности совокупного субъекта культуры, увеличение удельного веса его духовных способностей и потребностей, расширение и углубление сфер его познавательной деятельности.

Стимулом этого процесса, новым средством духовного общения стало появление печатной книги. Рост количества и тиражей книг происходил в непосредственной зависимости от распространения грамотности, роста образовательного уровня читательской аудитории. Однако, во-первых, книга не могла быть оперативным и регулярным средством трансляции культуры. Например, роману “Дон Кихот”, чтобы обойти только Европу, понадобилось несколько столетий⁴. И, во-вторых, книга не меняла структуру духовного общения, которое оставалось межличностным и спорадическим, а не массовым и регулярным.

Потребность именно в массовом, регулярном общении обострилась в связи с тем, что активизация рыночных отношений пробудила массы от средневекового сна. Уже лютеранская и кальвинистская Реформация обнаружила способность масс бороться и отстаивать свои гражданские права. Исключительную остроту приобретают социальные коллизии в ожесточенных битвах Великой крестьянской войны в Германии, в яростном разгуле страстей в период религиозных войн между католиками и гугенотами во Франции. У масс появляются свои вожди – философы, политики, идеологи, сочетающие пропаганду свободы с идеями равенства и братства, а защиту индивидуализма и прав личности с идеалами будущего народного благоденствия. Эти демократические идеи вдохновляют мятежников североамериканских колоний в борьбе за независимость, звучат как боевой клич в парламенте во время английской буржуазной революции, свергнувшей в 1648 году господство абсолютизма, являются одной из причин крушения феодального строя на севере Европы – в Нидерландах.

Превращению демократических идей в идеалы народных движений способствует и политическая публицистика. Полити-

ческие листовки и памфлеты периода Реформации, подметные письма во время массовых бунтов в России, письменные прокламации и манифесты освободительных движений в Америке обретали способность оперативно воздействовать на настроения и чувства людей, влиять на их мировоззренческие ориентации. Однако эта “летучая публицистика” так же, как и печатная книга, не была периодической, не могла обеспечить широкий охват аудитории, всестороннее и подробное освещение актуальных общественных событий.

Таким образом, в XVI–XVIII веках и в хозяйственно-экономической жизни, и в духовной и политической областях накапливалась потребность в массовом, регулярном общении, которая в конечном итоге и реализовалась в возникновении нового общественного института – периодической печати, исторически первого СМИ. Человеческие индивиды, входя в новую макросреду существования и осваивая новые всемирно-исторические формы кооперации, совместной деятельности и обмена материальными и духовными ценностями, получают в лице печати действенный источник информации, адекватное средство общения, регуляции индивидуальной жизнедеятельности. Благодаря росту полиграфической базы, совершенствованию технологии журналистского творчества печать постепенно становится регулярной, оперативной, документальной, универсальным средством влияния на массовое и индивидуальное сознание. Вслед за развитием разделения труда и дифференциацией духовного производства постепенно формируются политические, литературно-художественные, научные, религиозные, технические и коммерческие издания, в целом представляющие собой информационный механизм аккумуляции и актуализации социального опыта и культуры в жизнедеятельности индивидов. В начале XIX века с появлением металлического печатного станка, скоропечатной машины с ножным приводом наступает “эра больших тиражей”. Журналистика становится, с одной стороны, доходным делом, регулируемым массовым спросом на рынке информационных услуг, а с другой – расширяет свое влияние на различные, в том числе и

социально дискриминируемые слои общества, служит подъему его общей культуры. Кроме того, как социальный институт, воплощающий в себе идеи гласности, свободы слова и интеллектуального труда, суверенности прав народа, ставшие в европейских странах, особенно в период Великой французской революции, достоянием общественного мнения, печать способствует становлению гражданского общества, росту демократических начал в политической, экономической и культурной жизни.

Таким образом, журналистика выступает в истории и как социальный институт и как общественная деятельность, опосредующая с помощью актуальной информации связь отдельных индивидов с совокупностью новых изменений в обществе, с динамикой окружающего мира. Она координирует темпы социальной жизни с ритмами индивидуального существования и, обеспечивая их параллелизм, синхронизацию и определенную интеграцию, выполняет разнообразные функции ориентации индивидов в социуме.

Указанные предпосылки, условия становления прессы преобразуются затем во внутреннюю структуру журналистского труда, организуя его в форме абстрактных типологических схем: 1) информационно-познавательной, 2) ценностно-ориентирующей, 3) коммуникативно-семантической, 4) утилитарно-прагматической. Последняя связана с проблемой выживаемости органов информации и их зависимостью от различных политических, культурных, социально организованных сил. В сумме эти практические схемы конституируют в общественном разделении труда деятельность журналиста, которому аудитория, читатель фактически делегируют повседневный анализ, осмысление и оценку событий в мире.

Необходимо отметить, что факт трансцендентности мира по отношению к отдельным индивидам, составляющим аудиторию средств массовой информации, объективно содержит в себе возможность злоупотреблений монополией журналистики на повседневное оперативное сообщение информации о запредельной для этих индивидов реальности. Кроме того, этот факт,

значение которого объективно усиливается нарастающей активностью журналистики в обществе, служит и основой своеобразного раздвоения личности реципиента: его повседневной ориентации не только на осязаемо близкий и реальный, но и на воображаемый мир, т. е. на знаково-символическую реальность, создаваемую средствами массовой информации.

Потому культивирование в индивидах данной ориентации на основе их потребностей в обновлении информационных связей с обществом открывает эффективный путь влияния журналистики на субъективность реципиентов: создание у них истинных или ложных картин и образов, репрезентирующих трансцендентную реальность и, следовательно, неявным образом воздействующих и регулирующих их личное отношение к ней, а в конечном счете – и поведение, стиль жизни индивидов в социуме. Отсюда появляется возможность скрытого манипулирования чувствами, ценностными ориентациями, мышлением реципиента, которая связана, в первую очередь, с прагматическим аспектом функционирования журналистики в качестве общественного института.

Речь идет о тех интересах органов информации, которые порождаются необходимостью их выживания и извлечения из духовного обмена в обществе собственного политического, социального и коммерческого капитала. Удовлетворение данных интересов в основном зависит от конкретных политических и социальных сил (групп, слоев, классов), претендующих на влияние, авторитет, имущественную, политическую и духовную власть в обществе. Эти силы нередко используют журналистику в целях пропаганды собственных ценностей и идеалов, которые включаются таким образом в духовный обмен и обретают легитимность в массовом и индивидуальном сознании. И журналистика в немалом числе случаев становится своеобразной “дымовой завесой” – прикрытием идеологизированной пропаганды, обретающей возможность скрытого и потому более эффективного влияния на реципиента. Иными словами, разрыв между утилитарно-прагматическим и другими (информационно-познавательным, ценностно-ориентирующим, коммуни-

кативно-семантическим) аспектами функционирования журналистики как социального института, воплощающего в себе свободу слова и гласность, призванного давать правдивую, регулярную, оперативную и универсальную по охвату информацию, преодолевается специфическим образом с помощью манипуляторской функции журналистики.

Действительно, чтобы продать свой товар – актуальные факты, события, их оценки, идеи, журналистика должна придать ему черты всеобщей полезности и необходимости. При этом она вынуждена исключать все то, что могло бы указать реципиенту на ее собственную меркантильную заинтересованность в тех или иных формах информирования общества. “Все известия напечатаны в том виде, в каком были получены” – этот девиз “Страсбургской газеты” и сегодня остается в известном смысле коренным условием успешной журналистской деятельности.

Но на эту общечеловеческую норму журналистики на протяжении всей истории ее существования перманентно покушаются те, кто хотел бы использовать уникальную духовную всеобщность данного социального института, масштаб и оперативность влияния прессы в партикулярных интересах и целях. Не случайно требование свободы печати, провозглашенное в XVII веке, остается актуальным и по сей день. Для американцев это требование, зафиксированное в первой поправке к Конституции Соединенных Штатов, является символом свободы и предметом неиссякающей национальной гордости.

Рассмотрим в историческом контексте, каким образом указанный разрыв порождает манипуляторскую функцию журналистики. Диссонанс информационно-познавательного и прагматического аспектов проявляется прежде всего в умении прессы “лгать с помощью правды”, т. е. превращать известия об определенных событиях в пропаганду и дезинформацию.

Новости – ключевой момент в работе журналистов. Они помогают реципиенту перманентно приспосабливаться к происходящим в мире изменениям, вырабатывать духовные и практические реакции на ранее неизвестное. В основе новостей

лежат единичные, актуальные, подчас уникальные факты бы-
стротекущей и обновляющейся реальности, из бесконечного
разнообразия которой и сплетения различных обстоятельств и
событий журналист должен выделить определенную информа-
цию, представляющую общественный интерес. Стало быть,
знание об отдельных фактах окружающего мира уже есть в
данном случае истолкование его, ибо включает субъек-
тивность журналиста, его скрытое мнение о важности, значи-
мости тех или иных событий, даже если они впоследствии
никак не комментируются. “Я не люблю излагать новость. Я
люблю делать ее”, – так выразил профессиональное кредо один
известный журналист⁵.

Конечно, субъективность журналистики в отборе и интер-
претации событий имеет в норме известный предел, обуслов-
ленный объективной внутренней логикой самих событий и
фактов, чрезвычайно сложным “атомарным” строением истори-
ческой действительности. Но вместе с тем логика, возни-
кающая из сцепления данного факта с другими, не исключает
элиминацию каких-то его деталей, сторон, связей. Поэтому
фигура умолчания, всегда потенциально присутствующая
в процессе журналистского отбора и неизбежной интерпрета-
ции фактов, может в одном случае обнажить их подлинную
значимость, а в другом – быть скрытой формой обмана реципи-
ента. В последней ситуации мы имеем дело с ложью умолча-
ния.

Она может быть использована, например, для затушевыва-
ния экономической и политической подоплеки событий, о
которых журналист в силу своего профессионального долга
вынужден сообщить, избегая, однако, упоминания о тех их при-
чинах, сторонах, последствиях, обнаружение которых проти-
воречит или подрывает позиции близкой ему партии или угро-
жает интересам владельцев средств массовой информации. Так
умолчание имитирует информационную пустоту – Ничто, за
которым скрывается очень важное Нечто, и, прежде всего,
стремление за фасадом новостей осуществлять влияние и кон-
троль за восприятием событий аудиторией.

Манипуляторское воздействие фигуры умолчания в журналистике чрезвычайно усиливается еще одним важным обстоятельством. Дело в том, что объективно журналистика вовлекает человека в процессы массового и опосредованного (косвенного) общения, где он пользуется уже отобранной для него информацией. Реципиент может лишь произвести более или менее сознательную вторичную селекцию фактов в уже просеянном прессой информационном потоке. Однако журналистика благодаря развитию полиграфической базы и аудиовизуальной техники, а также совершенствованию публицистического искусства научилась создавать иллюзию прямого, эмоционально-личностного контакта с реципиентом, более того – придавать своей информации с помощью эффектов документальности и новизны иллюзорное свойство первичности, т. е. неинтерпретированности. Поэтому, во-первых, новизна и фактографичность могут скрыто подменить объективность и правдивость освещения событий. А, во-вторых, доверие, возникающее у аудитории благодаря указанным иллюзиям, способствует усилению невидимой зависимости ее мнений, оценок, идейно-политических позиций от соответствующей журналистской информации и может перерасти в безоглядную, иррациональную веру в нее.

Появление такой веры можно проиллюстрировать на примере современной электронной прессы, где срабатывает “эффект присутствия”, превращающий телезрителя не только в свидетеля, но и в участника конкретных событий. Изобразительность, зрелищность, эмоциональность телевизионного действия вытесняют, как правило, на периферию восприятия реципиента тот факт, что визуальная информация отбирается и оценивается репортером, телеоператором, режиссером, редактором и другими специалистами, ответственными за выпуск телепередачи. Даже прямые репортажи имеют план отражения, подают события в определенном ракурсе. Кроме того, они, как правило, сопровождаются комментарием, расставляющим смысловые акценты в видеоряде, где словесные клише, интонация, вокальные нюансы, паузы имеют подчас не меньшее значение,

нежели сама изобразительность. Поэтому и умолчание о существенных сторонах фактов – будь то тенденциозное сообщение о политическом митинге или демонстрации социального протеста, превращающихся подчас в журналистской “упаковке” в угрожающую обывателю агрессивную толпу, – становится крайне эффективным пропагандистским подтекстом или дезинформацией.

Кроме того, в результате сжатия и уплотнения программ новостей на телевидении данному событию могут быть отведены такие временные рамки, которые не соответствуют его подлинному общественному значению и содержанию. Здесь недоговоренность также становится теневой формой связи с сознанием реципиента, которая скрывает в себе навязывание вполне определенного отношения к изображаемому и сообщаемому.

Информационно-познавательный аспект журналистики включает в себя наряду с приемами, связанными с искусственным недостатком информации (умолчание, недоговоренность), методы, обусловленные ее избыточностью. На всем протяжении истории журналистики широко применяется такой прием, как придание сенсационности тем или иным событиям.

Следует, однако, заметить, что погоня за сенсацией отражает стремление журналистов к общественному успеху. Поэтому сама по себе сенсация – будь то сообщение о первом выходе человека в космос или открытии неизвестного ранее вида животных – является нормой их творчества, а открытие сенсации – свидетельством высокой профессиональной квалификации. Сенсация выдвигает то или иное событие в фокус общественного внимания, имеет широкий резонанс, и здесь уместны и броские заголовки, и впечатляющие фотографии, а также повышенно-эмоциональный тон и превосходные степени в оценках. Все эти средства действительно будут соответствовать грандиозности либо уникальности события-сенсации.

В противоположность сенсации сенсационность является ее правдоподобной имитацией, она нацелена на искусственную драматизацию фактов и событий и искажает их подлинный

смысл. Вместо объективного значения эти факты в каналах массовых коммуникаций обретают ложную субъективную значимость (в результате эффекта драматизирующего воздействия) и служат в качестве приманки, возбуждающей и ошеломляющей реципиента или рассчитанной на его праздный интерес и нездоровое любопытство. Сенсационность может до такой степени взвинчивать эмоции людей, что ее влияние на человека становится сопоставимым с наркотическим.

Особенно присуща сенсационность бульварной прессе, красочно интерпретирующей сомнительные факты общественных скандалов, финансовых махинаций либо пикантные подробности из жизни высших слоев общества. Приобщение социальных низов к подобной информации становится своеобразной “терапией побега от действительности”: оно смягчает остроту жизненных проблем и дает отдохновение от беспросветности обыденного существования. Те журналисты и издатели (например, в XIX веке английский издатель Леви), кто улавливал и культивировал эти информационные ожидания, наживали на сенсационности, эксплуатирующей тематику “социальных нечистот”, большие состояния. Таким образом, преднамеренная сенсационность подачи определенных событий может быть информационной политикой, выполняющей скрытый социальный заказ тех или иных общественных слоев и классов.

Механизм сенсационности, строящийся на искусственной избыточности информации, обнаруживает себя в так называемых “утках”. Как профессиональный термин это слово пришло из французского языка, где имело значение “нелепой истории, которая рассчитана на доверчивых слушателей с целью потешиться над ними”⁶. “Утку” отличают лживость и крикливость, она может отражать и реальное событие, но подавать его в превратном виде, что становится поводом для усиленной циркуляции в обществе домыслов, слухов, сплетен (лохнесское чудовище, снежный человек, НЛО и т. п.). К “уткам” примыкают и “фактоиды” – инспирированные самими средствами массовой информации экстраординарные псевдособытия, псевдофакты, рассчитанные на ажиотаж аудитории и завоевание новых реципиентов.

Избыточность информации, являющаяся основой манипулирования масс-коммуникационным сознанием, обнаруживается (особенно на телевидении) в мозаике сообщений, не связанных причинно-следственными зависимостями и не обладающих перспективной и логической последовательностью. Стянутые в одну точку пространства и времени, они предполагают форсированную работу восприятия и воображения реципиента, затрудняющую, в свою очередь, извлечение скрытого за событийной канвой смысла событий. Кроме того, мозаика новостей в результате их взаимоотражения дает, по мнению специалистов, эффект резонанса – взаимоусиления, “мозг превращается в решето, в которое ежечасно вываливается ворох иногда важных, но в основном пустых информационных сообщений”⁷. Таким образом, мозаичная информация создает в голове реципиента пульсирующий хаос, парализующий осмысленно-индивидуальное восприятие событий, но дающий иллюзию полноты осведомленности.

Нехватка (умолчание) и избыточность (сенсационность) информации о событиях используются органами информации, связанными с властными структурами, в манипуляциях секретностью, выражающихся в преднамеренной организации “утечки информации”. Эта уловка рассчитана, как правило, на предубежденность обывателя в том, что власти вершат свои дела втайне. Поэтому и разоблачение неадекватности такой информации – эксклюзивных материалов, “доверительных сообщений”, исходящих из анонимных источников, затруднено сильным психологическим сопротивлением реципиента, который в этом случае бессознательно защищает и свои предрассудки. Так, используя прием “утечки информации”, журналисты “запускают” в массовое сознание фальшивые документы, клеветнические измышления, инсинуации в отношении политических противников, неугодных властям лиц с целью дискредитации и подрыва их общественно-политического авторитета.

Умолчание, сочетаемое с искусственной избыточностью информации, используется органами массовой пропаганды в целях создания ирреальной картины действительности, которая,

с одной стороны, обуславливает скрытое отчуждение друг от друга субъекта и объекта политической власти, а с другой – создает всеобщую иллюзию их согласия и гармонии. Так, большевики в первый год после революции вместе с ликвидацией прежних государственных структур и партий закрыли сотни газет и журналов, программа которых расходилась с их политической позицией. Однако уже в резолюции XII съезда партии (1923 год) записано: “Для каждого основного слоя читателя необходимо создать особый тип газеты. Имея целую систему газет, партия должна более или менее точно распределить между ними сферу деятельности, чтобы каждая газета ориентировалась по преимуществу на определенный слой массы читателей”⁸. Пресса была дифференцирована на общеполитическую, социально-групповую, профессионально-отраслевую, на издания, учитывающие демографические особенности аудитории – для женщин, детей, молодежи и т. д. Эта дифференциация печати по основным признакам читательских групп предполагала всеохватность фактов и событий, полное выражение общественного мнения в стране. Кроме того, был введен еще один принцип: каждому основному звену институтов политической организации общества, всей системы управления – особый тип печатной продукции⁹. Этот принцип дополнил дифференциацию печати по субъекту управления – возникают партийные, советские, профсоюзные, комсомольские и отраслевые издания. Таким образом, вся система прессы была скоординирована для решения единых политико-идеологических задач.

Читатель, лишенный альтернативных источников информации, но введенный в заблуждение их количеством и разнообразием, создававшим лишь иллюзию выбора, оказался в искусственно созданной ситуации получения однотипной, санкционированной сверху информации. Поэтому под прикрытием информирования его можно было заставить думать, чувствовать и действовать так, как того требовали власти и безраздельно господствующая коммунистическая идеология. Однако этот скрытый контроль за субъективным миром личности реципиента имел для властей эффект бумеранга.

Дело в том, что журналистика, особенно общеполитическая пресса, опосредует связи субъекта и объекта политической власти, представляя первому информацию о текущих процессах, с учетом которой он принимает те или иные управленческие решения. В свою очередь, обсуждение, обоснование, разъяснение этих решений также является в известной степени прерогативой печати. Однако, лишенная в тоталитарном обществе независимости, пресса вынуждена была давать только “нужную”, “официальную”, “удобную” информацию, занимаясь фальсификацией реальных процессов и умалчивать о том, что противоречило линии властей, их идеологическим установкам.

Об этом свидетельствуют, например, секретные обзоры крестьянских писем в газету “Правда”, обнаруженные в архиве академика М. Савельева, который был членом ее редколлегии и главным редактором. Вспомним, в 1928–1930 годах крестьянство, пережив разруху, голод гражданской войны, продразверстку военного коммунизма, слегка поднявшись в годы нэпа, вновь было обложено непомерными и бесчисленными налогами, которые подавляли хозяйственную инициативу, разоряли крепкие хозяйства, погружая деревню в пучину нищеты. Для ознакомления руководителей средств массовой информации журналисты под грифом “Совершенно секретно” составляли обзоры крестьянских писем в газету. “Каждый документ имел нечто вроде аннотации, именуемой по установленному образцу “основная мысль письма”. Интересно, что чем резче был материал, тем более обтекаемой была эта “основная мысль”, сформулированная работниками редакции. Создается впечатление, что рядовые сотрудники “Правды” испытывали страх, читая откровенные, полные боли, тревоги и ненависти письма мужиков, и пытались сгладить их резкость расплывчатыми или сугубо практическими заголовками”¹⁰.

Если подобному редактированию подвергались письма для внутреннего пользования, то можно представить, какую мощную цензуру проходила опубликованная в печати информация. Естественно, она способствовала отрыву властей от реальности, принятию неверных решений и управленческих стратегий,

дезорганизирующих общество, и, кроме того, углубляла отчуждение народа от власти. Таким образом, со страниц разнообразных изданий власти слышали в основном “собственный голос”, бумерангом возвращенный им журналистикой, лишь имитирующей полнокровную информационную связь между управляющими и управляемыми. Эта имитация усугубляла их отрыв друг от друга. Стало быть, антагонизм прагматического аспекта организации журналистской деятельности и ее познавательно-информационного начала привел к манипуляциям, ценностно дезориентирующим реципиентов.

В историческом плане превращение журналистики в ценностно-ориентирующую деятельность, индивидуализированно влияющую на потребителя массовой информации, связано прежде всего с публицистикой. Выросшая из страстных публичных речей ораторов Древней Греции и Рима, она и в печатной форме сохранила особую заразительность, способность целенаправленно и оперативно влиять на сознание и поведение людей. Вряд ли будет натяжкой сказать, что благодаря печатной публицистике журналистика из беспристрастного регистратора событий превращается в пропагандистскую деятельность и ее функцией становится не только сообщение новостей или развлечение читателей, но и более глубокое, преобразующее воздействие на их личность.

И вместе с тем в этом усилении связи журналистики со своим реципиентом скрывалась возможность разнообразных aberrаций читательского мировосприятия. Так; читатель верил, что публицист выражает его собственные мысли и чувства, является его “голосом”, “глазами” и “ушами”, тогда как в действительности он принимал мысли и чувства публициста за свои собственные. Этот эффект оракула – скрытого программирования сознания реципиента рождается потому что, во-первых, читатель видит в публицисте образец знания, мудрости и понимания окружающего мира, а во-вторых, потому что публицист превращает смутные, неясные и бессознательные интенции его личности в отчетливые и хорошо отрефлексированные понятия. Рефлексия индивидуального и социального бес-

сознательного, источники которых лежат, прежде всего, в сложности, спонтанности и непредсказуемости эволюции социальных порядков, начинает постепенно осваиваться газетно-журнальной публицистикой как одна из ее важнейших институциональных ролей.

Значение роли интерпретатора современной истории общества резко возрастало в период социальных катаклизмов, классовых конфликтов и революций, когда у людей усиливалась потребность в самоопределении, в принятии решений по переустройству общественной жизни, в практическом участии в том или ином социальном движении. Так, Ж.-П. Марат становится исключительно популярным благодаря своей газете “Друг народа”, по требованию масс он избирается в Конвент, где завоевывает новых почитателей, выпуская газету “Публицист Французской республики”¹¹.

Освоив функцию повседневного информационного посредника между человеком и окружающим его миром, журналистика вполне могла, используя ожидания и доверие своего читателя, претендовать на роль его учителя и воспитателя, покровителя и защитника его жизненных интересов. При этом та или иная оценка жизненного положения своих читателей, моральная, политическая и идеологическая интерпретация их практических и духовных устремлений нередко становятся непременным условием выживаемости политических и деловых изданий, ключом к их профессиональному и общественному успеху.

Патерналистский характер журналистики явственно обнаруживался по отношению к читателям, принадлежащим к низшим, социально дискриминируемым слоям общества, вынужденным вести борьбу за выживание. Журналистов, в своем большинстве являвшихся, особенно в XIX веке, работниками наемного труда, также волновали вопросы социальной справедливости, классовых привилегий и частной собственности, проблемы переустройства государства и общества. Газеты Кабе, Леру и других социалистов во Франции, чартистская и оуэнистская пресса в Англии, журналы Вейтлинга в Швейцарии, издания рабочих союзов в Германии, пожалуй, впервые в столь

массовом масштабе взяли на себя роль зашитников обездоленных и угнетенных, борцов за гражданские и человеческие права низов.

Однако в набирающей силу непримиримой классовой борьбе благородные намерения этих изданий способствовали подчас разжиганию и эксплуатации иррациональных страстей читательской аудитории, вызванных как циклами экономических кризисов в раннеиндустриальном развитии европейских стран, так и очевидным имущественным неравенством в обществе. Иными словами, социал-коммунистическая пресса санкционировала своим авторитетом высвобождение архаичных инстинктов масс, стимулировала чувства ненависти, враждебности и мести к обеспеченным и богатым, снимая таким образом нравственные запреты и правила, разрушая культурные традиции, обеспечивающие целостность того или иного государства и общества. "...Подорвать все основы существующего политического строя", – призывал революционную прессу молодой журналист К. Маркс¹².

Так формируется в печати метод пропаганды, который можно назвать антропоморфной персонификацией эволюции социальных отношений, или демонизацией. Он обусловлен императивом конкретности в отражении журналистикой текущих событий, необходимостью интерпретации современной истории на конкретных фактах и персоналиях. Отчетливо сформулировал эту необходимость К. Маркс на судебном процессе "Новой Рейнской газеты". "Долг печати, – говорил он, – заступаться за угнетенных в непосредственно окружающей ее среде... Недостаточно вести борьбу вообще с существующими отношениями и высшими властями. Печати приходится выступать против *данного* жандарма, *данного* прокурора, *данного* ландрата"¹³. Стихийная эволюция человеческого общества, спонтанно складывающиеся общественные отношения были представлены в коммунистической журналистике как продукт сознательной воли извечно борющихся классов, а неравноценность индивидуальной жизни людей, неравенство их доходов, общественного положения и статуса – как результат

намеренной эксплуатации бедных богатыми. Иными словами, на страницах этой прессы буржуа, предприниматель, государственный сановник, а подчас и просто любой владелец собственности, являющийся в значительной мере таким же орудием безличного и спонтанного общественного процесса, как рабочий, крестьянин или люмпен, превращались в проводников исторической злой воли, тайно и сознательно осуществляющих свое господство. Фиктивная персонификация, проводимая прессой, генерализирующей в конкретных социальных персоналиях общественные отношения, сочеталась с чрезвычайным упрощением подлинного значения общественного неравенства и внушением пролетариям иллюзии необычайной легкости его уничтожения. Подобные мысли звучали, например, в пропаганде вождя германской социал-демократии Ф. Лассалья, чьи исследования количественного соотношения между имущими и неимущими показали рабочим, "какое ничтожное меньшинство представляли их привилегированные противники"¹⁴.

Кроме того, антропоморфная персонификация совпадала с инстинктивным желанием пролетарских масс увидеть, несмотря на анонимные общественные порядки, конкретных деятелей, которые помогли бы раскрыть причины их бедности и нужды и объяснить привилегированное положение господствующих классов, власть имущих. Глубина влияния этого метода на массовое и индивидуальное сознание была усилена авторитетом коммунистической науки, вооружившей журналистов знанием причин социального гнета. Однако в процессе тиражирования даже относительно верных научных идей, их интерпретации на злободневных фактах неизбежны в силу законов массового общения их упрощение и тривиализация, обусловленные стремлением пропагандистов вызвать у аудитории однородную, массово-единообразную реакцию. В результате эти идеи превращаются в усредненно-обобщенные стереотипы – единообразные способы понимания и осмысления социально-политических реалий. А на уровне индивидуального сознания эти стереотипы подменяют в конечном итоге активное мышление и понимание – внушением, знания – иррациональной верой в

примитивизированные пропагандой теоретические положения. Так антропоморфная персонификация эволюции социальных порядков была дополнена методом, который можно назвать идеологической стереотипизацией (или мировоззренческой рационализацией) сознания. Конечно, оба названных метода не имеют эффективного влияния в среде высококультурных и образованных людей, для которых характерно разнообразие взглядов, вкусов, жизненных целей и от которых трудно ожидать единодушия и одномыслия по поводу какой-либо системы ценностей, даже если она подается средствами массовой информации как единственная и универсальная. Однако в дискриминируемых слоях общества эти методы компенсируют неспособность индивидов из-за отсутствия достаточного образования и материальных условий самостоятельно вырабатывать духовные ориентации, адекватно раскрывающие их место и роль в сложной структуре и эволюции социальных порядков. Низкий интеллектуальный и моральный уровень, неустойчивое мировосприятие, агрессивные чувства и инстинкты являлись для обоих методов той питательной средой, которая способствовала манипулированию массовым и индивидуальным сознанием.

Действенность этих методов обусловлена также тем обстоятельством, что работник наемного физического труда самими его условиями и спецификой приучен к тому, что знать, кому, когда и в каких размерах нужен производимый им продукт, – это, в сущности, дело работодателя. Точно так же он охотно допускает, что знать, “что такое пролетариат на самом деле и что он, сообразно этому своему бытию, исторически вынужден будет делать”¹⁵, – это привилегия интеллектуалов, способных идеологически обосновать существование рабочих и обрисовать им их жизненные перспективы.

Подчеркнем, однако, что стереотипизация в целом является, как уже говорилось ранее, нейтральным и органичным для обыденного сознания механизмом социальной перцепции, формирующей установку восприятия – готовность понимать и оценивать события в зависимости от предшествующего опыта и

устойчивых потребностей человека. В обывденных стереотипах есть познавательный-информационный компонент (знания) и эмоциональный, чувственно-оценочный, мотивирующий отношение человека к тем или иным событиям. Механизмы стереотипизации, действующие в повседневной духовной жизни, позволяют объяснить, как социальные идеи становятся достоянием обывденного сознания человека, приобретают для него личностный смысл.

Стереотипизация в качестве имманентного свойства присуща и деятельности средств массовой информации. Она происходит из необходимости повседневного аккумуляирования и концентрации в текстах сообщений элементов разрозненного индивидуального и группового опыта и превращения их в типизированные стандарты и образцы, через широкое распространение и усвоение которых и происходит формирование масс-коммуникационного сознания. Эта особенность массовой коммуникации позволяет, например, обобщать и превращать в эмоциональные клише различные человеческие чувства – любовь, тоску, ненависть, жизнелюбие, которые обретают надывдивидуальный характер, ибо из них уходит все уникальное, неповторимое, личностное (“мыльные оперы”). Стереотипизация позволяет также приспособливать научные, социальные идеи к среднему, стандартному, общезначимому уровню восприятия и понимания, давая таким образом возможность разным политическим силам упрочить свою неявную политико-идеологическую власть над масс-коммуникационным сознанием.

Силу влияния средств массовой информации через механизм стереотипизации хорошо понимал В. И. Ленин. Он подчеркивал, что без газеты “абсолютно неисполнима наша задача – сконцентрировать все элементы политического недовольства и протеста, оплодотворить ими революционное движение пролетариата”¹⁶. Уместно поэтому вспомнить, что сам В. И. Ленин в публицистической деятельности являлся непревзойденным творцом идеологием – идеологизированных стереотипов, в которых познавательный и эмоционально-оценочный компоненты находятся в такой неадекватной пропорции, что факти-

чески первый редуцирован ко второму. В результате этой редукции идеологемы оказывают агитационно-мобилизующее влияние на массы, становясь мотивационным побуждением к определенному поведению и деятельности. Так, идеологема о “всемирно-исторической роли пролетариата” благодаря большевистской прессе (“Искра”, “Звезда”, “Пролетарий”, “Правда” и др.) не только стала широко распространенной в низах социальной иллюзией, но и обрела мировоззренческий статус, став реальным мотивом революционной борьбы. Публицистика В. И. Ленина представляет наглядный пример стереотипизации этой идеологемы – отдельные проявления недовольства и социального протеста возводятся в ней в ранг типично-нормативных: “инстинкт рабочего класса”, “революционный гнев и ненависть”, “революционная страсть”, “пролетарское возмущение”, “революционное творчество”, “политический инстинкт рабочих” и т. п.¹⁷ Подчеркнем, что В. И. Ленин употреблял подобные словосочетания даже тогда, когда излагал, казалось бы, локальные, бытовые, далекие от политики факты и события. Очевидно, что здесь он следовал своим пропагандистским установкам “связывать с каждым местным и узким вопросом – социализм и политическую борьбу”¹⁸, вносить “в каждую борьбу за каждую злобу дня... неразрывную связь с коренными целями”¹⁹.

Так посредством культивирования в прессе идеологем социал-коммунистические теории становились овладевающей массовым сознанием идеологией, в которой гуманистические ценности были перемешаны со стереотипами, рационализирующими агрессивно-разрушительные инстинкты низов как мировоззренчески состоятельные. Эти стереотипы путем иллюзорного самоудовольствия (“богоравности”) превращали экономическую и социальную ничтожность люмпена, маргинала, пролетария, мелкого буржуа в разрушительную силу, прямо пропорциональную степени их отчужденности от культуры, государства и собственности. Объединение пролетарских масс на основе идеологической легитимации инстинктов борьбы, выживания, общинной и групповой сплоченности, реанимация про-

пагандой их “племенного духа” (К. Поппер) давали отдельным индивидам иллюзию всемогущества (эффект толпы), которую и использовали вожди большевизма в целях захвата государственной власти и собственного самоутверждения.

Подмену в средствах массовой информации журналистики пропагандой, оказывающей ценностно-манипуляторское влияние на реципиента, выявил в 30-е годы XX века американский Институт анализа пропаганды. В результате проведенных исследований были открыты приемы, невидимым образом подменяющие вроде бы объективную информацию и логическую аргументацию в прессе игрой на мыслительных стереотипах, чувствах и скрытых стремлениях реципиента²⁰.

Дело в том, что обычный человек в своих последовательных логических рассуждениях часто допускает “срывы”, заменяя логические доводы эмоциональной оценкой, ассоциацией, апелляцией к устоявшемуся мнению, здравому смыслу или общепринятому символу. При этом он, как правило, не замечает подмены или считает ее вполне естественной. На имитации подобной логики среднего человека и построена “азбука пропаганды”. Она нацелена не столько на то, чтобы сообщить нечто новое реципиенту, сколько на то, чтобы представить в выгодном пропагандисту свете явления и факты, о которых реципиент уже что-то слышал или знает.

Так, прием “блистательная неопределенность” (или “сияющее обобщение”) заключается в наделении события, идеи, вещи, конкретной личности обобщающим родовым именем, которое символизирует “мир добра” и вызывает положительные чувства и эмоции. Таковы понятия “демократия”, “цивизованность”, “свободный мир”, “общечеловеческие ценности”, “права человека”, “культура”, “гуманизм”, “духовность”, “любовь”, “бескорыстие”, “солидарность” и т. п. Создавая в соответствующем контексте неопределенный, но благоприятный фон, эти понятия часто прикрывают своим “сиянием” элементарные логические ошибки, на которых строятся иллюзии и мифы, внедряемые пропагандистами в сознание реципиента.

Например, многие российские да и западные средства массовой информации утверждают, что Россия из-за тотализма была на обочине истории человечества и сегодня “должна войти в состав мировой цивилизации”. Это утверждение строится на логической ошибке – расширении понятия “западная цивилизация” до понятия “мировая цивилизация”, куда намеренно не включаются цивилизации Азии, Африки и Востока. Так у аудитории российских СМИ формируется превратная цель – ложный идеал, который неявным образом отвергает собственный национальный опыт России и ее исторические завоевания.

Другой прием – “наклеивание ярлыков” – более откровенен в стремлении опорочить идею, личность, любой предмет посредством эпитетов и метафор, заменяющих логические доказательства и вызывающих инспирированное журналистом отношение аудитории. Часто он строится на ассоциациях по смежности, сходству либо контрасту, обновляющих и тем самым усиливающих привычные стереотипы реципиента. Так произошло с ярлыками “красно-коричневые”, “демократы-казнокрады”, “бурбулизация всей страны” (ассоциация имени бывшего госсекретаря России Г. Бурбулиса с ленинским тезисом об “электрификации всей страны”). Эти и многие другие хлесткие ярлыки подменяют процесс анализа фактов и размышлений над ними готовой политической, нравственной оценкой, т. е. определяют нужный пропагандисту результат.

Следующий прием – “перенос” (или “трансфер”) – строится на использовании представлений о чем-либо, что имеет для объекта пропаганды бесспорный авторитет или высокую престижность. В его основе – ассоциация описываемых событий, идей, фактов с уже сложившимися у аудитории ценностными стандартами, вызывающая положительную или отрицательную эмоциональную реакцию. К приему “перенос” примыкает прием “свидетельство” (“по рекомендации”), посредством которого одобрение или осуждение события, идеи, лица приписывается популярному или уважаемому реципиентом деятелю культуры, кинозвезде, политику и т. п.

На недостаточную осведомленность аудитории рассчитан прием “подтасовка карт”. Он заключается в тенденциозном подборе фактов, использовании фальшивых доводов или искусственно смонтированного зрительного ряда, чтобы скрытно подвести реципиента к выводам, инспирированным пропагандистом. Так, достаточно на сотую долю секунды замедлить движение на экране телевизионных кадров, чтобы у зрителя создалось впечатление, что выступающий по телевидению общественно-политический деятель пьян, невменяем и т. п.

Очень популярным в советской пропаганде был прием “игра в простонародность”. Например, пресса, провозглашая неразрывную связь Сталина с народом, не могла, как правило, подтвердить эту близость репортажами о встречах, фотографиями, ибо, как известно, контакты Сталина с простыми людьми были чрезвычайно редки. “Изобретательная печать использует метод фальсификации. На ее страницах в обилии появляются рисунки художников, фотомонтажи, коллажи, на которых Сталин обращается к народу, идет с массами на демонстрацию, встречается с молодежью, колхозниками, улыбается детям и т. д. При отсутствии телевидения и массового документального кино, неумении отличить оперативный снимок от фотомонтажа эта фальсификация, дезинформация и ложь воспринималась читателями как информация, благожелательно ожидаемая, кстати, с обеих сторон”²¹.

Наконец, существует прием “общая платформа” или, как его еще называют, “фургон с оркестром”. Он стимулирует конформизм реципиента – его желание “быть как все” члены той социальной группы, к которой он принадлежит, и использует его склонность принимать все преподносимое пропагандистом как общие взгляды, мнения и оценки этой группы без критического осмысления. Естественно, что этот прием более всего эффективен при воздействии на ослабленное, редуцированное мышление людей – они становятся более уверенными в себе, полагая, что думают, чувствуют и действуют правильно, в соответствии с воззрениями большинства.

“Фургон с оркестром” удачно применялся в советской пропаганде с целью унификации восприятия аудиторией общественных событий, позволял произвольно переключать ее внимание и навязывать общую эмоциональную доминанту. “Резко менялся тон и характер публикаций во всех газетах, как по единой команде с пульта управления... Это вчера в стране взрывали, поджигали, расстреливали и ненавидели, а сегодня страна живет другой жизнью, без помех со стороны “врагов народа” строит социализм, светлое будущее, и по этому случаю на страницах газет и журналов звучит единодушный порыв радости, патриотизма, энтузиазма. Страна встречает героев челюскинцев, славит участников перелета Чкалова, Байдукова, Белякова! В Москве проходит слет стахановцев! Работает все-союзный слет архитекторов! Большая группа артистов получает высшие награды Родины!”²² Так “фургон с оркестром” служил унификации психологических состояний и культивированию единодушия аудитории. Может быть, кто-то и чувствовал, что пропаганда формирует его мироощущение и эмоции – от трагических до восторженных, но ему все равно приходилось полагаться на официальную интерпретацию событий в стране, ибо других источников массовой информации просто не было.

Таким образом, наш обзор манипуляторских приемов, сформулированных американским Институтом пропаганды, подтверждает то, что они применялись в советской журналистике и продолжают применяться в современной российской журналистике (правда, с поправкой на ментальность и условия жизни ее аудитории).

В сущности, эти приемы в имитационно-обманной форме воспроизводят слабости и огрехи мыслительной деятельности обычного среднего человека. Иными словами, манипуляторские приемы тщательно культивируют эти огрехи в виде псевдо-рефлексии – видимости аналитических рассуждений и логической аргументации, за которыми скрывается тайная апелляция к подсознательным чувствам, душевным клише и мыслительным стереотипам с целью их оживления и интенсификации. В совокупности эти приемы позволяют пропагандис-

ту в конкретной коммуникативной ситуации подчинить себе сознание реципиента, т. е. скрыто запрограммировать его личное отношение к изображаемым и описываемым фактам и событиям.

Следует подчеркнуть, что это подчинение происходит ненавязчиво и косвенным образом, так что у самого реципиента возникает иллюзия полной самостоятельности его духовно-психологической реакции, которая тайно инкорпорирована в него пропагандистом. Акт отчуждения духовной самостоятельности реципиент принимает за ее утверждение, а собственную зависимость и подчиненность в этом акте он либо не замечает, либо воспринимает как форму добровольной солидарности с тем, с кем вступает в контакт.

Следовательно, в пропагандистском воздействии с использованием манипуляторских приемов происходит фиксация разрыва, раздвоенности мыслительной и чувственной деятельности реципиента, позволяющая выдать его стереотипы и предрассудки за сознательно-рассудочные действия, подсознательные духовные клише – за вдумчивое и критическое отношение к реальности, мотивированную извне реакцию – за внутреннее, спонтанно возникшее отношение, наконец, эффект – за логически выверенную оценку. Стало быть, мы здесь воочию наблюдаем эффекты пробуждения и проекции теневой части личности реципиента – тех подспудных сил, которые парализуют ее адекватное видение и понимание реальности и, кроме того, оставляют в неведении относительно целей пропагандиста, который господствует над ней в коммуникативных актах и по чьей указке она думает и чувствует.

Магия манипуляторского воздействия на сознание и поведение человека, обусловленная активизацией его скрытых иррациональных сил, точно выражена социологом А. А. Зиновьевым:

Отметь, откуда завелась
Могучая над нами слова власть?
Ткнул пальцем в черное пятно,
А нам прикажут: белое оно.
Назначат свыше – скажут: выбирай.
Устроят ад, а скажут: сущий рай.

Намылят шею и намнут бока.
Вот вам свобода, скажут, на века.
И верим мы. И видеть все таким
Нам почему-то хочется самим²³.

Власть слова, которую можно назвать логократией, чрезвычайно усиливается масштабностью и оперативностью влияния на аудиторию через средства массовой информации. И нередко их язык, магия слова, используется для манипулирования массовым и индивидуальным сознанием.

Поэтому нам следует рассмотреть и коммуникативно-семантический аспект деятельности СМИ, в свете которого манипулирование представляет собой "связь семантической неадекватности и прагматической адекватности с точки зрения пропагандиста"²⁴.

Язык представляет собой исторически складывающуюся и стихийно обновляемую систему социально значимых знаков, совокупность лексем и правил их использования и употребления. В этом смысле он является независимой от отдельных индивидов реальностью, к которой они приобщаются в результате обучения и образования. Однако в письменной и устной речи, в актах коммуникации люди относительно свободны в выборе тех или иных языковых средств, которые обретают в процессе отбора конкретный социальный смысл. Это обстоятельство позволяет превратить отбор языковых символов в целенаправленный процесс, оказывающий существенное влияние на коммуникантов и экстралингвистическую ситуацию в целом.

Важнейшую роль в этом влиянии играет внутренняя форма языковых знаков, образуемая совокупностью денотаций и коннотаций. Если первые отражают основное содержание словесных символов, то вторые придают им многочисленные дополнительные семантические или стилистические значения, оттенки, эмоционально-оценочные и экспрессивные обертоны. В сложно организованных отношениях между денотацией и коннотацией, а также в их связи с отображаемым объектом и кроются возможности скрытого влияния средств информации на реципиента, его сознание и поведение.

Так, сама по себе денотация может быть истинной, неточной либо искажающей и затемняющей реальность, что зависит также и от коннотационных значений, способных выхолостить основное содержание слов либо придать им превратный смысл. В последних случаях возникает явление семантической фасцинации, возрастает неопределенность, снижается адекватность и ценность передаваемой реципиенту информации²⁵, что предопределяется часто прагматической установкой коммуникатора. Слова превращаются тогда в прикрытие невидимого и преднамеренного влияния на аудиторию с целью программирования ее отношения к определенным фактам и событиям.

В политической журналистике и пропаганде манипуляторская взаимосвязь денотаций и коннотаций как между собой, так и с отражаемым объектом обнаруживается в использовании эвфемизмов – лингвистической косметики, призванной скрыть или исказить подлинное значение происходящих событий. Так, правительства стран, ведущих военные действия, часто стараются представить их в средствах массовой информации в выгодном для себя свете. Поэтому вместо слова “война” употребляются эвфемизмы “операция по разоружению” или “программа ликвидации конфликта”. Стрельба по населенным пунктам и военные атаки подаются как “адекватный ответ” либо как “защитная реакция” на действия неприятеля. Вооруженная и убийственная схватка обозначается расплывчатым словом “столкновение”, бомбардировки населенных пунктов представляются как “поддержка с воздуха”, а разрушение жилых зданий и строений – как “удары по стратегическим объектам”. Контингенты вооруженных сил, ведущие военные действия в других странах или у себя на родине, нередко предстают в качестве “советников”. Однако ложную либо неточную денотацию не всегда удастся сохранить в тайне, ее можно разоблачить, как это часто случалось во время войн во Вьетнаме, Афганистане, последний яркий тому пример – Чечня. Поэтому пропаганда прибегает к таким коннотационным возможностям слов, которые полностью исключают риск разоблачения.

В частности, в советской пропаганде широко использовались так называемые слова-ласки. Как полагает Ф. А. Хайек, эти слова весьма распространены в современном лексиконе, они “подобно ласке, высасывающей птичьи яйца и не оставляющей при этом видимых следов... лишают содержания любой термин, который предваряют, оставляя его с виду неизменным”²⁶. Эти слова выхолащивают смысл понятий, с которыми они сочетаются. В результате индивид начинает толковать понятия соответственно своим идеологическим стереотипам; он вполне может, не ощущая границ понятия, употреблять его в извращенном виде. Например, демократия уже по определению не может быть только пролетарской, ибо предполагает свободное волеизъявление всех слоев населения. Слово-ласка “пролетарская” выхоластило из понятия “демократия” его изначальный смысл, а пустая лексическая форма этого понятия прикрывала на практике становление большевистской диктатуры. Аналогично в терминологическом сочетании “социалистическая собственность” слово “социалистическая” выхолащивает значение слова “собственность”, ибо собственность всегда чья-то, всегда персонифицирована, предполагает индивидуальные права и их сложные комбинации. Здесь же она полностью утрачивает свой субъект, скрывая подлинных владельцев “социалистической” собственности – коммунистическую политбюрократию. Еще более затемнен подлинный смысл слов в таких пропагандистских клише, как “планово-рыночная экономика”, “социалистический плюрализм мнений”, “трудовая частная собственность” и т. п., где коннотации первых слов, неся идеологическую нагрузку, выполняли функцию имитации дополнительных предметных значений последних, превращая, однако, все словосочетание в абсурд.

Коннотационные возможности слов использовались в советской пропаганде не только с целью выхолащивания важных для официальной идеологии понятий. В ней широко употреблялись и такие коннотации, которые были чреваты деформацией и уничтожением нравственных устоев человека. Так, например, понятия “террор”, “насилие”, “месть”, “ненависть”, отражаю-

щие угрозу самой жизни, несут в себе явный негативный смысл. Однако на протяжении десятилетий они наделялись пропагандой нейтральным и даже положительным значением: “красный террор”, “революционное насилие”, “идеологическая война”, “классовая месть”, “ненависть пролетариев” и т. п.

Для духовного мира личности реципиента такая инверсия смысла слов, закрепление ее в его сознании бесконечными повторениями применительно к разным ситуациям были совсем не безобидными, как это может показаться на первый взгляд. В результате резонанса этот “новояз” высвобождал такие качества человека, которые в любом нормальном обществе сдерживаются системой нравственных табу, правил и норм культуры. Пропагандистская сублимация (от латинского *sublimo* – возвышаю, облагораживаю) архаично-языческого начала в индивидах вела к разрушению представлений о высокой ценности человеческой жизни, о терпимости, совести, доброте и порядочности, входивших в конфликт с идеологическими установками тоталитарного общества.

Поэтому весьма показательно, что в “Словаре эпитетов русского литературного языка”, который и по сей день является подручным средством при создании журналистско-публицистических текстов, многие слова, отражающие вековые семейные устои, культурные, нравственные, религиозные традиции и ценности, объявляются устаревшими²⁷. Так, из 28 эпитетов к слову “дом” устаревших – три: отчий, добропорядочный и честный. Из нескольких сот эпитетов к слову “работа” устаревших два – духовная и изрядная. Из 75 определений к слову “смысл” устаревшим авторы словаря сочли только одно – существенный. Устаревшими являются: “деньги трудные”, “страх божий”, “опыт фамильный”, “лоб возвышенный”, “ум мятежный”, “мысль храбрая”, “мир благополучный, благодатный, благодетельный”, “радость быстротечная и святая”. Зато пытка не устарела никакая – ни дьявольская, ни зверская, ни изуверская, ни инквизиторская, ни лютая, ни средневековая, ни чудовищная. А к слову “совесть” здесь невозможно найти ни одного эпитета, потому что слова этого в словаре попросту нет. Для

словаря, отражающего зрелый дух коммунистической эпохи, весьма показательно, что открывается он “авторитетом безграничным”, а заканчивается “яростью удушливой”²⁸.

Столь избирательный и специфический язык конституировал в тонких семантико-коммуникативных механизмах пропаганды невидимую власть, которая контролировала и регулировала индивидуальный, духовно-чувственный мир людей, способствуя извлечению из тени особого типа человеческой личности. Его формирование и особенности мы и рассмотрим в последней главе.

Глава VI

МАНИПУЛЯТОРСКИЙ ТИП ЛИЧНОСТИ

Впервые идея о существовании манипуляторского типа личности была изложена философом и социологом, ведущим представителем Франкфуртской школы Т. Адорно. Эмигрировав из фашистской Германии, он в 1950 году вместе с группой исследователей (Э. Френкель-Брюнsvик, Д. Левинсоном и Р. Санфордом) завершил в США большое психосоциологическое исследование “Авторитарная личность”¹.

Первоначально данное исследование задумывалось с целью выяснить, какие черты личности приводят ее к антисемитизму. Однако в ходе социологических опросов, интервью, применения специальных клинических исследований для выявления скрытых бессознательных установок оказалось, что антисемитизм является лишь частным случаем более общей позиции, которую исследователи обозначили как этноцентризм. Затем в результате новых исследований был сделан вывод, что и этноцентризм есть лишь особый случай общего человеческого типа, именуемого “авторитарная личность”.

Следует сказать, что и в теоретико-концептуальных построениях, и в конкретных эмпирических исследованиях ученые опирались на положения З. Фрейда и Э. Фромма о динамике авторитарного (“анального”) характера, социальные основы понимания которого были заложены, в частности, в коллективной работе “Исследование авторитета и семьи”, вышедшей в 1936 году под редакцией М. Хоркхаймера, и позднее – в известной книге Э. Фромма “Бегство от свободы”. Э. Фромм считал авторитарный характер “человеческой базой фашизма”².

В основе этого характера лежит стремление личности к самореализации. Индивид, не найдя конкретного выхода на пути творчески и демократически ориентированной деятельности, реализуется в своеобразном симбиозе духовных состояний, личностных качеств и социальных отношений власти и подчи-

нения. Особенности данного характера также являются: 1) радикальный отказ от концепции равенства всех людей и, в частности, отрицание солидарности как существенной формы их взаимосвязи; 2) страх социальной изоляции и глубокое чувство бессилия, которое индивид пытается преодолеть с помощью самоидентификации с каким-либо авторитетом; 3) убежденность в том, что жизнь определяется силами, лежащими вне человека, его интересов и желаний; 4) гипертрофированная эмоциональность, отказ от рационализма и связанная с этим постоянная готовность признать свою зависимость от какой-либо высшей силы, которая может выступать в образе Бога, судьбы или вождя; 5) деление всех людей на имеющих власть и силу и не имеющих их. К первым личности с подобным характером автоматически испытывают любовь и восхищение, ко вторым – ненависть, презрение и желание унижить и подавить; 6) мужество и высшая добродетель как способность безропотно переносить все страдания и лишения, которые предуготованы жизнью и судьбой, не пытаясь прекратить или уменьшить их; 7) мятежные тенденции: стремление оказывать сопротивление любой власти и отвергать любое влияние “сверху”, что иногда сбивает с толку исследователей. Однако, по сути, такой бунт является или попыткой приобретения власти, или бравадой – стремлением утвердить себя и преодолеть чувство собственного бессилия. Желание подчиняться превосходящей силе (осознанное или нет) при этом сохраняется. Иными словами, бунт подобного рода является своеобразной имитацией подлинной силы и продуктивности, которых в действительности у данной личности нет³.

К выделению этих и некоторых других черт авторитарного характера Э. Фромм приходит на основании исторического опыта, наблюдений за европейским фашизмом и в результате собственных психоаналитических исследований. В данном анализе намечен ряд положений, которые используют впоследствии Т. Адорно и его сотрудники для выделения манипуляторского типа личности.

Так, Э. Фромм отмечает, что личность часто подчиняется не только внешней и очевидной власти, но и интериоризирован-

ной ею анонимной власти, которая может скрываться за масками совести, долга, здравого смысла, общественного мнения, науки, психического здоровья или так называемого “волшебного помощника”. При этом анонимная власть правит не менее сурово, чем персонифицированная, хотя кажется, что она не осуществляет никакого давления, а использует только мягкое убеждение или вкрадчивую подсказку, атмосферой которых пронизана вся современная общественная жизнь. “Анонимная власть эффективнее открытой, – отмечает Э. Фромм, – потому что никто и не подозревает, что существует некий приказ, что ожидается его выполнение. В случае внешней власти ясно, что приказ есть, ясно, кто его отдал; против этой власти можно бороться, в процессе борьбы может развиваться мужество и независимость... В случае анонимной власти исчезает и приказ. Вы словно оказываетесь под огнем невидимого противника: нет никого, с кем можно было бы сражаться”⁴.

Следует сказать, что на манипулятивность как на имманентную черту личности Э. Фромм указывает не только при непосредственном анализе авторитарного характера. Он связывает ее с готовностью индивидов при определенных социально-политических условиях отказаться от своей самобытности, спонтанности и свободы. Индивид, служа орудием некоей внешней силы – Бога, государства или экономической машины, может подменить свою подлинную личность так называемой “псевдоличностью” социального функционера, робота-конформиста, садомазохиста или разрушителя-некрофила. Сам процесс подмены, т. е. рождения в личности “псевдо-я”, в значительной степени скрыт от нее, ибо, как правило, сопровождается иллюзиями свободы воли, решений и даже полнокровности бытия личности. Манипулятивность, как форма иррационального господства внешних условий и собственных бессознательных сил личности над ее мышлением, чувствами, желаниями и деятельностью, позволяет скрыть ее индивидуальную самоотчужденность и, более того, нередко выдать ее за подлинность индивидуального бытия, адаптируя таким образом расщепленного человека к социально-политическим и экономическим условиям общества.

Кроме того, обострение проблемы выживания индивидов в широком смысле (от физического, экономического до социально-статусного) чревато манипулятивностью – специфической совокупностью иллюзий, сопровождающих в качестве “анестезирующего средства” крайне болезненное перерождение в структуре личности. Так, анализируя становление индивидуалистической личности в эпоху Возрождения, Э. Фромм писал: “Индивид был охвачен страстным эгоцентризмом, ненасытной жадой богатства и власти. В результате было отравлено и отношение преуспевающего индивида к своей собственной личности, его чувство уверенности в себе и ощущение безопасности. Он сам превратился в такой же объект собственных манипуляций, в какой раньше превратились все остальные”⁵.

Некоторые из этих идей Э. Фромма, отчасти сформулированных, отчасти “растворенных” в текстах его работ, примыкавших, в свою очередь, к положениям З. Фрейда о структурах “анального” и “орального” человеческих характеров, были использованы Т. Адорно в теоретическом и конкретно-эмпирическом анализе манипуляторской личности.

В центре исследования была структура характера “потенциально фашистского индивидуума”⁶, которая определяла его приверженность к определенным взглядам, его чувственно-эмоциональную реакцию на окружающее, а также восприимчивость к антидемократической пропаганде. Необходимость в этом исследовании объяснялась тем обстоятельством, что фашизм, хотя и оказался побежденным во второй мировой войне, но как особая психология и культура не был уничтожен. И, следовательно, угроза его нового возникновения даже в такой демократической стране, как США, сохраняет свою актуальность. “Как возникает антидемократическое мышление? Насколько распространены эти индивиды в нашем обществе? Каковы детерминанты, определяющие направленность их развития?”⁷ – на эти вопросы и рассчитывали получить ответы Т. Адорно и его сотрудники.

По их мнению, для понимания динамики психических сил, идеологических представлений и политических установок,

присущих индивидам, которые подвергались обследованию, был необходим теоретический анализ типологической структуры их характера. Представление о нем они сформулировали следующим образом: "Характер – это более или менее устойчивая организация сил в индивиде, определяющая – вербально или физически – в различных ситуациях его реакцию и консистентное поведение... Характер находится за поведением, в индивиде. Силы в характере – не реакции, а потенциал реакций"⁸. Характер как устойчивый продукт, возникший на пересечении влияния жизненных условий и бессознательных сил, противостоит случайным внешним изменениям и опосредует воздействие социальных факторов (например, принадлежности к определенной общественной группе) на идеологию и политические ориентации индивида. «Исследование структуры характера, – подчеркивает Т. Адорно, – лучшая защита против тенденции рассматривать постоянные черты в индивиде как "врожденные" или "расово обусловленные"»⁹.

В результате были выделены следующие черты характера авторитарной личности: 1) конвенционализм, проявляющийся как в некритическом отношении к существующим общественным порядкам, так и в тщательном соблюдении принятых норм поведения своего класса; 2) агрессивность по отношению к тем, кто нарушает эти нормы; 3) безусловное подчинение авторитетам собственной группы; 4) презрительное отношение ко всему тому, что субъективно, уязвимо, основано на развитом воображении; 5) ханжество, стереотипность мышления, вера в предрассудки, в мистическую предопределенность своей судьбы; 6) культ власти и силы, обостренное внимание к различиям между господством и подчинением, силой и слабостью, принуждением и исполнением; 7) цинизм, деструктивность, скрытая враждебность и неприязнь к людям, особенно к бедным; 8) проекция подавленных влечений на внешнюю действительность, которая, как предполагает подобная личность, полна страшных и отталкивающих явлений; 9) преувеличенная концентрация внимания на вопросах пола¹⁰.

Уникальная совокупность этих черт наталкивала на мысль о возникновении в XX веке нового “антропологического типа” человека, о чем писал в комментарии к работе Т. Адорно М. Хоркхаймер. Однако структурные комбинации этих черт отличались у различных индивидов, репрезентируя их индивидуальные особенности. Поэтому, очевидно, и возникла идея построить типологию авторитарных личностей. В конечном итоге в эту типологию были включены пять основных типов: конвенциональный, садомазохистский, причудливый (“хулиган”), меланхолический (“фантазер”) и манипуляторский. Различия этих типов определялись на основе духовно-психологической структуры человека, включающей, по Фрейду, как известно, три основных компонента: оно, я и сверх-я.

Например, у конвенционального типа, пишет Адорно, бросается в глаза безусловное принятие утвердившихся ценностей. Его сверх-я находится под большим влиянием внешних, поверхностно воспринимаемых им сил. Страх “быть другим” – вот основа данного типа личности.

Садомазохистский тип преследует страх оказаться слабым, к тому же он должен непрерывно бороться против сильных и в высшей степени амбивалентных тенденций, исходящих из “оно”. У причудливого (“хулигана”), напротив, вытесненные “оно”-тенденции преобладают в искаженной, деструктивной форме в его мышлении и деятельности. Для меланхолического (“фантазера”) и манипуляторского типов характерен нарциссический уход в себя, хотя их отношение к внешнему миру различно. Меланхолический тип заменяет реальность миром фантазий, занимается прожектерством, его основная забота – не “запачкать” свой внутренний мир соприкосновением с ужасной действительностью, следовать своим строгим и мучительным табу.

Манипуляторский тип личности избегает возможных психозов благодаря тому, что низводит действительность до простого объекта действия. Кроме того, если меланхолический синдром напоминает нечто параноидальное, то манипуляторский – нечто шизофреническое. Как полагает Адорно, манипуляторский тип представляет собой опасный личностный потенциал, в нем

живут экстремальные стереотипы и окаменевшие понятия. Благодаря им внешний мир чрезвычайно схематизируется, делится на “пустые административные поля”, к которым данная личность почти не испытывает никаких чувств. Разрыв между внутренним и внешним миром при этом приводит не к интровертности, а скорее наоборот – к принудительному (zwanghaftem) сверхреализму. В результате все и каждый рассматриваются как объекты, которыми можно манипулировать и которые можно подогнать под собственные теоретические и практические шаблоны.

Положительный объектный катексис у такой личности почти полностью отсутствует, она рассматривает любые предметы как “инструмент”, и главное для нее – что “что-то делается”, а что именно делается – является второстепенным.

Как показало исследование, такая духовно-психологическая структура присуща деловым людям и более всего – слою менеджеров и технологов, которые в производственном процессе занимают промежуточное положение между старым типом предпринимателя и рабочей аристократией.

Адорно считает, что символом этого типа личности среди фашистских политиков Германии являлся Гиммлер. Трезвый ум и почти полное отсутствие аффектов сделали его не знающим пощады. Смотря на все глазами организатора, Гиммлер и подобные ему личности предрасположены к тоталитарным решениям, которые они проводят в жизнь скорее с помощью газовой камеры, чем погрома. Им не нужно даже ненавидеть евреев, они разделяются со своими жертвами административным путем, не вступая с ними в личный контакт. Их антисемитизм опредмечен и должен “функционировать”; их цинизм почти совершенен: еврейский вопрос будет решен строго легально и окончательно.

Евреи раздражают людей такого типа, так как их кажущийся индивидуализм бросает вызов стереотипам. Евреи становятся для них олицетворением тех человеческих отношений, которые им полностью чужды. Противопоставление собственной группы всему, что ей чуждо, становится принципом, на основе которо-

го данные индивиды абстрактно упорядочивают мир. Адорно подчеркивает, что в Америке подобное крайнее проявление манипуляторского синдрома представлено лишь в рудиментарной форме.

Тем не менее Адорно нашел молодого американца, олицетворяющего этот тип личности, в частности, те его черты, которые он обобщенно обозначил как “принудительность” (Zwanghaftigkeit), считая ее индивидуальным эквивалентом того, что называют в теории общества овеществлением*.

Принудительные черты и садизм этого молодого человека бросаются в глаза, он соответствует фрейдскому классическому “анальному” характеру и напоминает в этой связи садомазохистский тип, но отличается от него сочетанием экстремального нарциссического комплекса с душевной пустотой и поверхностностью. Противоречивость этих черт только кажущаяся, так как в действительности все, что составляет эмоциональное и интеллектуальное богатство человека, зависит от его увлеченности, от овладения определенным предметом.

Представьте себе сильно заторможенного, обеспокоенного онанизмом молодого человека, который собирает насекомых, в то время как другие молодые люди играют в бейсбол. У него в предгенитальной фазе, вероятно, имели место ранние глубокие душевные травмы.

Обследование показало, что этот молодой человек хочет изучать насекомых и методы борьбы с ними. Работать он хочет в большой фирме или в университете, но не в сфере частного предпринимательства. В колледже он начал изучать химию, но в третьем семестре подверг сомнению правильность своего выбора. В вузе он интересовался насекомыми. Там он встретил другого студента, который изучал энтомологию. С ним он беседовал о связях химии с энтомологией. Студент сказал ему, что это очень перспективная область исследований. Затем молодой человек констатировал, что токсикология насекомых очень интересует его, она дает хорошие возможности заработать, и вокруг нее нет такого ажиотажа, как вокруг химии и других технических дисциплин.

Выбор профессии этим молодым человеком может показаться случайным, однако в контексте всего интервью он приобретает определенное значение. Как установил Левенталь, фашистские вожди обычно сравнивают своих врагов с насекомыми. Вероятно, насекомые, являющиеся одновременно отталкивающими и слабыми, пробудили интерес этого молодого человека к энтомологии. На вопрос, каких выгод, кроме финансовых, он ожидает от своей профессии, он

* В свободном переводе привожу единственный в мировой литературе пример исследования манипуляторской личности, проведенного с помощью глубокого психологического интервью (см.: Adorno T. W. Studien zum autoritären Charakter. Frankfurt a. M., 1973).

ответил, что хочет участвовать в научной работе, что нет учебника по энтомологии, информация по данным вопросам не собрана, и он надеется внести вклад в организацию материала.

Ему важно, что “кое-что делается”, и он, хотя и с негативно-критическими нотками, но все же одобряет тех людей, которые “кое-что делают”. Об этом свидетельствует его мнение о Рузвельте.

Когда его спросили о хороших чертах Рузвельта, он сказал: “В первый период своей деятельности он у нас только один раз навел порядок. Многие люди думают, что он только выполнял идеи Гувера, но фактически он делал хорошую работу, которая была крайне необходима... Он захватил власть, которая была ему необходима, если он хотел что-нибудь осуществить... он захватил больше власти, чем многие другие...” На вопрос, хороша или плоха была политика Рузвельта, он ответил: “Во всяком случае кое-что было сделано”.

Его политические представления определяются отношением “друг – враг”:

“Войны будут всегда. Можно ли вообще избежать войн? Нет. Не общие цели, а общие враги связывают друзей. Может быть, когда будут открыты другие планеты и можно будет прибыть туда и там обосноваться, тогда, вероятно, можно будет избежать войн на определенное время, но в конце концов все же войны будут всегда”.

Тоталитарные и деструктивные импликации отношения “друг – враг” проявляются в его замечаниях о неграх:

“Что мы можем сделать ради негров? Ничего. Это два мира. Я не за расовое смешение, так как это привело бы к менее полноценной расе. Негры не достигли определенного уровня развития, такого, как, например, кавказцы. Их жизнь – имитация жизни других рас”.

Он поддержал бы раздельное существование рас, но это невозможно. Есть только две возможности решить эту проблему – методы Гитлера или расовое смешение. Смешение рас уже происходит, но он против этого. Это плохо для расы.

Подобная логика допускает только один выбор: негров нужно было бы уничтожить.

Будущие объекты своих манипуляций он рассматривает совершенно бесчувственно и безучастно, однако его антисемитизм совершенно очевиден, он не раз утверждает, что “евреев можно узнать по их внешнему виду, хотя, впрочем, они такие же, как и все другие”.

Люди с “темной кожей”, такие, как греки или евреи, не признаются им, хотя он ничего не имеет против своего испанского родственника, но, однако, выражает свое одобрение следующей фразой: “Его не отличишь от белого”.

Он признает только манипуляторский аспект деятельности церкви: “Ну, люди хотят церковь, у нее есть цель; для некоторых людей она устанавливает правила, для других она не нужна. Общее социальное чувство долга делало бы то же самое”.

Его личные метафизические воззрения натуралистичны, с сильным нигилистическим элементом. Свою собственную веру он называет механистической. Он считает, что в природе нет никакого сверхъестественного существа, которое

занималось бы нами, людьми. Все сводится к физическим законам. Люди и вся жизнь лишь случай, но неизбежный. Устройство мира он пытается объяснить следующим образом: вначале возникла какая-то материя, а затем уж зародилась жизнь.

О его эмоциональной структуре

Для него мать – “просто мама”. К своему отцу и его убеждениям он чувствует, кажется, определенное уважение, но ни к кому он не испытывает настоящей привязанности. Он рассказал, что, когда он был ребенком, у него было много приятелей, но не смог назвать ни одного близкого друга.

Следует еще упомянуть, что лояльность является единственным моральным качеством, которое имеет в его глазах большое значение; может быть, она компенсирует бедность его чувств. Лояльность у него означает, по всей видимости, полную и безусловную идентификацию человека с группой, к которой он относится, полную передачу себя группе и отказ от всех индивидуальных особенностей во благо “целого”. Он, например, упрекает еврейских беженцев в том, что они не были лояльны по отношению к Германии.

Сделаем некоторые выводы. Нужно сразу сказать, что ни одну из черт личности этого молодого человека, описанных Адорно, саму по себе, вне ее связи с другими, нельзя, на мой взгляд, без существенной натяжки назвать манипуляторской. Они могут быть определены как: механицизм и стереотипность мировоззрения, бедность эмоциональной жизни и нарциссизм, сверхценность социального функционирования (“кое-что делается”), подавленность эротических желаний, сильная склонность к организаторской деятельности, низведение объектов своих отношений до предметов практического использования, инструментальность межличностных отношений, агрессивность этнических и расовых предрассудков, идентификация себя с социальной группой, наконец, гипертрофированное отношение к власти и устанавливаемому ею “порядку”. В сумме эти качества скорее характеризуют авторитарную личность, отчетливой доминантой которой становятся отношения господства и подчинения.

Вместе с тем ключевым фактором является, на мой взгляд, редукционистско-имитационный характер основных черт этой личности, представляющих собой духовно-психологические “слепки” с отношений власти и повиновения. Данные отношения поглощают весь индивидуальный потенциал авторитарной личности, не оставляя места автономии и независимости.

Иными словами, ее мышление, чувства, профессиональные ориентации почти целиком запрограммированы и служат духовно-психологическим аналогом иерархии и конъюнктуры социальных отношений. Собственная жизненная энергия (либидо) данной личности отчасти подавлена, отчасти перенесена на внешние объекты, нередко чуждые и враждебные ей, в отношении которых она выступает субъектом манипуляции. Т. Адорно подчеркивает, что для личности этого типа все, что может быть использовано как “инструмент... загружено (обременено) либидо”¹¹.

Принудительно-репродуктивный модус духовного строя и жизнедеятельности этой личности предрасполагает ее к тоталитарному отношению к реальности. Ей присуще деление людей по принципу “друг – враг”, болезненно-навязчивое стремление участвовать в организации чего-либо, господствовать в этническом и расовом отношениях, фетишизировать власть и, кроме того, она хочет избавиться от бремени своей индивидуальной автономии через самоидентификацию с группой.

Адорно предполагает, что одним из деструктивных факторов в развитии данной личности были сильные душевные травмы “в предгенитальной фазе”, обусловившие обеспокоенность онанизмом и затормозившие становление ее половой и духовной зрелости. Компенсацией этой незрелости и стал, по видимому, вторичный нарциссизм, а он, в свою очередь, превратил эту незрелость в стремление адаптироваться именно в отношениях власти и подчинения, “родных” подобному типу личности. Можно сказать, что весь бессознательно-иррациональный строй данной чувственно и интеллектуально неразвитой личности направлен на то, чтобы создать в ее сознании иллюзию собственной зрелости и полноценности.

Отмечу, что анализ манипуляторского типа, как и авторитарной личности в целом, был проведен Т. Адорно во фрейдистской парадигме, и в итоге все характеристики данного типа личности свелись к сексуальности (либидо), что, думается, ограничило возможности этого исследования. Так, индивидуальный жизненный путь молодого человека интерпретировался в основном через различные перверсии его либидо, поэтому из

поля зрения исследователя фактически ушел широкий фон социально-политических связей, анализ которых мог бы существенно обогатить представления о манипуляторском типе личности.

Кроме того, манипулятивность интервьюируемого определяется в основном переносом расовых и этнических (антисемитизм) предрассудков на внешний мир, однако истоки их убедительно не раскрыты. Между тем действительную опасность в США в период проведения исследования представлял не фашизм немецкого образца, черты которого Адорно искал у жителей пригородов Сан-Франциско, а маккартизм – неразвившийся вариант фашизма, о котором в исследовании нет упоминаний¹².

В исследовании указывается на то, что люди, относящиеся к манипуляторскому типу, испытывают глубокий бессознательный страх перед выявлением и утверждением индивидуальности, автономии личности. Эта своеобразная ксенофобия обусловлена самоотчужденностью личности и боязнью тех острых проблем и страданий, которые могут возникнуть при ее самоосуществлении в социальном мире. Собственно говоря, “принудительность” (перманентное подавление индивидуального “я”) становится у этих людей таким защитным механизмом, который позволяет им ценой девальвации своей индивидуальной самости успешно приспосабливаться к экономической конъюнктуре и социальным иерархиям.

Эта мысль была развита в исследовании Эверета Шострома¹³, также посвященном манипуляторскому типу личности. Глубокое неверие в себя, страх перед своей индивидуальностью, помноженные на стремление успешно функционировать в социуме, – вот что является субъективной основой рождения человека-манипулятора, считает он. И хотя его монография относится скорее к жанру научной публицистики, она привлекает уходом от ортодоксальной фрейдистской схемы и широтой постановки проблемы, а также многообразием примеров негативных последствий манипуляторского стиля жизни людей.

Как полагает Шостром, манипулятивность является свойством межличностных отношений, складывающихся под влиянием рыночных механизмов, которые принуждают индивидов относиться друг к другу безучастно, как к вещам. Она присутствует во всеобщем товарно-денежном обмене: в отношениях производителя и потребителя, продавца и покупателя, руководителя и его сотрудника, а также в отношениях между учителями и учениками, родителями и детьми, мужем и женой, депутатом и его избирателями, между влюбленными друг в друга подростками. И хотя Шостром говорит о том, что манипулирование “универсально, бесконечно и безвременно”¹⁴, он фактически считает его бедствием современного человека, который не способен опереться на себя и поэтому вынужден с помощью различных уловок и приемов контролировать других людей и использовать их с целью добывания каких-либо благ.

Э. Шостром вслед за Э. Фроммом другой причиной манипулирования считает неспособность людей к любви в широком смысле – к глубокому пониманию, ответственности и уважению индивидуальности другого человека. Вынужденные, однако, вступать в предписанные социальными связями контакты со своими близкими, они подменяют любовь стремлением к неограниченной власти над ними, которое носит часто скрытый и неосознанный характер и проявляется в подспудном навязывании другим своей воли, мыслей и чувств.

Третья причина манипулирования обусловлена социальной ситуацией, в которой современный человек чувствует себя подчас беспомощным, особенно тогда, когда нужно сделать осознанный индивидуальный выбор. Подавленный открытостью своей жизни и непредсказуемостью последствий такого выбора, он иногда вообще отказывается от каких-либо личностных усилий, превращая себя в объект стихийных внешних влияний. Однако и этот отказ манипулятор использует для целенаправленного воздействия на других людей. Известны случаи, когда мать, которая не может справиться со своими детьми, “заболевает”, и дети становятся более послушными и управляемыми. Спекуляция на своей слабости и беспомощности рождает, по

мнению Шострома, пассивного манипулятора. К рождению такой личности приводит и постоянно преследующий человека страх перед затруднительным положением, которое может возникнуть в результате тесных либо интимных межличностных контактов. Избежать нежелательной близости и связанных с ней проблем помогают ритуальные игры, в которых люди могут закамуфлировать свои подлинные желания, интересы и цели, противоречащие индивидуальным стремлениям объектов их манипуляции.

Наконец, еще одна причина манипулирования связана с желанием определенной группы людей постоянно получать одобрение других, ибо им с детства внушили необходимость этого и одобрение других для них важнее собственной искренности, честности и правдивости. Очевидно, что в этом случае мы имеем дело с невротической склонностью людей к угождению и подчинению, из которой, между прочим, также можно извлечь дивиденды.

Итак, по мнению Шострома, личность, осуществляющая манипуляторскую деятельность, является одновременно и субъектом, и объектом собственных манипуляций. Вынужденная адаптироваться в социальных и межличностных отношениях, личность манипулирует как собой, так и другими людьми. Манипулятивная деятельность неразрывно связывает эти две ипостаси личности (манипулятор и манипулируемый), ибо ценой подавления своего “я” индивид хочет завоевать себе определенные блага, важнейшие из которых – скрытое использование других людей, влияние на них и контроль над ними. Иначе говоря, не умея использовать свой индивидуальный потенциал, не зная и не понимая своих личных творческих возможностей, подобный человек вынужден “добывать себе жизнь” (Л. Н. Толстой) посредством скрыто-прагматического использования и эксплуатации в корыстных целях других людей. Однако парадокс заключается в том, что чем больше такая личность стремится к столь изощренному влиянию на других людей и управлению ими, тем настойчивей у нее проявляется потребность быть кем-либо управляемой. Внутреннее раздвоение человека

на субъект и объект внешним образом проявляется в ролях активного и пассивного манипуляторов, характерологическими качествами которых, с точки зрения Шострома, являются ложь, цинизм, неосознанность мотивов и действий и контроль над другими людьми.

В зависимости от того, в каких пропорциях проявляются эти качества у личности, Э. Шостром выделяет восемь видов людей-манипуляторов: 1) Диктатор (его разновидности: Босс, Начальник, Настоятельница, Младшие боги); 2) Тряпка (Мнительный, Глупый, Хамелеон, Конформист и др.); 3) Калькулятор (Делец, Аферист, Игрок в покер, Делатель рекламы, Шантажист); 4) Прилипала (Паразит, Нытик, Вечный ребенок, Ипохондрик, Иждивенец и т. д.); 5) Хулиган (Оскорбитель, Ненавистник, Гангстер, Угрожающий, женский вариант – сварливая Баба-“пила”); 6) Славный парень (Угодливый, Добродетельный, Моралист, Человек организации); 7) Судья (Всезнающий, Обвинитель, Обличитель, Собиратель улик, Позорящий, Оценщик, Мститель, Заставляющий признать вину); 8) Защитник (Наседка с цыплятами, Утешитель, Покровитель, Мученик, Помощник, Самоотверженный).

Э. Шостром приходит к выводу, что в современном обществе манипуляторство как интегральное качество личности присуще почти всем людям: в каждом из нас потенциально или актуально оно присутствует в самых разнообразных формах. “Все мы манипуляторы”, – резюмирует он¹⁵.

Ученый, однако, признает, что кое-какие манипулятивные действия необходимы человеку в его борьбе за существование, в целях самозащиты, они имеют и положительный потенциал – открывают возможность творчества, связанного с самоутверждением человеческого существа. Здесь напрашивается аналогия с нашим предком-антропоидом, который применял различные манипуляции к компонентам окружающей среды, что сыграло решающую роль в развитии его мышления и познавательных способностей, в зарождении трудовой деятельности.

Вместе с тем если манипуляторские приемы доминируют в жизни современного человека, они низводят его до уровня

“озабоченного автомата”, маскируя патологические изменения в его личности – бездуховность, невротизм, дезинтеграцию. Все это приводит к разнообразным психосоматическим болезням, разрушает и омертвляет человеческие связи, служит распаду семьи, провоцирует индивида на пустую и бессмысленную трату сил.

Единственный выход, по мнению Шострома, – превратить себя в актуализатора. Этот термин заимствован из теории Абрахама Маслоу и Курта Гольдштейна о самоактуализации личности¹⁶. Актуализатор является противоположностью манипулятора. И первый шаг к актуализаторскому поведению – осознание своих повседневных манипуляций, которое позволит более полно использовать свой творческий потенциал, свою личностную самобытность. Если манипулятор в основном повторяет и тиражирует чьи-то мыслительные и поведенческие модели, стереотипы, то актуализатор опирается на себя, на свою индивидуальность. Для душевного состояния манипулятора характерны антагонизмы, а для актуализатора – гармоничное восприятие мира. Актуализатор свободно и искренне проявляет свои чувства, манипулятор же фальшив и закрыт. Манипулятор постоянно лжет, ломает комедию, разыгрывает роли, стремится произвести впечатление. Актуализатор честен, искренен, прозрачен в своих намерениях. Для него характерны также глубокое осознание себя и адекватное понимание других, тогда как манипулятора отличает “туннельное видение” – восприятие лишь того, что ему хочется видеть и слышать.

Безверию и цинизму манипулятора противопоставляется глубокая вера актуализатора в себя и других. Субъектность, способность быть хозяином своей жизни принципиально отличают актуализатора от манипулятора, который лишь имитирует эти качества, стремясь подчинить людей своему контролю. Э. Шостром утверждает, что в человеке живет как манипулятор, так и актуализатор, поэтому усилить в себе индивидуально-творческий потенциал можно сознательной модернизацией и переделкой своих манипуляторских качеств. “Актуализаторское поведение, – подчеркивает он, – это то же манипуляторское, только выраженное более творчески”¹⁷.

Это означает, что при соответствующих усилиях из Диктатора может развиваться прекрасный Лидер, из Тряпки получится Сочувствующий человеческим слабостям и ошибкам, из Калькулятора – Внимательный, из вечно недовольного Прилипалы – искренне Признательный, из жестокого Хулигана – радующийся настоящему противнику Напористый, из раболепного Славного парня – дружелюбно расположенный к людям Заботливый, из унижающего других Судьи – принципиальный Выразитель своих убеждений и, наконец, из слепого Защитника – Водитель, помогающий другим найти собственный путь. Актуализатор, следовательно, – это новая, более высокая ступень развития личности, он интегрирует в своем внутреннем пространстве подлинную индивидуальность со всеми слабостями, недостатками, грехами и восстанавливает свою целостность как самооценку. Весьма интересно и симптоматично, подмечает Э. Шостром, что личность манипулятора, как правило, целиком укладывается в какой-либо из названных выше манипуляторских типов, а актуализатор никогда не бывает столь односторонен и примитивен, он всегда интегрирует в себе несколько актуализаторских типов.

К сожалению, манипуляторский стиль поведения делает жизнь человека в современном рыночно-невротизированном обществе довольно комфортной, тогда как актуализаторский стиль жизни требует дополнительных творческих усилий. Только один процент американцев, по А. Маслоу, можно отнести к актуализаторам¹⁸. Однако именно они наиболее психически здоровые и способные к самореализации люди. Э. Шостром на основе своей терапевтической практики приводит множество приемов перехода от манипуляторского стиля жизни к актуализаторскому, возрождающему уникальный творческий потенциал личности. Однако их описание уже выходит за рамки настоящей работы.

Итак, манипуляторство, с точки зрения Э. Шострома, весьма типично для духовно-психологического облика современного человека и стиля его жизни. Его массовое распространение обусловлено, с одной стороны, социальным механизмом вос-

производства рыночных отношений – конкуренцией, бизнесом, свободным товарно-денежным обменом, принуждающим людей относиться друг к другу только как к средству достижения собственных целей и удовлетворения потребностей. С другой стороны, несомненным обстоятельством в воспроизводстве манипуляторских качеств личности является тот факт, что полное овеществление индивида до “говорящего орудия” невозможно в цивилизованном обществе да и невыгодно, ибо оно парализует индивидуальные силы объектов манипуляции, которых можно эффективно использовать лишь при условии их собственной активности. Кроме того, гуманистические ценности культуры, религии, морали, права ограничивают беспрепятственное использование других людей, преследующее разрушительные цели.

Манипулятор глубоко ощущает противоречие между практически-целесообразными и личностными аспектами общественного бытия и внешне имитирует его разрешение, скрыто и неосознанно эксплуатируя себя и других, но создавая при этом иллюзию отсутствия такого использования и эксплуатации. Иными словами, манипуляция, в отличие от актуализации, хотя в известном смысле и может быть творческой (репродуктивной), но в целом является непродуктивным способом разрешения этого противоречия. Часто она лишь камуфлирует усиление взаимной отчужденности людей, ее переход в иррационально-бессознательную форму существования. Манипуляция является также коварной данью потенциальной способности людей быть самостоятельными и независимыми. Под видом свободы она навязывает им скрытые и потому худшие формы духовного порабощения, создает иллюзию полноценности индивидуальной жизни и деятельности, скрывая патологические изменения в духовном строе личности. Противоречия между человеческим достоинством личности и правилами жизни в современном обществе не только не преодолеваются с помощью манипуляций, но загоняются вглубь и потому чреваты личными и общественными катаклизмами.

Подчеркну, что Э. Шостром на протяжении всего анализа манипуляций указывает на основную область их функциониро-

вания – область индивидуального и социального бессознательного. Вероятно, поэтому он, несмотря на оговорки, в целом отрицательно оценивает роль манипуляций в человеческих отношениях, ибо действовать бессознательно, конечно же, недостойно цивилизованного человека. Указывая на рыночные механизмы и связанную с ними необходимость индивидуального выживания как на причины существования манипуляций, ученый, однако, не оставляет надежды на избавление людей от столь “пагубного” явления. Это скрытое противоречие в анализе роли и значения манипуляций косвенным образом указывает на неадекватность сугубо отрицательной их оценки. Очевидно, что известная включенность манипуляций в рыночные механизмы, в социализацию индивидов, а также их использование в целях политической консолидации общества могут быть объяснены и необходимостью эффективного функционирования общественных отношений, а также целостного, всестороннего воздействия на человеческую личность. Поэтому, думаю, столь однозначно отрицательная оценка является односторонней, не учитывающей необходимость меры в соотношении привнесенного в субъективность индивида извне и его самостоятельности. В конечном итоге все зависит от целей, объема и характера манипулирования – либо скрыто способствующего развитию человека, либо порабащающего его.

Позитивный аспект социально-политических манипуляций стремится выявить немецкий ученый Г. Франке. В книге “Манипулируемый человек” он пишет, что “возможности применения психического манипулирования в будущем могут играть решающее значение”, и предсказывает “успехи новой технической отрасли, которую по праву можно считать психотехникой”¹⁹. Ее эффективное использование он связывает, в частности, с развитием общественных наук, главным образом социологии и психологии, которые, по его мнению, готовят почву для манипуляторского воздействия на психику и сознание людей. И хотя манипулирование нарушает суверенность личности, но, как считает Франке, очень трудно определить, что означает “злоупотребление” им. При этом он ставит знак

равенства между совершенствованием методов манипулирования и “естественнонаучным исследованием этих процессов”²⁰. Кроме того, он делает вывод, что практические манипуляции людьми, например, с помощью рекламы и пропаганды, вполне оправданы, ибо служат в конечном итоге “развитию наук о человеке”. Моральную сомнительность такой позиции он стремится снять следующим доводом: “Методы, применяемые в рекламном деле, являются законными средствами для навязывания человеку определенного поведения, в противном случае пришлось бы прибегать к методам насилия”²¹. Далее Франке более отчетливо формулирует свою позицию: “Представление о ведущих цивилизованных нациях, например, в глазах африканцев, затуманено предрассудками, которые объясняются прежде всего историческим опытом колониализма. Преодолеть их не удастся даже путем величайших материальных затрат – это значило бы расходовать их впустую. Некультурный человек не в состоянии воспринимать рациональные рассуждения. Единственное, что остается, – воздействовать на него таким образом, чтобы изменить его представления, а последнее возможно только на психологической основе”²². Стало быть, наиболее эффективным способом изменения представлений у “некультурных” людей о цивилизованных нациях Франке считает манипулирование – такое “ненасильственное” навязывание идей и взглядов, которое воспринимается объектом манипуляций как продукт его собственных усилий. Очевидно, что умение выдать это воздействие за собственную активность индивида и составляет сердцевину искусства манипулирования, помогающего, по мнению немецкого ученого, избежать в данном случае больших и неэффективных материальных затрат. Из двух зол – открытого насилия либо скрытого манипулирования – Франке решительно выбирает манипулирование, ибо оно экономически рентабельно, способствует лучшему достижению целей и является цивилизованной формой отношений в условиях социокультурного неравенства людей.

Думаю, что в оценке значения манипуляций Г. Франке, как и Э. Шостром, попадает в крайность. Он забывает об извечном

искушении социально-политических и культурных элит использовать манипуляции для создания новых и эффективных форм власти и господства. Кроме того, доминирование манипуляций в управлении поведением людей является паллиативом, скрыто фиксирующим нецелостность личности, и в результате приводит к негативным последствиям.

Известный философ и социолог Г. Маркузе, также исследовавший социально-политические манипуляции в высокоразвитом индустриальном обществе, предупреждал, что они чреваты формированием “одномерного человека”. Маркузе указывал на скрытое использование в данном процессе научных достижений. Не замечая этих тайных и эффективных влияний, человек свое “сублимированное рабство” рассматривает как желанный, естественный, единственно возможный способ существования. Для него свойственны полная, сопровождаемая “счастливым сознанием” интегрированность в общественную систему и отсутствие какой-либо оппозиции к действительности, некритическое отношение к пропагандистским и поведенческим стереотипам, а также деиндивидуализация, консерватизм, конформизм и, наконец, манипулируемость.

Последнее качество “одномерного человека” связано с тем обстоятельством, что “изменился сам механизм привязывания индивидуума к обществу, и общественный контроль кроется в тех новых нуждах, которые породило это общество”²³. Эти новые нужды, или, как часто называет их Маркузе, “ложные потребности”, порождены огромным ростом производительных сил, утрачивающих постепенно свою революционную роль и объективно заинтересованных в возрастании эффективности существующей социальной системы, сохранении ее статус-кво. Поэтому современному индустриальному обществу нужны лояльные члены, витальные влечения которых не должны выходить за определенные социокультурные рамки. “Производительный аппарат имеет тенденцию к тому, чтобы быть тоталитарным, всеохватывающим по размерам, чтобы определять не только социально необходимые занятия, искусства и отношения, но также индивидуальные потребности и стремления”²⁴.

Потребительская ориентация, погоня индивидов за материальными благами показывает, что интересы властей проникают и на уровень бессознательного, создавая такую систему индивидуальных потребностей и стремлений, которая снимает различие между индивидуальными и социальными нуждами, между специфически частным и общественным. Однако – и это красноречивый факт – в данной ситуации личность не ощущает самоотчуждения. Более того, “одномерное” существование она воспринимает как индивидуальную свободу и выражение социальной справедливости. В конечном итоге, утверждает Г. Маркузе, в современном индустриальном обществе есть только манипулируемые и манипулирующие, те и другие, хотя и в разной мере, беззащитны перед властью его “одномерного мышления и идеологии”, пропитавшей все поры общественного организма.

Как видим, оценка значения социально-политических и идеологических манипуляций для человека у Франке и Маркузе противоположна. Если первый склонен видеть в их культивировании насущную потребность, полагая, что они помогут избежать прямого насилия над людьми и будут способствовать развитию науки, то второй акцентирует свое внимание на их разрушительных последствиях для индивидуальности людей. Если Франке считает, что результатом применения манипуляций является формирование цивилизованного мышления и соответствующего образа жизни, то для Маркузе их результат – появление цивилизованного раба, целиком и полностью подчиненного нуждам успешного функционирования социальной системы.

Очевидно, что позиция Франке вытекает из необходимости накопления в индивидах качества цивилизованности, обеспечивающего наилучшие способы выживания, в том числе и “диким народам”. Позиция Маркузе обусловлена приоритетом свободной, индивидуально-осознанной жизни, включающей право индивидов на уникальность их личности и на оппозицию к той социальной системе, в которой им довелось жить. Если попытаться предельно обобщенно представить позиции обоих ученых, сведя их взгляды к единому основанию, то мы вновь

столкнемся с извечным дуализмом (разрывом) социального и индивидуального в человеческой истории, обуславливающим конфликты идеала и действительности, присвоения и отчуждения, личности и общества.

Манипуляторский тип личности является своеобразной персонификацией этого разрыва. Развитие научно-философского знания об этом типе личности может помочь выявлению позитивного потенциала манипуляций, а также созданию социально-практического механизма, сдерживающего их деструктивное воздействие, гармонизирующего общественные отношения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Целостная концепция манипуляций личностью может быть представлена в следующих положениях.

1. Феномен манипуляций человеком – проблема, обладающая, как выяснилось, и философским статусом, что переводит ее из локальных в разряд родовых, вечных, универсальных проблем, свойственных всем социально значимым сторонам индивидуальной жизни людей. Она имеет исторический, экономический, политический, идеологический, религиозный, социологический, педагогический, психологический, культурологический, медицинский аспекты и должна серьезным образом изучаться в соответствующих науках.

2. Масштаб данной проблемы со всей очевидностью выявляется в преддверии третьего тысячелетия, когда устойчивое прогрессивное развитие мировых цивилизаций становится зависимым от полноценной эмансипации человеческой личности. Разумность, образованность, культура, продуктивные силы и способности личности, свобода ее самореализации – вот те внутренние пружины, без учета которых современные глобальные стратегии развития могут остаться несбыточными мечтами.

3. Глубинные истоки манипуляции личностью кроются, в первую очередь, в объективном и драматическом разрыве между необходимостью в нормальном и эффективном функционировании конкретных обществ и потребностью в полном индивидуально-личностном развитии индивидов. Углубление этого разрыва в XX веке привело к попыткам его неадекватного устранения, о чем свидетельствуют многочисленные революции, войны, социальные взрывы, а также появление тоталитарных режимов, провозгласивших единство индивидуального развития человека и социально-политических форм его бытия мерой общественного прогресса. Однако на деле данные попытки усиливали социальный редукционизм, перемещающий этот разрыв в субъективный мир индивидуумов и превращающий их в нецелостные, подчас трагически расщепленные лич-

ности. Интегрируя индивидов в социальные структуры путем элиминации определенных индивидуальных качеств, редуционизм таким образом превращает не востребованные социумом способности и качества в теневые связи индивидов с собой и обществом.

4. Тень личности есть отчужденная, анонимная, сверхчувственная, обретающая бессознательно-символические формы связь человека с миром. Она компенсирует редуцированность и нецелостность личности, способна имитировать подлинность ее взаимоотношений с миром. Встроенность в многомерные теневые связи превращает манипуляции в “невидимую руку”, имитирующую субъектность индивидов, т. е. скрыто управляющую их сознанием, волей, поведением, создающую иллюзию свободы, сознательности и индивидуальности их мыслей и поступков. Финальным итогом манипуляции является извлечение из тени личности некоего другого – того, кто отныне будет определять и направлять жизнедеятельность индивида. Стало быть, другой – это эксплицированная, превращенная и персонифицированная в процессе манипуляций особая социальная форма бытия теневых индивидуальных качеств человека.

5. В зависимости от целей, объема и характера манипуляций, от меры в соотношении привнесенного извне и самодеятельности индивидов другой может помочь личности преодолеть расщепленность, способствовать умножению ее сил, усилению воли и сознательности. Процесс высвобождения и интеграции индивидуальности человека идет нередко через метафору – ряд интеллектуальных, эмоциональных, нравственных инсайтов, которые через возможные боль и страдания приводят личность к раскрепощению и обретению ею органичной целостности и полноты жизни. Однако гораздо чаще манипуляции разрушают указанную выше меру и приводят к субституции – такому замещению личности человека, которое является ложным подобием подлинного саморазвития, его отрицательным имитационным эквивалентом. В результате человек искренне принимает себя за другого и действует в псевдоиндивидуальных формах жизни и деятельности по законам этого дру-

гого. Кроме того, другой в этом случае становится иррациональной проекцией (трансценденцией) и иллюзорной сверхкомпенсацией тех вытесненных качеств человека, которые не могут в данном социуме проявиться адекватным образом. В конечном итоге другой может окончательно подавить индивидуальность человека.

6. Это культивирование в индивидах отчужденного другого ярко проявилось в манипуляторской технологии тоталитарной власти. При помощи таких способов, как ценностная дезориентация, создание мнимой заинтересованности в тоталитарных порядках, посредством привития одномыслия и превращения во врага власть формировала гомогенность тоталитарного общества, укрепляла его статус-кво, приобретала социально-политический иммунитет. Манипулирование человеком в тоталитарном обществе осуществлялось в значительной степени стихийно, превращая управляющих и управляемых в манипулирующих и манипулируемых.

7. Однако социально-политические манипуляции могут быть и целенаправленными, что имеет место в деятельности средств массовой информации. Трансцендентность событий в мире по отношению к отдельным индивидам, составляющим аудиторию СМИ, является основой для раздвоения личности реципиента, его ориентации не только на близкий и реальный, но и на воображаемый, знаково-символический мир, повседневно конструируемый средствами массовой информации. Эксплуатация факта трансцендентности мира и злоупотребление ориентацией реципиента на мир воображаемый обуславливают появление в журналистике приемов и методов теневой регуляции масс-коммуникационного сознания. Кроме того, причиной утверждения манипуляторских приемов в журналистике является гипертрофия ее утилитарно-прагматического начала, скрытая подмена им других практических абстракций (типологических схем), конституирующих деятельность СМИ в обществе.

8. Экспансия этого начала в познавательно-информационную область обнаруживает себя в умении журналистики “лгать с помощью правды”, используя прием умолчания, сенсацион-

ность, а также “утки”, фактоиды, “утечку информации”, инсинуации, мозаичное дробление и распыление сообщений. В тоталитарном обществе СМИ создают масштабную ирреальную картину действительности, которая лишь имитирует полную информационную связь управляющих и управляемых, фактически служа углублению их взаимного отчуждения.

9. В ценностно-ориентирующем плане подмена журналистики манипулятивной пропагандой проявляется в эффекте оракула, в антропоморфной персонификации эволюции социальных порядков (демонизации), в методе идеологической стереотипизации (мировоззренческой рационализации) масс-коммуникационного сознания. Кроме того, скрытое влияние на личность реципиента обнаруживает себя и в таких манипуляторских приемах, как “блистательная неопределенность” (“сияющее обобщение”), “трансфер”, “по рекомендации”, “подтасовка карт”, “наклеивание ярлыков”, “фургон с оркестром” (“общая платформа”). С помощью этих приемов в акте коммуникации разрываются интеллектуальные и чувственные процессы, и непоследовательность мышления среднего человека превращается в его иллюзорную духовную силу. В результате создается видимость аналитических рассуждений и логической аргументации, и реципиента вынуждают думать, чувствовать и понимать трансцендентный мир так, как это нужно пропагандисту.

10. Семантико-коммуникативный аспект деятельности СМИ предполагает теневое воздействие пропагандиста, который использует явление семантической фиксации, добиваясь возрастания неопределенности, снижения адекватности и ценности передаваемой реципиенту информации. Это воздействие осуществляется с помощью эвфемизмов, слов-ласок, таких коннотационных и денотационных возможностей языковых символов, которые позволяют выхолащивать, затемнять, подвергать инверсии либо превращать в абсурд подлинный смысл слов. Логократия, предполагающая произвольное изменение в коммуникации семантики языка, невидимым образом вторгается в духовно-чувственный мир реципиента и модифицирует его в соответствии с извне заданными параметрами.

11. Манипуляции формируют манипуляторский тип личности. Это разновидность авторитарной личности, для которой разнообразные отношения власти и повиновения становятся естественной, целиком пронизывающей ее субъективный мир формой индивидуального бытия. Для манипуляторской личности, являющейся одновременно субъектом и объектом манипуляций, характерны внутренняя расщепленность и перманентное подавление спонтанных индивидуальных стремлений с целью успешного социального приспособления. Редукционистско-имитационный модус ее духовного бытия обнаруживает себя в жестких стереотипах, социально-политических клише, которые являются самоцельными “административными схемами”, упорядочивающими реальность как объект действия, использования и эксплуатации. Стремление к контролю за внутренне-субъективной и внешне-объективной действительностью принуждает данную личность разыгрывать различные социальные роли и ценой девальвации индивидуальной самости скрыто навязывать свою волю другим людям, получая при этом власть, социальные ценности и блага. Антагонизм “я” и “другого” нередко камуфлируется у манипуляторской личности “счастливым сознанием” полной интегрированности в социальные структуры.

12. Манипуляторский тип является в своем роде паллиативом. Он свидетельствует о наличии разрыва между нормальным функционированием социальной системы и полноценным развитием человека. Это показатель отрыва власти государства, политической элиты от объектов их управления, и этот отрыв “покрывается” формами теневого властвования над людьми. Очевидно, что названный разрыв может быть в значительной мере преодолен при свободном демократическом развитии гражданского общества, различных видов народного самоуправления, сужающих социальное поле воспроизводства манипуляторского типа личности.

13. В заключение нужно вспомнить о том, что право на безопасность (неприкосновенность) личной жизни относится к основным правам человека. Оно впервые официально зафиксиро-

ровано в США 12 июня 1776 года в первой статье Билля о правах, а право человека на свою индивидуальность как общечеловеческую ценность зафиксировано Всеобщей декларацией прав человека, провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 года. Как следует из настоящей работы, злоупотребление манипуляцией ущемляет права, гарантирующие полноту духовной жизни личности, развитие индивидуальности человека. Деструктивные манипуляции тайно, изощренным образом отчуждают эти права в самых различных сферах жизнедеятельности людей. Поэтому понятие “безопасность” (так же, как “индивидуальность” и “собственность”) в правовом смысле должно включать и духовно-психологический аспект. Духовно повинующимся, зависимым, психически уязвимым и ослабленным человеком, конечно, легче управлять, чем человеком сильным и здоровым. И поэтому отрицательное воздействие манипуляции можно отнести к замаскированным технологиям социального (политического, идеологического, религиозного и т. д.) гнета именно в сфере человеческой духовности, так как в результате люди живут не своей собственной, индивидуальной жизнью, а чужой, по “сценарию”, навязанному им определенными социально-политическими силами.

Думаю, что необходим специальный закон (декларация), утверждающий права человека на духовно-психологическую безопасность в современном обществе, на неприкосновенность его критического мышления и эмоциональную независимость, а также священность его собственности (*Das Eigene* – по М. Хайдеггеру) на индивидуальную жизнь. Конечно, для принятия подобного закона необходимо наличие демократических форм социальной жизни и, главное, кардинальная демократизация человеческого мышления.

Однако уже сегодня может быть запрещена монополия государства и отдельных политических партий на средства массовой информации, а также суггестивно-манипуляторские методы в политической пропаганде, коммерческой рекламе, в эротических текстах, в деятельности тоталитарных религиозных сект, превращающие индивидов в загипнотизированных марио-

ноток, для которых забытие и утрата чувства реальности – желанные состояния, заменяющие радость творческой самореализации. Положение о духовной безопасности людей может уже сегодня фиксироваться в законах о свободе средств массовой информации, о рекламе, о правах потребителей, о семье, об образовании и воспитании, о религиозных культах, о кредитной политике государства и банковских учреждений и т. д. Таким образом попадут под правовой контроль жизненно важные ситуации, объективно предполагающие возможность манипуляций с целью духовного закабаления людей и нанесения ущерба их индивидуальному сознанию и образу жизни.

Конечно, для того чтобы юридически охарактеризовать запрещенные манипуляторские методы и технологии, требуется большая работа по их выявлению, анализу и оценке в самых различных областях общественности и человековедения. Вероятно, удастся найти научно обоснованную единицу манипуляции, с помощью которой можно будет, подобно детектору лжи, исчислять соответствующий коэффициент политико-пропагандистских текстов, визуальных образов, продуцируемых средствами массовой информации, а также состояний человеческого сознания и психики, подверженных многообразным скрытым влияниям социальных и политических структур. Полагаю, что работу по изучению манипуляций следует активизировать сегодня, в преддверии XXI века, в котором деструктивные манипуляции человеческой личностью, общественным мнением и массовым сознанием могут превратиться, наряду с межнациональными конфликтами и войнами, экологическими катастрофами и демографическими бедствиями, в глобальную мировую проблему.

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава 1

- ¹ См.: *Психология: Словарь*. М., 1990. С. 200–201.
- ² См.: *Рау И. А.* К характеристике гегелевской концепции личности//Филос. науки. 1988. № 10. С. 114–120.
- ³ См.: *Шелер М.* Положение человека в космосе//Проблема человека в западной философии. М., 1988. С. 52–54.
- ⁴ *Лосев А. Ф.* Философия, мифология, культура. М., 1991. С. 426–432.
- ⁵ *Фромм Э.* Ситуация человека – ключ к гуманистическому психоанализу// Проблема человека в западной философии. С. 447.
- ⁶ *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1989. С. 122.
- ⁷ См.: *Леонтьев А. Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 175.
- ⁸ См.: *Schaff A.* Entfremdung als soziales Phänomen. Wien, 1977. S. 247–248.
- ⁹ *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 232.
- ¹⁰ *Советский энциклопедический словарь*. М., 1979. С. 765; см. также: *Краткий политический словарь*. М., 1978. С. 201–202.
- ¹¹ *Андреева Г. М.* Социальная психология. М., 1980. С. 170.
- ¹² *Мамардашвили М. К.* Как я понимаю философию. М., 1990. С. 330–331.
- ¹³ *Андреева Г. М.* Указ. соч. С. 169.
- ¹⁴ Там же. С. 386.
- ¹⁵ См.: *Афанасьев В. Г.* Человек в управлении обществом. М., 1977. С. 199–203; *Власов А. И.* Политические манипуляции: (История и практика средств массовой информации США). М., 1982. С. 73–119; *Волкогонов Д. А.* Психологическая война. М., 1983. С. 112–119; *Гуревич П. С.* Буржуазная пропаганда в поисках теоретического обоснования. М., 1978. С. 52–68; *Замошкин Ю. А.* Личность в современной Америке. М., 1980. С. 64–89; *Иванчук Н. В.* Проблема манипулирования: Философско-социологический и практический аспект (на примере США)//Современное обществознание Запада: Методологические проблемы исследования. Свердловск, 1990. С. 92–116; *Ландесман П. А., Согомонов Ю. В.* Спор с пессимизмом: Злоключения массового буржуазного сознания. М., 1971. С. 114–127; *Карцева Е. Н.* “Массовая культура” в США и проблема личности. М., 1974. С. 124–154; *Коган Л. Н.* Социология культуры. Екатеринбург, 1992. С. 19–21, 87–88; *Копалов В. И.* Общественное сознание: Критический анализ фетишистских форм. Томск, 1985. С. 186–205; *Он же.* Историзм как принцип социально-философского исследования. Свердловск, 1991. С. 125–151; *Феофанов О. А.* Агрессия лжи. М., 1987. С. 51–76; *Шерковин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973. С. 158–214.
- ¹⁶ *Замошкин Ю. А.* Указ. соч. С. 88.
- ¹⁷ *Копалов В. И.* Общественное сознание: Критический анализ фетишистских форм. С. 197.
- ¹⁸ См.: *Афанасьев В. Г.* Указ. соч. С. 201–203.
- ¹⁹ *Farber G.* Die manipulierte Mehrheit. Tubingen; Basel, 1971. S. 204.

²⁰ Цит. по: Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 19.

²¹ Там же. С. 41.

²² Там же. С. 196–201.

²³ Coodin R. E. Manipulatory politics. N. Hafen; L., 1980. P. 21.

²⁴ Иванчук Н. В. Указ. соч. С. 99.

²⁵ Farber G. Op. cit. S. 8.

²⁶ Franke H. W. Der manipulierte Mensch. Wiesbaden, 1964. S. 8.

²⁷ Цит. по: Карцева Е. Н. Указ. соч. С. 15.

²⁸ Там же. С. 9.

Глава 2

¹ Современная западная философия: Словарь. М., 1991. С. 262–263.

² См. об этом: Гарин И. И. Воскрешение духа. М., 1992. С. 495–507.

³ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 84.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Там же.

⁶ См.: Там же. С. 75–92.

⁷ Батищев Г. С. Философско-аксиологические идеи в концепции С. Л. Рубинштейна//Филос. науки. 1989. № 7. С. 30.

⁸ Новый социально-философский словарь: 100 слов. Екатеринбург, 1993. С. 44. Анализ редукции как своеобразного единства социально-философской методологии и специфической логики процессов в социальной реальности проводится в работах: Кемеров В. Е. Взаимосвязь социального и индивидуально-го как методологическая проблема обществознания: Дис. ... д-ра. филос. наук. Свердловск, 1978. С. 89–91, 192–197; Он же. Методология обществознания: Проблемы, стимулы, перспективы. Свердловск, 1990. С. 85–90; Он же. Проблема вещи в социально-историческом познании//Историческое знание и современность. Свердловск, 1987. С. 77–90.

⁹ Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века//Вопр. филос. 1992. № 2. С. 6.

¹⁰ Скоробогатский В. В. По ту сторону марксизма. Свердловск, 1991. С. 97.

¹¹ Там же. С. 28.

¹² Там же. С. 240.

¹³ См.: Marx K. Ökonomisch-philosophische Manuskripte vom Jahre 1884. Leipzig, 1988. S. 177.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Ibidem.

¹⁶ Ibid. S. 180.

¹⁷ Ibid. S. 221.

¹⁸ Marx K., Engels F. Die deutsche Ideologie//Marx Engels Werke. Berlin, 1983. Bd. 3. S. 426.

¹⁹ Marx K. Grundrisse der Kritik der politischen Ökonomie//Marx Engels Werke. Bd. 42. S. 95.

- ²⁰ Виллюнас В. К. Психологические механизмы мотивации человека. М., 1990. С. 29–31.
- ²¹ Швейцер А. Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 24.
- ²² Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 81.
- ²³ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 345.
- ²⁴ Гадамер Г. Г. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 22.
- ²⁵ Писарев Д. И. Соч.: В 4 т. М., 1956. Т. 3. С. 297.
- ²⁶ Солженицын А. И. Архипелаг Гулаг//Новый мир. 1989. № 11. С. 70–71.
- ²⁷ См.: Астафьев В. П. Любочка//Новый мир. 1989. № 9. С. 3–27.
- ²⁸ Шопенгауэр А. Избр. произв. М., 1992. С. 193.
- ²⁹ Зинченко В. П., Мамардашвили М. К. Изучение высших психических функций и категория бессознательного//Вопр. филос. 1991. № 10. С. 35.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1977. С. 154.
- ³² Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 484.
- ³³ См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 121–153.
- ³⁴ См.: Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук. М., 1975. Т. 1. С. 122–123.
- ³⁵ Ницше Ф. Воля к власти: Опыт переоценки всех ценностей. М., 1910. С. 326.
- ³⁶ Там же. С. 267–269.
- ³⁷ Ницше Ф. Так говорил Заратустра. М., 1990. С. 237.
- ³⁸ Юнг К. Г. Архетип и символ. М., 1991. С. 182.
- ³⁹ Там же. С. 111.
- ⁴⁰ Там же. С. 182.
- ⁴¹ См.: Уилбер К. Вечная психология: спектр сознания//Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М., 1990. С. 469–486.
- ⁴² Там же. С. 472.
- ⁴³ См.: Коган Л. Н. В четвертом измерении. Нижневартовск, 1994. С. 9–34.
- ⁴⁴ Фрейд З. Будущее одной иллюзии//Сумерки богов. М., 1989. С. 121.
- ⁴⁵ Оруэлл Дж. “1984” и эссе разных лет. М., 1989. С. 199.
- ⁴⁶ См.: Андерсен Г.-Х. Сказки. М., 1993. С. 136–148.

Глава 3

- ¹ См.: Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле. М., 1965. С. 1–24.
- ² Цит. по: Гаджиев К. С. Тоталитаризм как феномен XX века//Вопр. филос. 1992. № 2. С. 23.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ См.: Платонов А. Происхождение мастера. Свердловск, 1989. С. 126.
- ⁶ Там же. С. 91.
- ⁷ Войцванг П. Десять заповедей творческой личности. М., 1990. С. 156.
- ⁸ См.: Там же. С. 157.
- ⁹ См.: Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 133.

- ¹⁰ См.: *Тойнби А. Дж.* Постигание истории. М., 1991. С. 300–306.
- ¹¹ *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 44.
- ¹² См.: *Грейвс Р.* Мифы Древней Греции. М., 1992. С. 513–517.
- ¹³ См.: *Платон.* Собр. соч.: В 4 т. М., 1993. Т. 2. С. 203.
- ¹⁴ Там же. С. 225.
- ¹⁵ Там же. С. 274.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Пример взят из книги Когана Л. Н. “В четвертом измерении” (Нижегородск, 1994. С. 30).
- ¹⁸ *Лебон Г.* Психология народов и масс. СПб., 1896. С. 170.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 187.
- ²¹ См.: *Роцин С. К.* Психология толпы: анализ прошлых исследований и проблемы сегодняшнего дня//Психологический журнал. 1990. № 5. С. 8.
- ²² См.: *Лебон Г.* Указ. соч. С. 173, 186, 188–194, 200.
- ²³ См.: *Роцин С. К.* Указ. соч. С. 16.
- ²⁴ *Михайловский Н. К.* Соч. СПб., 1896. Т. 2. С. 204.
- ²⁵ См.: *По Э. А.* Избр. произв.: В 2 т. М., 1972. Т. 2. С. 7–16.
- ²⁶ Цит. по: *Баркан Д. И.* Маркетинг для всех. Л., 1991. С. 14.
- ²⁷ *Лебон Г.* Указ. соч. С. 259, 261.
- ²⁸ *Фрейд З.* Труды разных лет: В 2 т. Тбилиси, 1991. Т. 1. С. 82.
- ²⁹ Подробнее об имидже см.: *Гуревич П. С.* Приключения имиджа. М., 1990.

Глава 4

- ¹ *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. М., 1992. С. 44.
- ² *Фромм Э.* Бегство от свободы. М., 1990. С. 236.
- ³ *Сорокин П.* Современное состояние России//Новый мир. 1992. № 4. С. 193.
- ⁴ См.: *Баткин Л. М.* Сон разума//Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 47.
- ⁵ Механизм самооговоров описан в кн.: *Кестлер А.* Спящая тьма: Трагедия “стальных” людей. М., 1989.
- ⁶ См. об этом: *Восленский М. С.* Номенклатура: Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 110–111.
- ⁷ *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 42. С. 114.
- ⁸ *Ледд Э. К.* Конструкция как идеология//Журналист. 1990. № 10. С. 37.
- ⁹ *Франк С. Л.* Ересь утопизма//Квинтэссенция: Филос. альманах. 1991. М., 1992. С. 393–394.
- ¹⁰ *Философия власти.* М., 1994. С. 109.
- ¹¹ См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 189; Т. 6. С. 30.
- ¹² См. подробнее: *Зиновьев А. А.* Коммунизм как реальность. М., 1994. С. 138–141.

- ¹ См.: *Личность и массовая коммуникация*. Тарту, 1969; *Мансуров Н. С.* Личность и массовые коммуникации//Социология и идеология. М., 1969. С. 183; *Прохоров Е. П.* Журналистика как сфера информационной деятельности//Методы исследования журналистики. Ростов н/Д., 1979. С. 11; *Ученнова В. В.* Основные направления разработки теории публицистики. М., 1978. С. 65–67; *Фомичева И. Д.* Журналистика и аудитория. М., 1976. С. 20–21; *Шерковин Ю. А.* Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973. С. 191–206.
- ² Цит. по: *Ученнова В. В.* Публицистика и политика. М., 1973. С. 45.
- ³ См. подробнее: *Созонтов Г. М.* Историко-генетические закономерности искусства. Горький, 1974. С. 226–227.
- ⁴ См.: *Эскарпи Р.* Революция в мире книг. М., 1972. С. 7.
- ⁵ *Техника дезинформации и обмана*. М., 1978. С. 197.
- ⁶ Там же. С. 65.
- ⁷ *Шиллер Г.* Манипуляторы сознанием. М., 1980. С. 46.
- ⁸ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. М., 1970. Т. 2. С. 462.
- ⁹ См.: *Журналистика в политической структуре общества*. М., 1975. С. 54–55.
- ¹⁰ *Вахитова Т. М., Прокофьев В. А.* "Проклятия крестьян падут на вашу голову..."//Новый мир. 1993. № 4. С. 166–184.
- ¹¹ См. подробнее: *Ученнова В. В.* Публицистика и политика. С. 57–60.
- ¹² *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 6. С. 247.
- ¹³ Там же. С. 246–247.
- ¹⁴ *Брандес Г.* Собр. соч. СПб., 1896. Т. 14. С. 254.
- ¹⁵ *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 2. С. 40.
- ¹⁶ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 5. С. 10.
- ¹⁷ Эта ленинская лексика собрана в работе: *Багиров Б. Б.* Политическая культура и идейная убежденность социалистической личности. Свердловск, 1979. С. 4–14.
- ¹⁸ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 4. С. 270.
- ¹⁹ Там же. Т. 23. С. 53.
- ²⁰ См.: *Doob L. W.* Public Opinion and Propaganda. Hamden, Connecticut, 1966. P. 286.
- ²¹ *Симатова В. Н.* От деформации к перерождению: (Некоторые проблемы функционирования печати в системе тоталитарной власти)//Вестн. МГУ. Сер.: Журналистика. 1991. № 6. С. 33.
- ²² Там же. С. 28.
- ²³ *Зиновьев А. А.* Евангелие от Ивана//Вопр. филос. 1992. № 11. С. 61.
- ²⁴ *Прохоров Е. П.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁵ О явлении семантической фасцинации см.: *Брудный А. А.* Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972. С. 79; *Кульман А. Д.* Семантика пропаганды//Техника дезинформации и обмана. М., 1978. С. 142–143.
- ²⁶ *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. Л., 1992. С. 200.

²⁷ См.: *Словарь эпитетов русского литературного языка*. Л., 1979.

²⁸ На эту особенность словаря первым обратил внимание писатель и литературовед А. Битов.

Глава 6

¹ См.: *Adorno T. W. et al. The Authoritarian Personality*. N. Y., 1950.

² *Фромм Э. Бегство от свободы*. М., 1990. С. 142.

³ См.: Там же. С. 124–153; *Фромм Э. Психоанализ и этика*. М., 1993. С. 197–210.

⁴ *Фромм Э. Бегство от свободы*. С. 145.

⁵ Там же. С. 50.

⁶ *Adorno T. W. Studien zum autoritären Charakter*. Frankfurt a. M., 1973. S. 1.

⁷ *Ibid.* S. 2.

⁸ *Ibid.* S. 6.

⁹ *Ibid.* S. 8.

¹⁰ *Ibid.* S. 303–359.

¹¹ *Ibid.* S. 335.

¹² Анализ общественно-политического контекста этого исследования см.: *Шестопал Е. Б. Личность и политика*. М., 1988. С. 178–179.

¹³ См.: *Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор*. Минск, 1992.

¹⁴ Там же. С. 16.

¹⁵ Там же. С. 17.

¹⁶ См.: *Маслоу А. Самоактуализация/Психология личности: Тексты*. М., 1982. С. 108–117.

¹⁷ *Шостром Э. Указ. соч.* С. 20.

¹⁸ Там же. С. 34.

¹⁹ *Franke H. W. Der manipulierte Mensch*. Wiesbaden, 1964. S. 11.

²⁰ *Ibid.* S. 122.

²¹ *Ibidem*.

²² *Ibid.* S. 106.

²³ *Marcuse H. One Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. Boston, 1964. P. 9.

²⁴ *Ibid.* P. XV.

Научное издание

Ермаков Юрий Александрович

**МАНИПУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТЬЮ:
Смысл, приемы, последствия**

Редактор Н. В. Чапаева
Технический редактор Т. С. Сергеева
Корректор М. И. Лаевская
Обложка художника Л. Ф. Черных
Компьютерная верстка Е. И. Максименко

ИБ № 885

ЛР № 020227 от 08.10.91.

Подписано в печать 25.07.95. Формат 84×108¹/₃₂.

Печать офсетная. Бумага тип. № 2.

Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 10,8. Уч.-изд. л. 13.

Тираж 1000 экз. Заказ № 333.

Издательство Уральского университета.

620219 Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина, 136.

Отпечатано с оригинала-макета в ИПП «Уральский рабочий».

620219 Екатеринбург, Тургенева, 13.

В Издательстве Уральского университета готовятся к выходу в свет в 1995–1996 гг. следующие книги по философии:

Емельянов Б. В., Куликов В. Б. Русские мыслители второй половины XIX – начала XX века: Опыт краткого биобиблиографического словаря: В 2 т. Объем 60 п. л.

Словарь содержит исчерпывающую библиографию и краткие биографии более чем 3 000 русских мыслителей. Незаменимое справочное пособие для философов, библиотечных работников и всех интересующихся русской культурой XIX–XX веков.

Емельянов Б. В. Три века русской философии (XVIII–XX вв.): Учеб. пособие. Объем 16 п. л.

В учебном пособии представлены основные идеи, школы и персоналии отечественной философии XVIII–XX веков.

Для студентов, учащихся и всех интересующихся историей русской философии и культуры.

Блох Э. Тюбингенское введение в философию/ Пер. с нем. Объем 16 п. л.

Впервые публикуемая на русском языке книга известного немецкого философа, социолога и публициста Э. Блоха (1885–1977), создателя «философии надежды», освещает такие концепции, как теория порождения, теория конкретной утопии, онтология Еще-Не-Бытия и др. Автор пытается изменить ориентиры европейской культуры и перенести акцент с воспоминания, анамнесиса, Прошлого на конкретную утопию, надежду, Будущее.

Для студентов философских факультетов, преподавателей вузов и всех интересующихся философией.

Хайдеггер М. Избранное/Пер. с нем. Объем 16 п. л.

В книге собраны ранее не публиковавшиеся на русском языке работы видного немецкого философа-экзистенциалиста М. Хайдеггера (1889—1976). Среди них: «Что значит мыслить. Курс лекций 1954 года»; «О сущности истины»; «Конец философии и задача мышления».

Для студентов философских факультетов, преподавателей вузов и всех интересующихся философией.

Блум Х. Страх влияния. Карта неверного прочтения/Пер. с англ. Объем 16 п. л.

Впервые изданы на русском языке труды американского философа, литературоведа и писателя Х. Блума (р. 1930). Автор разработал теорию поэзии, представляющую собой синтез теории механизмов психозащиты, риторики и диалектики. Находясь под влиянием философии М. Бубера и историософии Г. Шолема, Блум усматривает сходство своей теории с гностическими системами и каббалой.

Для философов, литературоведов и всех интересующихся проблемами культуры.

Заявки просим направлять по адресу:
620219 Екатеринбург, ГСП-830, пр. Ленина, 136,
Издательство Уральского университета.

Телефоны: (3432) 51-11-84 и (3432) 51-54-48.